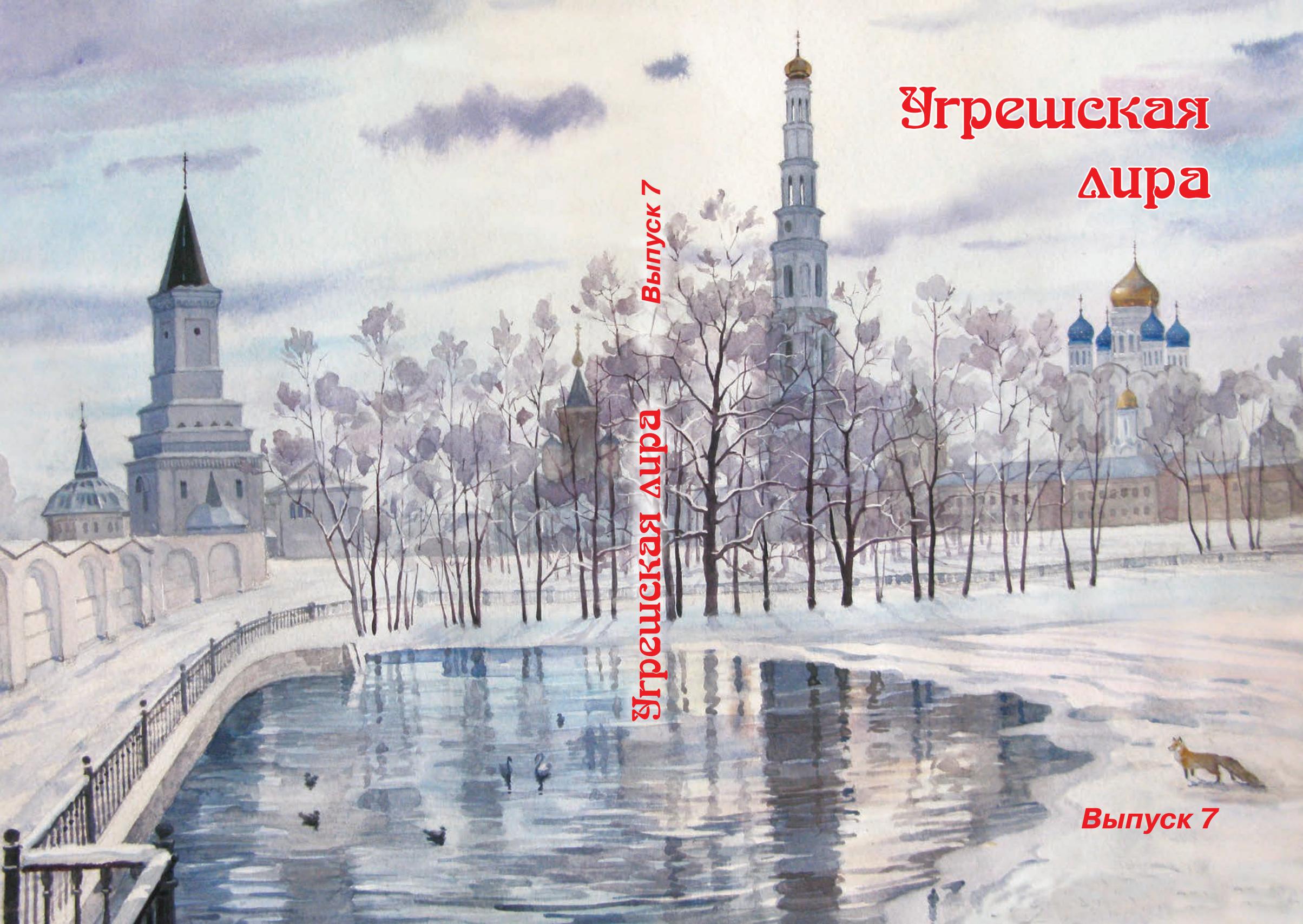

Угрешская дира

Выпуск 7

Угрешская дира

Выпуск 7

А.С. Пушкин

М.Ю. Лермонтов

Н.А. Некрасов

Ф.М. Достоевский

Д.В. Давыдов

Я.В. Смеляков

Архимандрит
Пимен (Благовец)

Игумен
Антоний (Бочков)

*К 240-летию Д.В. Давыдова
К 230-летию С.Т. Аксакова
К 225-летию А.С. Пушкина
К 220-летию со дня рождения и 150-летию
кончины игумена Антония (Бочкова)
К 210-летию М.Ю. Лермонтова
К 200-летию Ф.М. Достоевского,
Н.А. Некрасова и А.Н. Майкова
К 195-летию со дня рождения и 125-летию кончины
архимандрита Пимена (Благово)
К 150-летию Тэффи (Н.А. Лохвицкой)
К 130-летию О.Э. Мандельштама и К.Г. Паустовского
К 125-летию В.П. Катаева
К 120-летию М.А. Светлова
К 110-летию со дня рождения и 50-летию кончины
Я.В. Смелякова и В.Ю. Драгунского
К 100-летию гибели Н.С. Гумилёва
К 50-летию гибели Н.М. Рубцова*

Угрешская дира

Литературный альманах

Выпуск 7

2022

ББК 84 (2Рос–Рус)6–5
У 27

Угрешская лира: литературный альманах / ред.-сост. Е.Н. Егорова. — 7-й выпуск. — М.: Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России; Дзержинский: МОБОО «Общество “Семь Я”», 2022. — 304 с.: ил.

Седьмой выпуск «Угрешской лиры» посвящён выдающимся поэтам и писателям, чьи значимые юбилеи отмечаются в 2021—2024 годах. Книга открывается разделом, где собраны стихотворные посвящения наших авторов А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Д.В. Давыдову, Ф.М. Достоевскому, Н.А. Некрасову, К.Г. Паустовскому и другим литераторам. В их числе те авторы, чьи судьбы связаны с Николо-Угрешским монастырём и подмосковным городом Дзержинским: игумен Антоний (Бочков), архимандрит Пимен (Благово) и поэт Ярослав Смеляков, имя которого носит литобъединение «Угреша».

В разделе «Гости “Угрешской лиры”» опубликованы стихи Льва Котюкова, председателя правления Московской областной организации Союза писателей России, и его заместителей Игоря Витюка и Сергея Антипова. В разделе «Новые смеляковские лауреаты» помещены подборки произведений лауреатов Московской областной премии имени Я.В. Смелякова за 2019—2022 годы. Раздел «Угрешский Парнас» составлен из лучших стихов и прозы членов литературного объединения «Угреша» и лауреатов премии имени Я.В. Смелякова разных лет. Стихи и проза победителей и призёров 8-го и 9-го городских конкурсов «Юная муза Угреша», состоявшихся в 2020—2021 годах, опубликованы в одноимённом разделе.

Произведения Антония (Бочкова), Пимена (Благово), Ярослава Смелякова, Сергея Красикова, Валерия Аушева и Бориса Щербатова помещены в разделе «Элизиум “Угрешской лиры”». Завершают альманах новые исследования творчества Я.В. Смелякова и актрисы А.Т. Мартыкайнен.

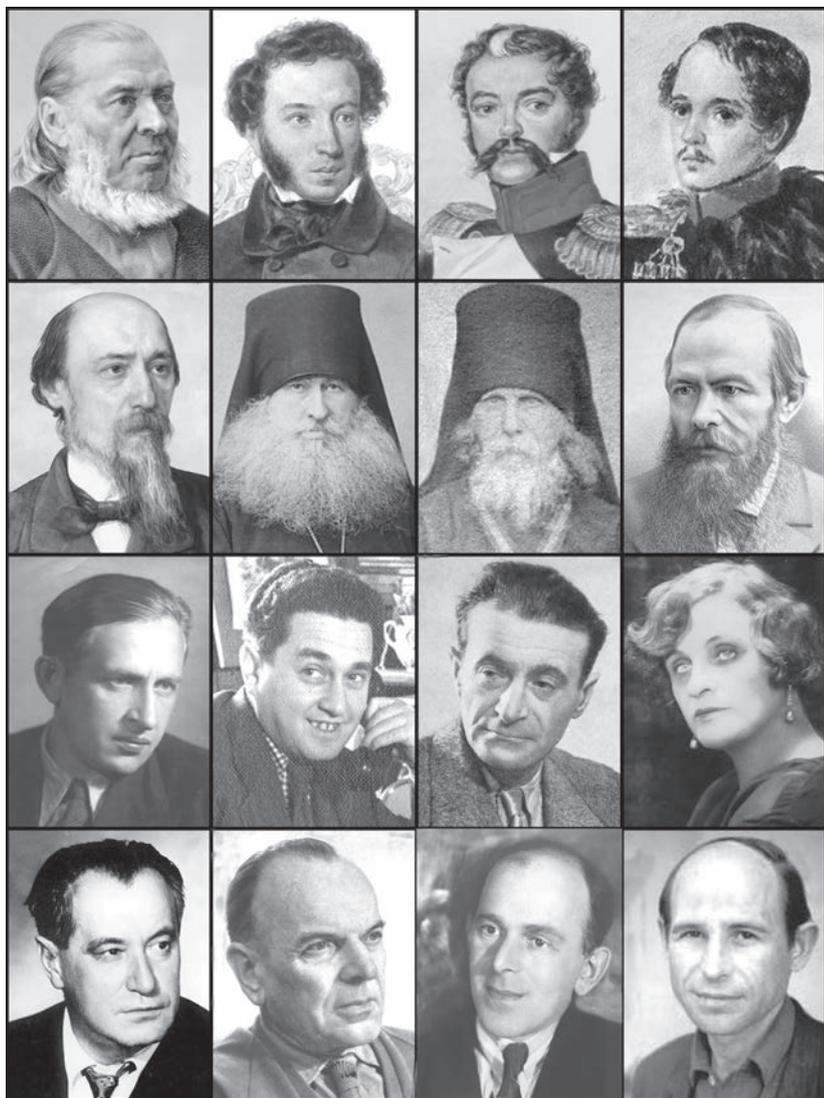
Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редактор–составитель *Елена Егорова*

Книга издана за счёт части премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье», полученной в 2018 году за проект «Угрешские альманахи», средств авторов и пожертвований попечителей.

ISBN 978-5-6047169-2-2

© Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России, 2022
© Егорова Е.Н., составление, фото, дизайн, 2022
© Авторы, тексты стихов и прозы, 2022

**Поэтический венок
русским литераторам**

Ярослав Смеляков

Лавровый венок

Звучала средь снегов
пятнадцатого года
последняя, без слов
державинская ода.

Понятно, отчего
был Пушкин благоденствен
в тот день, когда его
благословил Державин.

Всесветно одинок,
ослабый и мясистый,
свой лавровый венок
он отдал лицеисту.

При ропоте молвы
сошёл венок России
с поникшей головы
на кудри молодые.

Из всех стараясь сил,
по лестницам Лицея
юнец его носил,
всерьёз благоговей.

Он был ему под стать.
В нём сладостно дышалось,
но эта благодать
недолго продолжалась.

Всему приходит срок,
закату и рассвету,
и тесен стал венок
великому поэту.

Он был не так уж мал,
но с каждым новым годом
всё тягостней стеснял
души его свободу.

В один обычный день,
устав от постоянства,
он сдвинул набекрень
докучное убранство.

Шальная голова,
трибун ночных собраний
не стал из озорства
таскать его в кармане.

Венок судьбы чужой,
награду дорогую,
он снял своей рукой,
стыдясь и торжествуя.

В один и тот же миг
единственным движеньем
и сам себя расстриг,
и принял постриженье.

И доставал на свет
в колеблемом тумане
венки ушедших лет,
печаль воспоминаний...

Из цикла «Очаровательное Болдино»

Болдинский сентябрь

Сентябрь кошачьими шагами
Прокрался тихо вечерком,
Слегка волшебными кистями
Позолотил сады кругом,
На зелень болдинского лета
Накинул в крапинку вуаль,
И листья, словно брызги света,
Глядятся в зыбкую эмаль
Прудов. В ветвях жёлто-зелёных
Сентябрь пел нежно соловьём,
Потом румянил листья клёнов
Всё ярче, ярче с каждым днём.
Дружили ветер с ним и дождик...
А уходя ночной порой,
Благословил сентябрь-художник
Октябрь багряно-золотой.

Поздняя осень в Болдине

В Болдине поздняя осень мила
Мне, как Пушкину.
Пусть золотая пора отцвела,
Стала скучною
Пусть для кого-то родная земля
Без листвы жёлтокрылой огня,
Только не для меня.

Ведь оголённые ветви в саду —
Это росчерки,
Словно на стилом прозрачном пруду
Сердца очерки.
В нём оживают времён зеркала.
Мысль поэта мудра и бодра —
Вдохновенья пора!

Первый снег в Болдине

До Покрова ещё неделя.
Деревья в золоте стоят.
Туристы золотом шуршат...
На болдинский заветный сад
Вдруг злые ветры налетели

С дождём холодным, с первым снегом.
Он лёг на крыши и мосты,
Дорожки, лестницы, кусты,
Деревьев ветви и цветы.
Довольные своим набегом,

Умчались ветры. Сад уныл,
Нахохлился, нахмурил брови.
Но царственной осенней крови
Нежданный гость зимы суровой
Не охладил, не победил.

Снег обречён растаять. Вот
Дождём с природы сходит проседь.
И снова болдинская осень
На пир поэзии нас просит,
В мир вдохновения зовёт.

Болдинское притяжение

В России много заповедных мест,
Источников великих вдохновенья.
Но в Болдине особенная есть
Лирическая сила притяженья.

Здесь оживают гения следы
На половицах пушкинского дома,
Нарядные осенние сады
Хранят поэта силуэт знакомый.

Здесь листья шепчут дивные стихи,
Когда слетают друг за другом с веток.
Пруды порой загадочны, тихи,
Наполнены прохладой и светом.

Порою отражений зыбких вязь
Напоминает пушкинские строки.
Поэзия живёт здесь, не таясь,
Неиссякаемы её истоки.

Она сиянием влечёт всех нас
Весной и осенью, зимой и летом.
Здесь каждый россиянин хоть на час
Становится в душе чуть-чуть поэтом.

Гость иностранный тоже может здесь
Проникнуться лучами вдохновенья,
Ведь в Болдине особенная есть
Лирическая сила притяженья.

Александр Андронов

А.С. Пушкину

Твои стихи — твоя забава,
Твоя пленительная рать.
Господь им предоставил право
Земными судьбами играть.

Их строк высокое движение
Дарует вечную судьбу.
Они войдут как откровенья
И в храм, и в ветхую избу.

Я живу среди людей времени текущего,
Только всё безбожно врёт этот календарь.
Я недавно повстречал Александра Пушкина,
Тем же воздухом дышал, что дышали встарь.

Колокольный звон летит в небеса безбрежные,
Рядом с гением иду, время подождёт.
Хоть и век теперь другой — ну а мысли прежние:
Может быть, и мне теперь что перепадёт!

Голову набыю сейчас фразами изящными.
Белым парусом летит лёгкая строка.
Он читает новый стих, чудо настоящее,
Что в историю войдёт сразу, на века.

Жизнь есть жизнь, и всё года по местам расставили,
Мир его боготворил в разные века.
Только вот мои стихи от времён растаяли,
Но строка «Я вас любил...» — и моя строка.

Гений Пушкина

Дорога тянется, и треснул посох пыльный...
Но давим землю голою пятой —
Как нет крестов у Бога непосильных,
Так есть всегда глоток воды святой.

Мы все в плену у собственного рабства
И ценности готовы растерять,
Но есть у нас великое богатство.
Его ни распродать, ни обменять.

Поэзия! А на вершине Гений!
Божественные строки и слова,
Что вывели Талант и Вдохновенье
И что не может очернить молва.

Какая мощь и сила дарованья,
Какой восторг, безумие и пыл
В живых словах «Очей очарованье...»
Иль в строчках дорогих «Я вас любил...».

Как сын, он предан был своей столице,
Какими сладостными были дом и дым!
Он никогда б не съехал за границу,
Хотя французский был почти родным.

Всех строже и надёжней Время судит.
И Пушкин на дуэли не убит.
Он прославлять свою Отчизну будет,
Пока глаголет хоть один пиит.

Воронцовский дворец

*Когда, любовью и негой упоённый,
Безмолвно пред тобой коленопреклонённый,
Я на тебя глядел и думал: ты моя —
Ты знаешь, милая, желал ли славы я...*

А.С. Пушкин

Да, тайна графского дворца
Всегда величием манила...
Здесь по велению Творца
Хозяйка Пушкина пленила.
Поэта в мир любви ввела
По тропке чувственной и зыбкой.
Была графиня так мила
Очаровательной улыбкой!
Поэт в любви всегда горит
До иступленья вдохновенно.
Какая дама устоит
Пред ним, коленопреклоненным?
И позабыв про крепость уз,
Про вечность брачного завета,
Явилась лучшею из муз
Для гения Елизавета.
Разлуки верная стезя
Ждала их во спасенье чести.
Знаменьем неба им нельзя,
Им не дано остаться вместе.
И только все его стихи
До смерти были рядом с нею.
В них и сейчас её грехи
Цветами жизни пламенеют!

Тихо во дворике Пушкина в Питере.
Голуби дремлют на белых карнизах.
Службы вечерней в последней обители
Ждут фонари, как священники в ризах.
Смотрит поэт с высоты очарованно,
Чувствую рядом души дуновение.
Здесь было гордой судьбой уготовано
Грустно проститься ему с откровением...
Тихо во дворике Пушкина в Питере.
В бронзе поэт и цветы у подножья...
Здесь вдохновенье витает в обители,
Память людей, недосказанность Божья...

Ярослав Смеляков

Денис Давыдов

Утром, вставя ногу в стремя, —
ах, какая благодать! —
ты в теперешнее время
умудрился доскакать.

(Есть сейчас гусары кроме:
наблюдая идеал,
вечерком стоят на стрёме,
как ты в стремени стоял.

Не угасло в наше время,
не задули, извини,
отвратительное племя:
«Жомини да Жомини».)

На мальчишеской пирушке
В Царском, — чтоб ему! — Селе
были вы — и ты, и Пушкин —
оба-два навеселе.

И тогда тот мальчик чёрный,
прокурат и либерал,
по-нахальному покорно
вас учителем назвал.

Обождите, погодите,
не шумите — боже мой! —
раз вы Пушкина учитель,
значит, вы учитель мой!

Елена Егорова

Зимние Тарханы

Теней узоры на прудах
Струятся по снегам волнистым.
И солнце прячется в ветвях,
Одетых инеем искристым.

Тарханский дом глядит тепло
Окошками сквозь сетку веток.
Веранду, крышу замело,
Но дом наполнен тихим светом.

И чудится: Мишель вот-вот
В окошке где-нибудь мелькнёт,
И струны лиры зазвучат,
Как много зим тому назад.

Роза «Лермонтов»

Есть роза тёплой белизны,
Чьи лепестки из перламутра
Как будто сделаны, нежны,
Подобны первым грёзам утра.

То символ высоты души,
Которая общалась с Богом,
Грустя в объятиях тиши,
Кремнистым следуя дорогам,

Когда в дни мира и войны
Вдруг вопреки земному мраку
Стихи небесной глубины
Текли на чистую бумагу.

Стихам бессмертье суждено,
И в честь великого поэта
Голландцами не зря дано
Название розе белой этой —
«Лермонтов».

Тарханское стихотворение

Уехав из Тархан, душой
Я там порою нахожусь
И лермонтовскою тропой
По берегам прудов брожу,
В беседках с книгою сижу,
То птичек слушаю в саду.
То к дому барскому иду,
То к храму улицей Бугор.
Кругом полей родных простор.

Со мною вместе хоровод
Поэта образов идёт,
Его друзей, его врагов,
Хоть и не слышно их шагов.
Его возлюбленных, родных —
Людей, поэту дорогих.
Там сохранились на века
Его любовь, его тоска
И обстановка старины
В объятьях сельской тишины.
Там помнит Лермонтова взгляд
Его вещиц любимых ряд.
Мне не страшны ни дождь, ни ветер:
Душа поэта ярко светит
Без всякой фальши и теней.
И оттого душой своей
В Тарханах я порой брожу
И для себя там нахожу
Оттенки лермонтовской мысли
И бытия земного смыслы.

Александр Андронов

В годовщину смерти Лермонтова

Там, в Пятигорске у горы Машук,
Прощенья у тебя я попрошу.
За время, за Россию, за себя,
За то, что редко по тебе скорбят.
За то, что одолел проклятый быт
И одинокий парус позабыт.
И сколько по дороге ни иди,
Всё ж не забрезжит счастье впереди.

Что некому с звездою говорить,
А гением опять опасно быть.
Что одолела алчная попса
И не слышны великих голоса.
Что Бог таланта не дал, а пишу
И этим перед ближними грешу.
Что помним мы тебя через века.
Что жизнь у человека коротка...

Владимир Марфин

Лермонтов

Бледный месяц висел над загорьем,
в отдаленье река шелестела...
Не смотрел победитель Печорин
на Грушницкого мёртвое тело,
не ломала изнеженных ручек
молодая прекрасная Мери...
Только грыз оскорблённый поручик
меловые гусиные перья...

Раздражённый, голодный, усталый,
с перебитым в бою эполетом,
он лежал на своём одеяле
и смотрел на свои пистолеты,
и разглядывал их, и томился...

За стеною давно все уснули.
Только ветер в бессоннице бился...
А назавтра на землю сырую
был он брошен бездарным убийцей.

Стаи туч, грохоча и бунтуя,
словно адские чёрные птицы,
всё кружились над ним, всё рыдали,
когти молний о скалы скользили...

Он лежал...
А в России не знали,
что его в этот вечер убили.

Наталья Алимова

**По мотивам стихотворения
Аполлона Майкова «Мать»**

*«Бедный мальчик! Весь в огне,
Всё ему неловко!..»*

А. Майков

Мать самоотверженно
За ребёнка борется,
Ненасытной смертушке
Не отдаст дитя!
Ведь своей кровинушке
Сердцем всем привержена,
О болящем молится,
Дитяtko крестя.
«Отшатнися, смертушка!» —
Мать не пустит грозную.
Вырастет детинушка
Статен и силён.
Теплится лучинушка,
Чаду Божья Матушка
Дарит ночью звёздную
Исцеленья сон.

Монолог героя Достоевского

Над Петербургом утро хмурится,
Рассвет забрезжил над Невой.
В оконце — блик промозглой улицы,
Тоска овладевает мной.

Куда идти, на что надеяться? —
Не знаю, всюду — пустота.
Бессмыслица туманом стелется,
Вся жизнь — бесправье, нищета.

Не сможет, не превозможется
То, что не в силах превозмочь,
От мыслей сердце изнеможется,
Их ни унять, ни выгнать прочь.

Но всё же робко уповаю я —
Пробьётся слово в тишине,
Откроется судьба моя —
Писатель вспомнит обо мне.

В Карабихе

Памяти Н.А. Некрасова

В Карабихе липы безмолвно хранят
Некрасова светлый задумчивый взгляд,
А в парках отрадно бродить и мечтать,
И строки любимых стихов вспоминать.

В усадебном доме — покой и уют,
Здесь музы всегда находили приют,
За общим столом собиралась семья,
Не раз навещали поэта друзья.

Некрасов, охотясь по здешним местам,
С крестьянами часто беседовал там,
Поэму о доле народной слагал,
За нужды людские душою страдал.

А ныне усадьба — чудесный музей,
Дом Деда Мазая встречает детей,
Найдёт вдохновенье любой человек,
В Карабиху сердцем влюбляясь навек.

Владимир Марфин

Карабиха

Льву Ошанину

Карабиха полна очарованья
в осенней позолоте лип и трав.
Она мне вновь назначила свиданье,
желания мои предугадав.

Я здесь бывал на праздниках поэта,
бродил его тропинками в тиши...
И что скрывать, те памятные лета
навек сокровенны для души.

И вот опять иду густой аллеей,
предснежным резким воздухом дышу
и ни о чём на свете не жалею,
и ничего у жизни не прошу.

Лишь только бы мгновенье это длилось,
как свет звезды, мерцающей в ночи,
и чтоб судьба мне оказала милость,
ничем пустым его не омрачив.

Какая тишь! Какое буйство красок!
И лишь за парком лай и шум живой,
как будто возвращается Некрасов
с охоты иль прогулки верховой.

Сейчас подъедет, глянет, улыбнётся:
«К нам гость? Прошу... Агаша, проводи...»
И сердце, веря, так стучит и бьётся,
что горячо становится в груди.

И сладко длится этот миг обманный,
и невозможно думать об ином.
И падает мне в руки лист багряный,
пропахший терпкой прелью и вином.

Елена Егорова

Стихотворение о стихах

*Памяти игумена
Антония (Бочкова),
духовного поэта*

Стихи — это труд души,
Запечатлённый в Слове.
В них продолжает жить
Прошрое, словно внове.

В стихах — грядущего рок.
Божьих поэтов очи
Читают созвездья строк
Книги святых пророчеств.

В поэтах не потушить
Пламя святой любви.
Стихи — это свет души,
Запечатлённый в Слове.

Архимандрит Пимен (Благово)

Творец истории Угреши
В послушниках тут долго жил
И в горестях был тем утешен,
Что верно Господу служил.

Простил жене своей измену,
Уйдя от мира в Божий дом,
И занялся самозабвенно
Здесь историческим трудом.

По документам воскрешая
Событий древних череду,
Стихи, поэмы сочиняя,
Жил с Богом и с собой в ладу.

С молитвою, не зная лени,
Тропами прошлого прошёл,
Чем у грядущих поколений
Известность и любовь обрёл.

Идут путём, что он протóрил,
Последователи его.
Покойся с миром, наш историк,
В монахах — Пимен (Благово).

Посидим на кухне, дорогая.
Старые картинки на стене,
Впечатленья детства оживляя,
Беззаботность возвращают мне.

Чайник зашумит нетерпеливо.
Не бывало примуса у нас.
Дождь в окно стучится сиротливо.
Будем мы чаёвничать сейчас.

Не воскреснет лет зловещих драма.
Места нет тревогам тяжким тут.
Вечны только строки Мандельштама,
В душах свой обретшие приют.

Цветочки счастья

Памяти Сергея Аксакова и Валентина Катаева

«Аленький цветочек»,
«Цветик-семицветик».
Лучик книжных строчек
Сквозь года нам светит.

Прелесть добрых сказок
В сердце с малолетства.
Милые проказы.
Дружба по соседству.

Дивные цветочки
Обрести желали,
Чтоб их лепесточки
Грёзы воплощали.

Верили и ждали:
Волшебство случится,
Всё, о чём мечтали,
Сбудется, свершится!

В зыбкой детства власти
Разве понимали,
Что цветочки счастья
Мы в руках держали?!.

Таруса Паустовского

Благословенная тарусская земля!
Ока, леса, раздольные поля.
Здесь Паустовский отдыхал душой,
Цветами нежными сад наполняя свой.

Тут много упоённо сочинял,
Рыбачил, по окрестностям гулял.
В сей вдохновенный был приют влюблён,
Что «русским Барбизоном» наречён.

Ильинский омут прелестью манил,
Причудливые образы дарил,
И краски слов ложились на листки,
Как золотые розы лепестки.

Сегодня в его домике — музей,
Ждёт посетителей — и взрослых, и детей.
Хранит любви и искренности свет —
Писателем оставленный завет.

Тэффи и кошки

Памяти Тэффи — Надежды Лохвицкой

1

Она любила юмор и сатиру,
Писала быстро и самозабвенно.
И прозой, и стихами пела лира
В её руках. А кошки непременно
С ней жили. Как она их обожала!
Нелюбящий котов ей не был близок.
И даже к Государю приезжала
Она на бал со свитой милых кисок.
Питомиц было пять. Наш царь простил
Чужачество любимой юмористке:
Таланты Тэффи царский двор ценил.
И к фрейлинам ласкались нежно киски.

2

Ей на чужбине в старости несладко
Жилось: она перо не продавала
Нацистским газетёнкам и журналам.
Кошачьи осторожные повадки
Всё более она приобретала.
Писала понемногу мемуары,
Душой живя той Родиною старой,
Которую пришлось давно оставить...
И Тэффи помнят до сих пор в России,
Хоть семь десятков лет её нет с нами.
И, может быть, она из ясной сини
Глядит на нас кошачьими глазами.

Памяти поэта Николая Гумилёва

Дух странствий дальних поселился
В твоих мечтаньях с детских лет,
С пустынным ангелом сдружился,
Его молитвами согрет.

По саду, что возвращён тобою,
Под пятистопный ямб души
Пройдём знакомою тропюю,
Отринем горести в тиши.

Я поведу тебя аллеей
Могучих северных дубов,
Был Пушкин всех тебе милее
В имперском золоте цветов.

Тифлисский камушек спасенья —
В нём пробы первые пера,
«Ущелья, мхи и песнопенья»,
Безумства «горькая» пора.

Вот островок любимой Анны,
В слезах незримая река.
Бедой отравленные раны
Хранят ушедшие века.

Твою печаль в тоске холодной
Теперь покоят небеса...
И свет в ночи над гладью водной,
И неземные голоса...

Михаил Светлов

Всё совершается, как надо,
хоть и не сразу, не сполна.
Но горсть земли из-под Гренады
была в Москву привезена.

Её везли не без опаски
через границы вдалеке,
как будто в старой русской сказке,
в полукрестьянском узелке.

Ей красоты недоставало,
оттенков сизо-золотых, —
она из пыли состояла
и мелких камешков нагих.

Но, несмотря на это, всё же
она на свой особый лад
была для нас куда дороже
и украшений, и наград.

И мы её, чтоб легче было
тебе лежать от всех вдали,
на тихий холм твоей могилы,
как надлежало, принесли.

Ведь есть естественность прямая
в том, что сегодня над тобой
земля Испании сухая
смешалась с русской землёй.

Владимир Марфин

Михаил Светлов

*Как мальчики, мечтая о победах,
Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах —
Любовь моя и молодость моя.*

Михаил Светлов

Сморщенный, носатый, узкогубый,
остроумен, но и ядовит,
он тому, кого порой полюбит,
всей душой открыться норовит.

Сам частенько без гроша в кармане,
но узнав, что ты в засилье бед,
ободрит и экстренно заманит
в дом на Камергерском — на обед.

Скромненькая светлая квартира.
На стене большой портрет Родам.
И, конечно, никакого пира —
никакого шика — я те дам.

Но однако рюмочка найдётся.
И, хваля самтредский коньячок,
весело хозяин улыбнётся
и слегка картавя: «Обойдётся!
Всё пройдёт, поверь мне, старичок!»

Много лет и сам он был в загоне.
Не писалось... раздражался... пил.
Но родился драгоценный «Домик»,
и поэт воспрянул, воспарил.

Как я благодарен Смелякову,
что в один из светлых летних дней
он привёл меня на суд к Светлову
с грешною поэмкою моей.

И потом не раз при кратких встречах,
изжевав прокуренный «бычок»,
ободрял Аркадьевич сердечно:
«Жми и верь. Всё будет, старичок!..»

Время нынче стало посвободней.
Каждым днём сильнее дорожу.
Но из настоящего *сегодня*
в *прошлое* всё чаще ухожу.

Где сияют в ореолах света
бывшего земного бытия
жизнь мою согревшие
Поэты.
А при них и молодость моя.

Авторские примечания:

Родам Амирэджиби — жена М.А. Светлова.

Грешная поэмка — «Ванька» Владимира Марфина.

«Охотничий домик» — последняя книга М.А. Светлова.

Наталья Алимова

Актёр-ополченец

Памяти Виктора Драгунского

На крыше строенья на Малой на Бронной
Дежурство несёт театральный актёр
И в сумраке ночи с Москвой осаждённой
Ведёт сокровенный простой разговор.

Не чувствовал раньше такого волненья,
Когда себя зрителям щедро вверял,
Он им отдавал мастерство и умение,
Талантом своим завораживал зал.

Теперь у актёра другая забота —
Столица судьбу доверяет ему.
Нет более важной и нужной работы,
Чем город сберечь, не отдать никому!

«Москва дорогая! Клянусь, обещаю:
Врага не пропустим, наш град отстоим.
Столица! Всем сердцем тебя уверяю:
Мы выстоим, выдюжим, мы победим!

И снова свет ramпы в театре зажжётся.
Восторгом огромный наполнится зал,
Волшебная сказка на сцене начнётся,
И Золушку Фея проводит на бал.

А вечером Чацкий попросит карету,
Объявит Онегину Ленский дуэль,
Сживёт Кабаниха невестку со свету,
Башмачкин заветную справит шинель...

За нами — Победа! Всё будет, всё будет.
Мои ты запомни, родная, слова!» —
Твердил ополченец под залпы орудий,
И с ним соглашалась ночная Москва.

Ксения Александрова

Памяти Ярослава Смелякова и Николая Рубцова

Нас кому-то будет очень жаль.
Николай Рубцов

«Если я заболею...»
У костра задушевно мы пели.
И витали в горах
Грусть поэта и смертных тоска.
В сердце бьющие образы
Нас тревожили, души немели.
От стихов трепетали
Над скалой облака.

А слова — как пророчества,
Набивавшие силы, —
Плетью огненной жгли,
Строя авторам злую судьбу.
В шестьдесят —
Смеляков лёг в могилу.
В тридцать пять —
молодого Рубцова сгубили,
Как по нотам — крещенским стихам...
Прикусила до боли губу.

Владимир Марфин

Татьяна Стрешнева

И святая, и грешная, как всякий поэт,
Таня, Таточка Стрешнева,
добрый друг давних лет.
Не сказать, что тростиночка,
но стройна и горда, а в глазах
то ли льдиночка, то ль шальная звезда.

Поэтессы, поэточки — рифмой взяты в полон —
наши дивные девочки, музы бурных времён.
Белла, Риммочка, Танечки — все пока что «немы»,
все пока в «начинающих», как и многие мы.

Но с пустыми карманами, да и чрева пусты,
окаянными, пьяными были мы от мечты,
от того, что все молоды и что призваны петь,
и сменяем на золото нашу бедную медь.

Вскоре юное творчество полюбила страна.
Ты ушла в переводчицы, благо стала больна,
одержима из Вечности и из наших времён
принести человечеству сотни славных имён.

И запели привычно, как в родном далеке,
столько самых различных на *твоём* языке.
И таджики, и персы, и туркмен, и узбек —
страстные песнопевцы любви и судеб.

Ну а подвиг твой женский нелёгкий, большой,
тот, где отдано сердце с ранимой душой
одному, с кем согласна пройти все межи,
и в недоле и в счастье —
он один на всю жизнь.

Ярослав Смеляков с женой Татьяной Стрешневой. Фото 1960-х гг.

Были связи и раньше, но всё прошлое — вон! —
и под бурные марши, и под стон похорон,
обрывалось минутно, как решалось тебе...
И вдруг бес шалапутный стал как светоч в судьбе.

Не атлет, не красавец, выпивоха, крутой,
в чём-то даже мерзавец, в общем — полусвятой.
Наречён Ярославом, видно, верила мать,
что сын ярью и славой сможет жизнь обуздать.

Ту, что дико ломала и лупила под дых
так, что боли хватало одному на троих.
Ту, что свила безвинно три *отсидки* в одну —
и в плену клятом финском, и в советском плену.

И за эти страдания, где хватило всего,
полюбила ты, Таня, непростого его.
И за ярь, и за славу, и за то, что таков,
мало что Ярослав он, так ещё Смеляков.

И за то, что мехами украсить не мог,
и за то, что *стихами* наградил его Бог.
И за то, что хоть строг был, но и ласков, любя.
И за то, что из многих он выбрал тебя.

А когда умирал он, уходя в память, в дым,
как по-бабьи рыдала ты над горьким, над ним.
Как бросалась к Богу, то моля, то кляня:
«Ну позволь хоть немного... ну оставь для меня!..»

Только не упростила, хоть надеялась, хоть...
Видно, сладить не в силах был со смертью
Господь.

Пусть порой с Яром было словно с чёртом в аду,
но ведь так ты любила — на измор, на беду.
И теперь вдруг находишь, что жила, как в раю,
словно бы *переводишь*
его душу в свою.

Примечания:

Стрешнева Татьяна Валерьевна (около 1913—1991) — поэтесса, переводчица, вторая жена Я.В. Смелякова.

Белла — поэтесса Белла Ахмадулина.

Римма — поэтесса Римма Казакова.

Танечки – поэтессы Татьяна Бек, Татьяна Глушкова, Татьяна Кузовлева, Татьяна Стрешнева.

Гости «Угренской дыры»

Лев Котюков

Лев Константинович Котюков

(9.01.1947 — 2.09.2022) — поэт, прозаик, публицист, председатель правления Московской областной организации Союза писателей России, секретарь Союза писателей России, автор многих книг стихов и прозы. Заслуженный работник культуры РФ. Главный редактор журнала «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры» и серии «Золотое перо Московии: антологии одного стихотворения». Лауреат Международной премии имени

святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, премии Центрального федерального округа в области литературы и искусства 1-й степени и ещё более 40 международных, всероссийских и областных премий, в том числе Московской областной премии имени Ярослава Смелякова. Удостоен многих государственных и общественных наград.

Колокола

Рождаются в земле колокола
И полнят чудным пеньем дол и небо.
И опадает сумрачная мгла,
И прозревает над водою верба.

Колокола рождаются в земле,
Но чудным звоном осеняют дали.
И птицы оживают в зябкой мгле,
И отступают ложные печали.

Но вот молчаньем чудный голос стал,
И тишина объемлет явь живую...
А где-то льётся огненный металл,
Клокочет, обжигая плоть земную.

Спекается, дымится глинозём,
Но яви колокольной ждёт планета...
И образ зверя, явленный огнём,
В молчанье обретает образ света.

Гоголевский мотив

Так как-то всё...

Н.В. Гоголь

Всё, брат, не так! Всё как-то так...
Поёт эфир во тьме тревожной.
Дорога. Родина. Бардак.
И это всё во длани Божьей.

И всё как будто не своё
В глуши вселенского провала...
Но как-то остаётся всё,
Когда, казалось, всё пропало.

И нечего Судьбу винить,
И проклинать во тьме дорогу...
Ведь ничего не изменить!..
И слава Богу... Слава Богу!

Башня

Ты встретился с болью вчерашней.
А юность? Была ли?.. Была!
Вот здесь, у Останкинской башни
Горела... Сгорела дотла.

Над башней ознобной весною
Гремели грома впопыхах.
Проросшею осью земною
Качалась она в облаках.

Какая надежда и вера
Сердца воскрешала в те дни!
Вампилов, Рубцов, Передреев —
Куда подевались они?

Вставала любовь у порога,
Зелёные ночи без сна...
А нынче? А нынче тревога
Всю жизнь озаряет до дна.

Тень башни на город ложится,
И слепнет душа в суете.
И чудится: чёрные птицы
Кружат в неземной высоте.

А где-то далёко-далёко
Встаёт полевая звезда.
И всё, что сгорело до срока,
Уже не сгорит никогда.

Ты встретился с болью вчерашней.
Как юность, летят облака.
Прощаясь, посмотришь на башню —
Стоит ли?.. Стоит! На века!..

На лёгком ветру бытия,
Почти что в преддверии рая,
От Бога любовь не тая,
От мира любовь не скрывая,
Мы видим друг друга во сне,
Как в пламени росного луга,
И въявь в неземной тишине
Сгораем в объятьях друг друга.

Незримое Солнце встаёт
И полнит огнём поднебесье,
И росное пламя поёт,
И мы, как слова этой песни,
Сгораем, любовь не тая,
И Бог не даёт нам иного —
На лёгком ветру бытия,
В цепях притяженья земного...

Северным летом

*Только в любви человек
постигает вечную
молодость Божию.*

Эта жизнь, как северное лето,
Как осколок льдинки в кулаке.
И уходит молодость до света
Лунною дорогой по реке.

И любовь у края белой ночи
Всё молчит над берегом одна.
И напрасно кто-то там бормочет,
Что любовь без старости нужна.

И душа с мечтою молодою
Прозревает дальние века.
И нисходят с Севера грядую
В седине громовой облака.

И дорога лунная пропала,
Но не стоит плакать от того,
Что душе и молодости мало,
Что любви не надо ничего...

Игорь Витюк

Игорь Евгеньевич Витюк — поэт, публицист, литературный критик. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Заместитель председателя правления Московской областной организации Союза писателей России. Редактор военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии им. М.В. Фрунзе Минобороны России. Полковник запаса, ветеран боевых действий. Имеет более 20 государственных и ведомственных наград, в том

числе медаль «Участнику военной операции в Сирии». Лауреат Московской областной губернаторской премии имени Р.И. Рождественского, Всероссийской премии имени генералиссимуса А.В. Суворова, Международной премии имени К.М. Симонова, московских областных премий имени Я.В. Смелякова, Е.П. Зубова, «Золотое перо Московии», республиканской премии имени Комсомола Украины и других премий.

День рождения

Мы в день рождения жизнь итожим,
Ведь каждый миг и каждый час
Всё больше тех, кто нас моложе,
Всё меньше тех, кто старше нас.

А молодость беспечной птицей —
Давно уже в краях иных,
И остаётся лишь молиться
За самых близких и родных.

Промчался год. И слава Богу!
Поднимем чарки, не спеша.
И пусть к Святой Любви дорогу
Найдёт бессмертная душа!

Иисусова молитва

Душа без молитвы пуста, —
В грехах пропадает и мечется.
Давно понимать перестал
Я душу родного Отечества.

Как тяжело душе без Царя
Под гнётом коварного дьявола!
И, может, Россию не зря
Господняя милость оставила.

Откроет правдивая смерть
Весь ад, в этой жизни посеянный,
И буду я скорбно жалеть
О мыслимом и содеянном.

И вновь сатана душу рвёт
Соблазнами и потребительством.
Никто никого не спасёт:
Ни близкие, ни правительство...

Душа без молитвы мертва,
Слабею от ада кромешного,
Но вновь повторяю слова:
«Помилуй мя, Господи, грешного!»

Причастие

О, где ж Источник жизни вечной,
Ведь перед смертью все равны?..
И наши годы скоротечны,
И все минуты сочтены.

Жизнь меркнет в суете и злобе,
Пустыней выжжены сердца.
Никто не думает о гробе,
Не ждёт предсмертного конца.

Моя душа познала счастье,
Когда, раскаявшись сполна,
Господь мне даровал Причастье,
И в сердце — вечная весна!

Христовы Тайны исцеляют
Больную душу, ум и плоть.
Я чувствую, я верю, знаю:
Что в этот миг во мне Господь!

Рождество

Без Бога жизнь горька и пресна,
Без покаяния — пуста.
К Спасению дорогой тесной
Иду под тяжестью Креста.

Но не нужна судьба иная,
Как жизнь чужая не нужна.
Порой себя не понимаю, —
Как будто вновь в душе война.

И сколько б раз не оступился,
Но в полночь становлюсь собой,
Как будто я на свет родился
Под Вифлеемскою звездой.

Я вновь нашёл в любви спасенье,
В любви Небесной и земной...
И Божие благословенье
Отныне навсегда со мной!

Моё крещение

*Посвящаю моему отцу
Витюку Евгению Александровичу*

Я был крещён в крещенские морозы,
Искрился под луною саван-снег,
Застыли на шинели льдинки-слёзы...
Я искупил свой первородный грех.

То были слёзы горя и сомненья, —
Ведь накануне схоронил отца.
С Христом я сораспялся в миг Крещенья
И принял кровь тернового венца.

Отец мой перед тем, как мир оставил,
Раскаялся, что не крестил сынов,
И волею последнею направил
Меня на путь спасительный Христов.

С Отечеством я стал единым целым, —
С Отечеством Небесным и земным.
Стал не советским — русским офицером,
И с Богом я вовек непобедим! —

Вооружён молитвою святою
В незримых битвах на своём пути.
Кто не крестился Духом и водою,
Не сможет в Царство Божие войти!

Христово Воскресение

Дышит небо апрельской тоскою,
Замирает невидимый мир,
Божий Крест над мирской суетою —
Мой единственный ориентир.

Оставляя свои заблужденья
И отбросив земные дела,
Жду Пасхального Воскресенья,
Чтобы в сердце Любовь ожила.

Повторяя святые молитвы,
Укрепившись Великим постом,
В крестный ход для невидимой битвы
Я иду с Благодатным Огнём.

Крестный ход темноту разверзает.
И поправ безысходную смерть,
Солнце Вечной Любви воссияет,
Освещая нетленную твердь.

В день Вознесения Господня

Мой разум рождает чудовищ
В подлунной последней войне.
А благодать небесных сокровищ
Как будто неведома мне.

И мой человеческий опыт
Ничтожен пред миром иным.
Талант хоть не полностью пропит,
Но помыслам служит чужим.

Зачем я в грехах пропадаю —
Любовь обрекаю на ад?
При этом доподлинно знаю —
Никто не вернулся назад...

И в славный четверг Вознесенья
Набатом звучит Благовест! —
У Бога прошу я спасенья,
До крови сжимая свой крест.

И Небо становится ближе.
Смирю греховную плоть!
И сердцем воочию вижу:
Возносится в Небо Господь!

Путь любви

Девочка пела в церковном хоре...
Александр Блок

Я пил без меры, избывая грусть,
И жизнь свою порушил на обломки.
Но я, родная, вновь к тебе вернусь,
Спасая душу от любовной ломки...

И черти пусть идут «ко всем чертям!» —
Меня теперь хранят Любовь и Вера.
И я найду свою дорогу в Храм,
Как подвиг ищет сердце офицера.

А может, путь мой сам меня найдёт? —
К тебе одной — и в радости, и в горе...
И воспарит душа, и запоёт, —
Как пела девочка в церковном хоре.

Русский долг

России нет! Она нам только снится!
И на просторах снежных льётся кровь.
Когда же злоба в кротость обратится?
В святую и небесную любовь?!

Кошмарный сон веками гложет душу,
Нас даже власть не в силах погубить.
Неверный Запад сон наш не нарушит, —
Ведь мёртвых невозможно разбудить.

Но на краю заснеженной пустыни
Вновь солнца ледяного виден свет.
Он озарит забытые святыни,
И русский знает: смерти в Боге нет!

И снежный пепел прошлых потрясений
Стряхнём с себя, заслышав Благовест.
И мир греха замрёт в оцепененье,
Увидев русский Православный крест.

Россия — в нас. Она уже очнулась!
И пусть орёт истошно вороньё,
С Россией Бог! Она навек вернулась —
Отдать долги и возвратить своё!

Русское солнце свободы

Солнце свободы встаёт на Востоке
Словом Господним и Русской идеей.
Дарит нам свет идеалов высоких,
Но от запёкшейся крови чернеет.

Жажда свободы — неутолима,
Путь к ней тернист и всегда многотруден.
Русь поднимали неустрашимо:
Невский, Суворов, Сталин и Путин.

Западным лживым посулам не верьте!
Жизнь посвятите любимой Отчизне!
Запад — дорога, открытая к смерти,
Русский Восток — обретение жизни.

Командировка в Сирию

Снова с сумкой полевой
И в мундире я,
Тут секрета не открою —
Сирия...

Над горами пролетаем:
Будто в тире я, —
С ближних гор по нам стреляют. —
Сирия...

Словно не было в помине
Перемирия,
Вновь бои идут в пустыне. —
Сирия...

Над Хмеймимом расплескалось
Небо синее.
Будет вылетов немало!
Сирия...

Про Пальмиру песнь слагаю
В русском стиле я.
Ты теперь и мне родная,
Сирия!..

Жил без фронта и без тыла
В тихом мире я.
Новый мир глазам открыла
Сирия...

На войну

*Моей любимой и неповторимой
жене Оксане*

Я уезжаю на войну —
Подписан боевой приказ.
Оставлю верную жену
И обниму в последний раз.

И будет долгим перелёт,
И будет жаркая страна,
Но что война мне принесёт?
Теперь уже — моя война...

В Афганистан я не попал,
Бандитов не «мочил» в Чечне, —
Полжизни ПВО* отдал,
А вот сегодня — на войне.

Но что война нам — «старикам»?!.
Ведь нас под пули не пошлют,
А вот солдату жарко там,
И ведь кого-нибудь убьют...

Мы — воины Христа теперь,
Наш путь — возвышен, но кровав.
Дай Бог вернуться без потерь,
С Победой — смертью смерть поправ!

* ПВО — войска противовоздушной обороны.

Встреча с военным священником

*Протоиерею Димитрию Солонину,
заведующему сектором Сухопутных войск
Синодального отдела по взаимодействию
с Вооружёнными Силами и правоохранительными
органами, неоднократно побывавшему
в командировках на авиабазе Хмеймим в Сирии*

Есть приказ — неуместны сомнения!
Впереди — лишь горящий Восток.
Но у батюшки благословение
Перед вылетом взять я не смог.

Но вот встречу с военным священником
На борту даровал мне Господь,
Чтоб сирийским иноплеменникам
Террористов помог побороть.

Он был послан на ратное поприще —
Только верой и Богом храним,
Чтоб рассеять бесовское торжище, —
Безоружен, но непобедим!

На войне жизнь со смертью спрессована,
Дымной кровью земля полита.
Но теперь, как бронёю закованный,
Я — навек под защитой Креста!

Аллея Дружбы на базе Хмеймим

На аллее Дружбы ровными рядами,
Словно часовые, деревца стоят.
Взращены с любовью русскими бойцами
И по-русски скромно что-то говорят.

На посту в Хмеймиме — русские солдаты,
На посту в Хмеймиме — наши деревца,
Под палящим солнцем — тяжело, душновато,
Но слова врачуют русские сердца.

И солдат дождётся сторона родная.
Под восточным небом будет русский лес.
Войны прекратятся, и «воронья стая»
Сгинет без остатка под огнём с небес.

Монолог бойца перед боем

Я вновь командирован в ад.
Здесь рвутся мины, кровь — рекой.
ИГИЛ* нам объявил джихад,
И потому мы рвёмся в бой.

Я, весь закованный в броню,
На теле поправляю крест,
В воспоминаниях храню
Дыхание родимых мест.

И горло ссохлось от жары,
Вокруг — расплавленный песок,
А дома — гомон детворы
И пыль просёлочных дорог.

Страна в лицо не знает нас,
Но Русь в своих сердцах храним.
Мы точно выполним приказ, —
Во имя жизни победим!

* Организация, запрещённая в РФ.

Поколение Z

На Донбассе бушует война,
Гибнут русские братья в аду.
Украина от крови пьяна
В сатанинском нацистском бреду.

Над Россией звучит, как набат,
Благородного мщения ZOV.
И бесстрашный русский солдат
Бросил сердце в кипящую кровь.

Он спокойно и буднично встал
В грозный строй поколения Z,
Чтоб прорваться сквозь огненный шквал
В долгожданный Русский рассвет!

Сила V правде!

Мы в бой идём не славы ради,
Наш долг — Россию защитить.
Мы твёрдо верим: «Сила V правде!»
И с правдой нас не победить!

Не остановят нас преграды,
Мы знаем: «В Боге смерти нет!»
И жизни нет для нас без правды,
В ней — благодать и Божий свет.

В бою, на марше, на параде
Звучат на тысячах дорог
Слова святые: «Сила V правде!»
Мы — русские! И с нами Бог!»

Сергей Антипов

Сергей Сергеевич Антипов — поэт, прозаик, издатель, член Союза писателей и Союза журналистов России, заместитель председателя правления МОО Союза писателей России, член президиума Академии российской словесности, академик РАЕН, автор многих книг, среди которых «Стихобиенье» (2014), «Стихи не для всех» (2015), «Полипоэтика» (2018). Награждён золотой Пушкинской медалью «Ревнителю просвещения», Золотой Есенинской

медалью, орденом Серебряного Орла, медалью «Ярослав Смеляков» и другими. Лауреат премии «Золотое перо Московии», дипломант губернаторской премии имени Роберта Рождественского, лауреат Зубовской премии (2013) и Московской областной премии имени Ярослава Смелякова (2013).

Ожидание

Снег, изъеденный дождём,
Ждёт весеннего заплыва,
Так и мы, мой ангел, ждём,
Чтоб взлететь. Взлететь красиво!
Чтоб обнять седую даль
Обновлёнными крылами,
Чтоб растаяла печаль
Под весёлыми лучами.
И пускай с ручьями грязь
Схлынет в чёрные колодцы,
Мы взлетим с тобой, смеясь,
И вернёмся вместе с солнцем!

В тень

Прячусь в тень — мне приказано выжить
И дожждаться больших перемен,
Болевой мой порог был превышен:
Я проснулся, похоже, совсем...
Прячусь в тень — но уже не от страха:
Всё, что мог, я давно потерял:
Ни сума, ни тюрьма или плаха
Не изменят теперь мой финал...
Прячусь в тень, чтобы вдруг не ослепнуть
От сияющих гневом мечей,
Видит Бог, что я внёс свою лепту,
Указав на лихих палачей...
Прячусь в тень — может, кто и осудит,
Но прозревшие будут нужны
Потерявшимся выжившим людям
После боли последней войны.

Всё будет

Всё будет! Чем хуже, тем лучше!
Не надо крутить у виска.
Всем ведает лишь Всемогуший,
И многое тайна пока...
Последний окажется первым,
А нищий несметно богат,
За пикою выпадет черва,
Багрянец плеснув на закат.
Прошепчет вечернее небо:
«Всё будет. Ты жди, а пока
Остынь от извечного бега
И тихо смотри в облака».

Не страшно

Не страшно, если знаешь наперёд
Грядущее — пусть даже будет лихо.
Чредою обретений и невзгод
Меняется душа моя — трусиха...
Меняется, светлеет и растёт,
И вот уже другим помочь готова,
Ведь ей давно известна наперёд
Вся сила созидającego Слова!
«Откуда эти знания? — спросит враг. —
Ведь будущее ведомо лишь Богу».
Конечно, но Ему я верю так,
Что сам теперь пишу свою дорогу.

Взгляд

Улыбка, взгляд, прикосновенье,
Слиянье губ, сплетенье рук,
И дольше вечности мгновенье,
И купидон нацелит лук!
Два сердца вмиг одной стрелою
Пронзит насквозь лукавый бог:
И в сладкий омут с головою,
И реки прочь из берегов!
Водоворот, поток, стремнина,
И Ниагарский водопад —
О чём ещё мечтать мужчине,
Поймав любимый женский взгляд?!

Иной пьедестал

Опять на губах этот приторный вкус —
От страха несказанных слов,
Быть может, когда-то и я домолчусь
До грома разящих стихов?
Таких, что сшибают, ломают и жгут
Картонные домики лжи,
Где царствует злобный пугающий спрут. —
Попробуй хоть слово скажи!
Быть может, когда уже всё потерял,
Не страшно идти за черту?
Где Правда возводит иной пьедестал —
Сквозь слёзы и горечь во рту...

Сергею Есенину

Опустел, обезлюдел вечер,
За окошком горит фонарь,
Я опять зажигаю свечи,
Погружаясь в седую старь...
В полумраке мелькают тени,
Огоньки у свечей дрожат —
Так является милый гений,
Что погиб много лет назад.
Он приходит в свой день рожденья
Волшебством озорных стихов,
И распахнутый плащ осенний
Для прогулки всегда готов!
Что ж, пройдемся, мой вечный тёзка,
Пусть с души отлетает хмарь,
Ждут любимые нас берёзки
И горящий в ночи фонарь...

За окном

За холодным моим окном
Обнажённая правда осени:
Вены веток в небесной проседи
И раздетый соседский дом.
Только выйдешь — пахнёт в лицо
Гулким ветром, как будто выстрелом:
Мол, не всё ты, бродяга, выстрадал
В этой сказке с лихим концом...
Как ни странно, но не боюсь
Никакого уже поветрия:
Такова Судьбы геометрия —
В каждой веточке чей-то путь...
Нагуляюсь я перед сном.
Чьи-то ветки помашут листьями,
А другие поманят высями,
Что теперь за моим окном.

**НОВЫЕ СМЕДЯКОВСКИЕ
ЛАУРЕАТЫ**

Александр Андронов

Александр Николаевич Андронов — член Союза писателей России, член Интернационального союза писателей, член-корреспондент Академии поэзии, заслуженный поэт Москвы, лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2019), лауреат международного поэтического конкурса «Золотое перо Руси» (2021) в 2 номинациях, автор 7 поэтических сборников. Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью И.А. Бунина, Брусиловской медалью.

Человек

Я слышу, как растёт трава,
Как звёзды падают на крышу.
И как седеет голова,
Я, к сожаленью, тоже слышу.

Я ощущаю сердца стук,
Твой запах, рук твоих прохладу.
Любовь! Я знаю этот звук
И не ищу другой награды.

Я чувствую приход весны,
Начало дня, грозы раскаты,
Далёкий отзвук канонады
Тревожит, как дурные сны.

Я знаю: там идёт война,
Я счастлив: здесь родятся дети,
И понимаю: жизнь одна,
Я есть! И я за всё в ответе!

Руки твои

Эти руки твои
Мне звезду зажигают под вечер,
Что горит за окном.
Нет прекраснее этой звезды.
После трудного дня
Опускаются тихо на плечи:
Я вернулся домой,
И сегодня не будет беды.

В них таинственный свет
И простая великая сила,
В этих хрупких руках,
Мир привычно спасающих вновь.
Злые дни отвратят
От того, с кем судьба породнила
И кому принесла
На ладонях в подарок любовь.

Я к губам поднесу
Утомлённые эти ладони,
Я лицом к ним прижмусь,
Безотчётные слёзы тая.
Я закрою глаза,
Растворяясь в вершинах гармоний
Колыбели любви,
Где отныне планета моя.

Русский

Русский — дитя беспорядка,
Гений он иль идиот.
Коли всё ровно да гладко,
Русский со скуки умрёт.

Он порожденье стихии,
Нечто без мер и весов,
Сущностей полифония,
Общая суть полюсов.

Родственник зверя и птицы —
Вечно привык выживать.
С русским легко породниться,
С русским нельзя воевать.

Море ему по колено,
Звёзды слетают к нему.
Боль его больше вселенной,
Сердце диктует уму.

Чистого сердца беспечность,
Жизнь вечно в мнимых грехах.
Верю в его бесконечность
В музыке, детях, стихах!

Деревенский дом

Дом деревенский, счастливое детство,
Наших родителей добрых наследство.
Он, покосившись, стоит одиноко,
Ждёт, что приедут к нему издалёка.

Сгнило крылечко, забор завалился,
Старый колодец крапивой покрылся.
Русская печка грустит одиноко:
Годы проходят без всякого прока.

Лето пришло, приезжают детишки,
Взрослые люди, набившие шишки.
Дом веселеет, дом оживает,
Люди солидные в детство впадают.

Снятся им прошлого сны золотые:
Вот они дети в годы святые.
Кружка парного, скрип половицы,
Крик петуха — деревенской жар-птицы.

Вот они молоды, силушки-силы,
Сеяли, строили, травы косили,
А вечерами — баян голосистый
И расставанья на зорьке росистой.

Лето прошло, гости вновь уезжают.
Дом погрустневший им это прощает.
Слёзы дождя по стеклу пробегают,
Сыростью пахнет. Дом замирает.

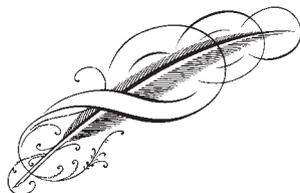
Городской вальс

Я в городе огромном растворюсь,
В бетон холодный дождиком уйду.
Я вскриком электрички отзовусь,
Откликнусь вальсом в городском саду.

Забудусь в камышах Москвы-реки,
Усну во мху камней седых веков,
Заплачу от восторга и тоски
Под светлый перезвон колоколов.

А ночью звёздной пылью упаду
На призраки бульваров и мостов
И вброд дорогу жизни перейду
Под нервный шум трамваев и авто.

И чувства обострятся, как в бреду,
И явь во сне, и день как будто век...
Я в городе своём себя найду,
Ведь он теперь мне близкий человек.

Владимир Бордюгов

Владимир Дмитриевич Бордюгов — член Союза писателей России и художественного совета московского Творческого центра «Облака вдохновения», член литобъединения имени В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ЦДРА имени М.В. Фрунзе и литобъединения «Раменские зори». Лауреат, победитель и дипломант международных, всероссийских, московских конкурсов и премий, в числе которых Московская областная премия имени Я.В. Смелякова (2019). Автор 7 сборников стихов, среди

которых «Да что я знаю о войне...» (2019), «Поздний гость» (2020), «Родовая память» (2020), «Осколки эха» (2021), публикаций в журнале «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры», в коллективных сборниках и альманахах, изданных в России, Республике Беларусь и Канаде. Награждён 14 медалями творческих союзов.

Июньская ночь

Темень рухнула, накрыла,
Соловей осоловел,
Под росой трава остыла,
День остался не у дел.

Ночь, как тучная корова,
Встала мордой на восток,
Два коровьих лунных рога
Шар луны дырявят в бок.

Сосны, выставив дозоры,
Видят узкую черту:
Сквозь линияющие шторы
Свет сжигает темноту.

Соловей

В лесу дремучем песен не ищи:
Они скупы на чувственные ноты.
Сова да филин от дневной дремоты,
Прикрыв глаза, купаются в тиши.

Но вот — опушка, роща, леса край,
Где солнцем освещённые деревья,
Где птицам уготованы кочевья
И всем довольно места — выбирай!

Здесь нет балконов, бельэтажных лож,
Амфитеатра... Есть одно лишь — сцена,
Где сыплет соловей свои колена,
А в страсти он до трепета хорош!

По нотам он взлетает до вершин —
Таких, что недоступны и поэтам...
Да что я всё — про то тебе, про это!
Ты в рощу сам иди... И слушай... И пиши.

Не знаю, что сказать

Не знаю, что сказать в разлучный час.
Рука твоя отдернулась пугливо,
Так, словно огонёк в углях угас,
Лишь дым дрожит в бессилии стыдливом.

Не мни, не жги вчерашнее «люблю»,
Пусть между строк сухим листом теснится.
Я этот лист никак не оживлю —
Так хоть узор прекрасный сохранится.

Простыми словами

Эх ты, Родина, словно родинка
На лице, не стереть, не выстудить.
Небо зрелую пахнет смородиной,
Подпирают его сосен выступы.

Воздух дышит зелёным клевером
И дрожит огоньком малиновым,
Завывает медвежьим севером
И с кустом говорит калиновым.

В лес войду — пусть споёт мне иволга,
Под кукушкин счёт выпью чарочку,
Под галдящий утиный выводок,
Что идёт тропой вперевалочку.

На току глухарь. Без ружья рука,
И с ружьём она не подымется.
Не обижу я старика-жука,
Что проснулся, в сапог мне тычется.

Может, скажет кто — это просто чушь:
Сапоги, глухарь да смородина...
Как в простых словах (а высоких — чужд)
Всё свести в одно слово — Родина?

Прохоровка

Кто прошёл свой самый первый бой
И как выжил, — сам не даст ответа.
Догорал гвардейский прорывной
Батальон на перекрёстке лета.

Над бронёй (пробитой «скорлупой»),
Остывая медленно от пекла,
Вились вихри в пляске огневой
Моего, ещё живого, пепла.

Пой, родная, пой

Словно строгий верный сикх,
Только без серьги,
Сторожу от бед лихих,
Слушаю шаги,
Чтобы горечи и тень
Пролетела прочь...
Мне глаза твои, как день,
Тело — пропасть, ночь.
Мне слова твои — капель
Раннею весной,
Смех серебряный, как трель
Иволги лесной.
И не сторож я тебе, —
Горд у птицы нрав:
Как посадишь на ладонь,
Пальцами зажав,
Сразу стихнет песня вмиг...
Пой, родная, пой!
И качает нас ночник,
Как морской прибой.

Борис Катковский

Борис Борисович Катковский — поэт, бард, член Союза писателей России, лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2022) и других премий, российских и международных конкурсов и фестивалей. Автор поэтических сборников «Старая колода», «Парный танец», «Урожайный год» и 6 книг поэзии в соавторстве с Еленой Василенко. Председатель литературно-музыкального объединения «Избранники муз» при ГБУ СДЦ «Кентавр», член редакционно-издательских советов антологии «Золотое перо Московии» и журнала «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры». Награждён общественными медалями Твардовского, Брусилова, Золотой Есенинской медалью.

Господь мой, Плотник, инструмент отточен,
Снимает стружку и скоблит занозы.
Восторжен смех и благолепны слёзы:
К своим шедеврам милосерден Отче.

Господь мой, Пастырь, направляет стадо
На тучный луг из скудного загона,
Стрижёт руно. И прекратит законно
Того, кому уйти из жизни надо.

Господь мой, Светоч, среди тьмы — навеки,
Мосток над бездной, скованному — воля.
Спасение всем, кто нуждою болен,
Кто без Него — никчёмные калеки.

Господь мой, Слово, дар бесценный свыше,
Звучит оно естественно и верно.
Конечный приговор для лжи и скверны —
Слепой прозреет и глухой услышит...

Великий пост

Александра Невского храм.
Богоматерь — с русским лицом.
Свечи, благовест, фимиам...
Сын на казнь ниспослан Отцом.
Песнопенье, речитатив...
Душно. Держат стены тепло.
Поминаешь всех, заплатив.
На ногах стоять тяжело.
Жёлтые оклады — латунь,
Доски в большинстве — новодел,
Только настоятель — как лунь,
Весь, до волоска, поседел.
Ровен взгляд и голос глубок;
Час, не дрогнув, службу вершит.
А на фреске Дух-голубок
Над челом Ребёнка парит.
Смотрят в окна серые дни
Или солнце бьёт в купола, —
Церковь души верных хранит,
Хоть Иуда — возле стола...

Москва, как любящая женщина,
Не отпускает — лаской льнёт.
Нахрапом лезет люд невенчаный
На вечные холмы её.

Приезжим, славой озабоченным,
Она — что мачеха, мне — мать.
Родная от рожденья вотчина,
Где и в посмертии лежать.

Быть может, пеплом крематория
Смешаюсь с пылью мостовых,
В тысячелетнюю историю
Шагну курьёзом для живых.

И новый «покоритель вечности»,
Перелистнув мои труды,
Лениво подчеркнёт погрешности —
Итог никчёмной суеты...

Настанет понижение местности,
Наверно, высохнет река,
Но проявленьем высшей честности
Россию сохранят века.

Золотоглавая ли, серая, —
Пусть сердце Родины моей
Любовь подарит полной мерою
Идущим поклониться ей.

Мой дух — небесный огненный болид:
Буравя воздух, яростно шипит,
Любую воду в пар мгновенно превращает.
И остывает, остывает, остывает...

Душа — глубоких недр земных тепло
Давленьем обстоятельств подняло —
Стремится вверх и болью нарастает.
И остывает, остывает, остывает...

А плоть — стекла теплица среди льда.
По ней струится, тая, слёз вода.
Она со мной не навсегда, но согревает.
И остывает, остывает, остывает...

Хлад горних высей, лютая жара.
А между ними — разума игра
Отпущенные дни переживает.
И остывает, остывает, остывает...

Капля

Боль. Икона мироточит.
Капля влаги камень точит.
В пол поклоны. Лбы разбиты.
Лики строги и сердиты.
Душно. Тесно. Безответно.
Кажется — всё будет тщетно,
Нет ни выхода, ни входа,
Только зря теряешь воду...
Свечи плачут, догорая.
Заперты ворота рая.
Дождь промозглый за порогом...
Но упрямо веришь в Бога.

Сколько ты сдюжишь за век трудовой
Вырастить добрых детей?
Скольким ты в силах за миг боевой
Щедро отмерить смертей?
Очень легко нажимать на курок,
Тяжко растить день за днём,

Чтобы потомок твой выжить не смог
Под перекрёстным огнём...
Чья-то душа снова меркнет свечой,
Кто-то прицельно попал.
Свой — в мирной жизни, здесь — только чужой,
Лютым противником стал.
Вера ли, дружба ли — не ко двору;
Сказано биться — и бьём!
Он не погибнет? Тогда я умру
Под перекрёстным огнём...
Болью и страхом ощерены рты,
Яростью скулы свело;
После атаки окопы пусты —
Чисто метёт «помело».
Всех выгребает из нор и щелей,
Трус иль храбрец — суть не в том:
Демон Войны хочет больше смертей
Под перекрёстным огнём.

Что со мной?.. Болею, брежу,
О несбыточном молю.
Тень надежды душу нежит,
Облегчая боль мою.
Радость с каждым годом реже,
Отдых — золота ценней.
Бог двуликий время режет,
Уменьшая мизер дней.
Мир не станет юным, прежним,
Хоть и верю, и люблю.
Что со мной? Болею, брежу.
О несбыточном молю...

Кирилл Кострецов

Кирилл Александрович Кострецов — член Союза писателей России, Межрегиональной общественной организации «Содружество творческих сил», лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2022) за цикл прозы «Возвращение Эзопа», награждён «Золотым дипломом имени А.С. Пушкина», автор книг стихов «Рынок грехов» (2011), «В некотором царстве-государстве» (2013), «Пешком по Млечному Пути, или Возвращение Эзопа» (2022) и литературно-музыкального проекта «Дорога длиною в

жизнь» (2 CD, 2015), публикаций в альманахе «Угрешская лира», газете «Угрешские вести» и другой периодике.

Из авторского цикла прозы «Возвращение Эзопа»

«Возвращение Эзопа» не является переводом древних рукописей, это всего лишь желание продлить жизнь великого баснописца, народного мудреца и удивительно остроумного человека, равного которому нет.

Я чрезвычайно рад, что мне довелось прикоснуться к этому жирному пласту времени. Всякое творчество, малое или грандиозное, невозможно без этого. Учиться у мастеров почётно. Если необходимо научиться читать, мы берём букварь, писать — прописи, а для развития таланта нужны эталоны (классики), истоки и «титаны», если хотите.

И если однажды совершенно случайно обнаружится, что Эзоп (образ собирательный) вобрал в себя мысли и слова всего греческого народа, скажу: «Я рад этому. Народная мудрость, объединённая одним именем, — это неспроста, и если уж учиться, так именно у такого народа».

Клетка (часть 7)

*Рабом не страшно стать — страшна привычка
остаться им и песни распевать,
нисколько о потере не жалея.*

Эзоп

Однажды поэт и певец соловей оказался в птицеловке. До самого вечера он метался и кричал, да что толку, выхода не было. Вконец измученный, он присел передохнуть и не заметил, что сидит рядом с воробьём.

Слегка отдышавшись, соловей начал озираться и вдруг — о ужас!!! — как он, певец, талантище, каких поискать, оказался рядом с этим (лысеющим и не имеющим музыкального слуха) чудовищем?! Но что ещё больше возмутило поэта, воробей, оказавшись в ловушке, не только не волновался, но ещё и крепко спал (издавая при этом весьма неприличные звуки).

— Эй! — окликнул он воробья. — Эй вы! Проснитесь.

Воробей слегка приоткрыл левый глаз и снова захрапел.

Соловей, возмущённый таким безразличием к своей персоне, злобно клюнул воробья в крыло.

В этот раз воробей открыл оба глаза и, повернувшись к обидчику, сердито крикнул тому в самое ухо:

— Чего орёшь?! Придурок...

Явно испугавшись, певец вытянулся в струнку и, слегка поклонившись, представился:

— Соловей!

— Вижу, что не жаба. Чего надо?

Наступила пауза.

«Да-а-а. С насюка мою проблему не решить, — размышлял соловей. — Если этот деревенщина разозлится, может случиться драка».

И он зашёл с другой стороны.

— Прошу прощения за мою бесцеремонность, но не смогли бы вы мне подсказать, как выбраться из ловушки?

— А никак, — без всяких церемоний ответил воробей. — Да и что тебя не устраивает? Сквозь эту сетку прекрасно

видно небо. Вон акация, вся в цвету, и аромат — аж голова кругом. А ещё, не далее как завтра, сюда придёт птицелов — и ты, и всё твоё творчество отправитесь в клетку, а я... — Тут воробей посмотрел на небо и сладко зевнул. — А я опять отправлюсь искать угол для ночлега и, если повезёт, горбушку чёрствого хлеба.

— Я не хочу в клетку, — еле сдерживая слёзы, запищал соловей.

— Ну и дурак. Хорошая клетка — мечта любого здравомыслящего воробья. Живёшь один. В кормушке еды видимо-невидимо, рай, да и только. Сказали спеть — пой. Попросили сплясать — пляши. А будешь послушен и старателен — и подружку приведут, и вина плеснут.

Соловей обессиленно опустил крылья и зарыдал.

— Я поэт! Мне в клетку нельзя! Мне свобода нужна, понимаешь?

Так прошёл час, а за ним и второй, но соловей не унимался.

— Ладно, — не выдержал воробей. — Ладно. Есть один способ. Слушай...

На следующий день птицелов, проверяя ловушку, отпустил воробья, а соловья отнёс на рынок.

Новые хозяева заплатили за чудо-певца два динария и ещё десять за новую клетку. Клетка была просторна и чудо как хороша. Дело в том, что соловей — птичка так себе. Ни размером, ни окрасом похвалиться не может, а вот голосом и чарующими трелями превосходил всех, разве только какая канарейка смогла бы посоревноваться с ним.

Но прошёл день, а за ним и второй, неделя и месяц, а соловей только чирикал и прыгал с полки на полочку.

Что только хозяин не делал: и свистел, и на дудочке играл. Всё без толку. Прошло полгода.

И вот однажды хозяин отнёс клетку на террасу, открыл дверцу и ушёл. Соловей не верил своим глазам: «Ну воробей, ну хитрец, не обманул». Получив долгожданную свободу, он выскочил из клетки и отправился гулять. Побывав в саду, он

спустился к ручью и, напившись сладкой родниковой воды, полетел играть в догонялки с синицами.

Вдоволь наигравшись, соловей вернулся в клетку и с аппетитом принялся завтракать.

Хозяин, удивлённый таким поведением птицы, не находил слов.

Но самое большое удивление было впереди: соловей запел.

Ксанф, не скрывая улыбки, закончил записывать необычную байку Эзопа.

— Порадовал. Прямо скажу, порадовал. Моя теория «золотой клетки» верна, но ты не сказал ни слова о воробье, что же он такого насоветовал соловью?

— Ничего особенного, господин, он просто предложил ему замолчать.

— Глупец, он ничего не смыслит в жизни.

Ксанф так торопился рассказать ученикам новую притчу, что даже забыл позавтракать. Вернувшись под вечер голодный и счастливый, он с наслаждением ел, изрядно запивая вином всё, что попадало в рот, и вскоре, совершенно обесиленный, уснул, так и не узнав окончание истории о соловье и клетке.

А случилось вот что. Хозяин, восхищённый пением соловья, не на шутку испугался.

Полугодовое ожидание чуда внушило ему страх потери (нет, не денег). Игрушка, этот карманный артист, изрядно задолжала хозяину. И когда на следующий день соловей в очередной раз вернулся позавтракать, хозяин подошёл и закрыл дверцу клетки. Навсегда.

P.S.

Кто-то сейчас скажет: «Глупая птица». Птица — да, а вы?!

Владимир Кучерь-Чепелёв

Владимир Иванович Кучерь-Чепелёв — поэт, драматург, публицист, член Союза писателей России, лауреат Московской областной премии имени Ярослава Смелякова (2019). Автор более 10 книг, в том числе «Осторожно цветы», «Дочь Дантеса», «Разглядите себя», «И всё же мир устроен хорошо», «От первого лица», «Цвета побежалости», «Неповторимые пути», «И высота земли, и моря глубина», «Эхо времени» (корона сонетов). Печатался в лите-

ратурно-художественных журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры», «Московский вестник», «Воин России», альманахах «Академия поэзии», «Угрешская лира» и в СМИ. Награждён общественными медалями.

Снег

Моему поколению

И вновь зима в своём разгаре белом,
Как в звёздном небе бледная луна,
Так наше поколение поседело,
И в пепел превратились времена...

Вчера опять весь день пурга кипела,
На разные ревела голоса.
Под вечер она стихла, в поле белом
Искрилась горизонта полоса...

Печально повторять — уходим в зиму,
Что мало нас осталось в январе.
Но чувства новизны неизгладимы,
И в звёздном сне, и в утренней заре.

Мороз звенит, и с ним природа дышит
Легко, во всю серебряную грудь,
А солнце поднялось деревьев выше,
Оно привычно продолжает путь.

Оно лучится, светом наполняя
Здоровый воздух неба и земли,
С восточного до западного края,
В дневных часах с зари и до зари...

Но только вдруг приходит мысль о лете,
Где предстоит последняя страда...
Дай Бог, чтоб снег остался в том же цвете,
Каким он был в зелёные года.

Первая любовь

Песня

Время далёкое — помнится многое,
Жаркие чувства пылали до звёзд,
Небо глубокое, море широкое,
Солнечный свет над землёй в полный рост.

Звоны гитарные, песни красивые,
Первой любви соловьиной авось,
Были тогда мы такими счастливыми,
Как никогда мне уже не пришлось.

Зори медовые — ранние, поздние,
Летние всполохи шли по горам.
Сочный прибой виноградными гроздьями
Ровно катился вдоль берега к нам.

Будто расплавы, лучи золотистые
С каменных круч растекались в огни.
Воздух над галькой клубился игристо
В самые жаркие, яркие дни.

Воды узорные, блики янтарные,
Радостный край на пороге земли:
Чаек серебряных крики гортанные,
Стаи дельфинов, летящих вдали.

Были мы сильные, ловкие, юные;
В розовом цвете возвышенных грёз,
В ночи кроткие, тёплые, лунные,
Как во хмелю, целовались до слёз.

Солнце высокое, время далёкое...
Снова во сне на свиданье бегу;
Девушку стройную и черноокою
В сердце своём берегу.

Другая суть

Быть или не быть, вот в чём вопрос...

Из трагедии Шекспира «Гамлет»

Вопросы жизни в личной драме
Решает Гамлет, датский принц;
Или ему погибнуть в яме?
Или объять мир без границ?
Один он с призраком у моря.
Как морю, горю нет конца.
Он знает, кто виновник горя,
Кто в ночь убил его отца.

Сюжет достоин лицедейства,
Неотвратим, как результат,
Где ядовитое злодейство
Осуществил над братом брат.
С распадом связи родословной
И отрешением любви
Он не жених, не клон утробный,
Изгой, идущий по крови.
Он так же пуст, как бедный Йорик,
И широка могилы пасть,
Где жизнь со смертью не поспорит
И где ничто любая власть.
Интриг распахнута завеса
И представление не сон, —
Реальность обретает пьеса,
И путь к возмездью предрешён.
Его отмщенье не свирепо,
Но неотъемлемо в судьбе, —
Он за отцом уходит в небо
По неразгаданной тропе.
С его погибелью бездольной,
Как справедливость ни зови,
Осознавать печально, больно,
Что ненависть сильнее любви.

Дождливый май

Неслышно дождь приходит ночью,
Он до утра и целый день
Повсюду ставит многоточье
И небо превращает в тень.
Округу погружая в дрёму,
Во весь простор и белый свет,
Дождь льёт за грани окоёма

Однообразный серый цвет.
Витает грусть в холодном мае
И лишних слов не нужно тут,
Если собаки редко лают,
А птицы вовсе не поют.
Цветенье не кипит по саду,
Едва проклюнулась листва,
И в настроении досада,
И пахнет осенью трава.
И куст черёмухи, к примеру,
Озяб, склонился под окном,
И капли по стеклу несмело
Слезятся, падая ничком.
Так дождь идёт без остановки,
И даже был однажды град.
В дороге лужи по грунтовке
Уходят к лесу на закат.
А я иду к востоку снова,
И мои мысли вслед текут, бегут,
Что южный ветер скажет слово
И вспыхнет солнечный салют.

Татьяна Максименко

Татьяна Дмитриевна Максименко — член Союза писателей России, выпускница Литературного института имени М. Горького, руководитель литобъединения «Крылья» (г. Жуковский), лауреат Московской областной премии имени Р. Рождественского, премии имени Я. Смелякова (2021) и других, автор 16 поэтических книг, в том числе «Моря колыбель» (2019), «Солнца луч», «Говорящее дерево» (2020), «Заповедник любви», «Мой материк» (2021). Награждена медалью «Ярослав Смеляков» и другими.

На праздник Божьей Матери Казанской
Светилось небо каплями дождя.
И совесть наша в робе арестантской
Воспряла, к покаянию идя.

А праздник пел, вёл под венец влюблённых,
Толпился Слова жаждущий народ.
Играли белки в сосенках зелёных,
Переходило солнце реку вброд.

Глаза у Богородицы сияли:
Нам обещал Младенец Иисус
Жизнь вечную... Безмолвно мы стояли,
И благодать касалась наших уст.

Нам, вынырнув из темноты,
Луна тропинку осветила.
Мне хорошо: ведь рядом — ты,
В тебе не иссякает сила.
Любуясь небом, мы плывём
И рук своих не разнимаем...
Нам так легко дышать вдвоём
Сиреневым пахучим маем!
Любви неистребима власть:
Не гаснет трепетное пламя!..
И ни купить, и ни украсть,
Ни завладеть её дарами.

Так редко звёздами любуемся,
Сжигая за собой мосты,
Что вряд ли мы в грядущем сбудемся
Врозь друг от друга — я и ты.

Но всё же сила центробежная
Сомкнёт две любящих души
В одну, где синь царит безбрежная,
Где травы шепчутся в тиши.

Нам Бог велел любить и множиться,
Себя на части разделив,
Чтоб детские сияли рожицы,
Был труд блаженный кропотлив.

Как хорошо на белом свете:
Цветут кувшинки и лопух,
И мысли лёгкие о лете
Летят, как тополиный пух,
Касаются озёрной глади,
Где проплывает, грёз полна,
Царевна-лебедь, в небо глядя,
В сорочке из тугого льна...

В бело-розовой пене пионов
Утопает ликующий сад,
Среди шелеста, шёпота, стонов,
Среди споров и мелких досад.

У цветка есть любви очертанья.
Не нуждаясь в убранстве из слов,
Расцвела, претерпев испытанья,
И пропахла пионом любовь.

Сад буйным цветеньем успел насладиться
До ливней протяжных, до сырости слёз.
И заново каждое семя родиться
Желает, а травы — упасть в сенокос.

И тянется к свету любое растение,
Любая душа жаждет солнца лучей...
О, звуки природы! В поток вдохновенья
Вплетает свой голос певучий ручей.

Когда темно

Трава в росе, ель у ворот... Когда темно,
Туман вторгается с болот в моё окно.
А в полночь — никого вокруг, деревья спят,
За голубую елью — юг, там звездопад.

Где север, там шумит вода, русалок смех.
Я их дразнила иногда — велик мой грех.
Стояла на мосту, ждала тебя, мой свет.
Ведь ночь на севере светла, там ночи нет.

И вдруг — безумной девы лик, и тихий плеск,
И страх исчезнуть так велик: неловкий жест —
И я уже по грудь в воде... Во мгле ночной
Смотрела в очи я беде: волна — стеной!

Моя молитва, как броня: спасенья знак.
На берег вытащил меня седой рыбак.
С тех пор я у окна сижу, вздыхая, жду
Тебя, мой друг! В окно гляжу на ель в саду.

В акварели сиреневой сад:
Гул шмелей и головки тюльпанов.
Май шумит, солнцу вешнему рад,
С белизной облаков-великанов.

Ты мне пристально смотришь в глаза:
Что таилось в душе — читаешь.
Виноградная вьётся лоза,
Ты с ней силу земли обретаешь.

Сила там, где цветенье любви
Сад весенний заставит меняться,
Где события сердца новы
Год за годом... Где мне — восемнадцать.

Без пустых ожиданий и ложных надежд
Встретив осень свою, укачу в Будапешт.
Всё же сердцу милей Краснодар и Ростов.
А ещё Петербург — с разведением мостов.

Ну а как же Москва? Как её мне забыть?
Мне с пелёнок Москву суждено полюбить.
Эти все города — архитекторов блажь.
Но венчают они среднерусский пейзаж.

Рощи, монастыри, реки, заросли ив,
Деревенских наличников древний мотив.
Золотое кольцо — и закаты в огне...
Уезжать из России не хочется мне.

Оксана Москаленко

Оксана Брониславовна Москаленко — поэт, публицист, член Союза писателей России, лауреат губернаторской премии «Женщина года Самарской области 2015 года» в номинации «Культура и искусство», лауреат московских областных премий имени Е. Зубова (2018), И.А. Бунина (2021) и Я.В. Смелякова (2022). Награждена медалями Минобороны России «За укрепление боевого содружества» и «Михаил Калашников», медалью «Ярослав Смеляков» и другими.

Воскресение Мариуполя

Под крестом Небесного купола
Кровь и слёзы... Как Страшный Суд...
В чреве мёртвого Мариуполя
Непрерывно бои идут.

Люди в поисках пропитания.
Разверзается суший ад.
И молитвенное молчание
Убивает смертельный «Град».

И вокруг ландшафты загробные —
Сплошь обугленные дома.
Но воскреснут руины скорбные,
И отступит с рассветом тьма.

В Мариуполь пришло спасение —
И душой оживает плоть.
Радость Русского Воскресения
Нам дарует весной Господь!

Святой преподобномученице великой княгине Елисавете Фёдоровне

Ангел, сброшенный в шахту, — ты не ведала злости.
Ты страдала от боли, закусив губы в кровь...
Херувимскую пела. Переломаны кости,
Но во взоре угасшем воссияла Любовь.

Озарённая светом и в парче золотистой
Возвратилась в Обитель, где заждался Отец.
Перед Богом предстала непорочной и чистой.
И душа убиенной там стяжала венец.

Монастырь Гефсиманский. Запах мёда с жасмином —
И к мощам притекает православный народ.
Предстоит перед Богом он в моленье едином,
И покровом молитвы — голубой небосвод.

Ты для нас — утешенье, мати Елисавета.
Ты — душевная радость и духовный родник.
Ты — источник Любви, негасимый луч света.
И мучительный путь твой перед Богом велик!

Разделённая любовь

Нас разделяют километры,
Но я душой тебя коснусь:
И с каждым дуновеньем ветра
Воспоминанием вернусь.

И разделённую любовью
В сердечной кротости своей
Приду я неземною новью,
Чтобы навеки стать твоей!

Я спряду тебе счастье

По одноимённой книге Ирины Богдановой

Я спряду тебе счастье в лучах серебристых
На простой синей прялке, где время — кудель.
Перед Господом Богом и ликом Пречистой
Я молитву творю. За окошком — метель...

Прялка тихо поёт — о судьбе предвещает —
И со мною ведёт непростой разговор.
А любовь моя светлая только крепчает
И вплетается нить в неизбывный узор.

Я спряду тебе счастье. Оно разноцветно —
Будто радуга летом и солнце зимой,
В моём сердце любовь озаряется Светом,
И с тобой мы едины в Любви неземной.

Вокзал

Эта жизнь как суетный вокзал.
Поезд нас доставит в день рождения.
И Земля — лишь временный причал,
Где умножим скорби и сомнения.

И потом в круговороте лет
Будем сожалеть, грешить и каяться.
Как экзамен — купленный билет:
В ад иль в рай — куда душа отправится?

Оборвётся призрачная жизнь, —
Будет встреча после расставания.
Вечный поезд унесёт нас ввысь,
Может быть, минуя расписания.

Жаркий свет

Тебя я видела во сне...
Но сон мой сбылся наяву! —
И я в безудержном огне
Одним тобой взахлёб живу.

Душа моя к душе твоей
Сквозь расстояния летит
И жаркий свет счастливых дней
В воспоминаниях хранит.

Любимый! Свет моих очей!
К тебе я безрассудно рвусь.
И в ледяную стынь ночей
К тебе лишь одному вернусь.

Донбасс в огне

Кто мог подумать лишь вчера,
Что будут братья сеять смерть?
И это вовсе не игра,
И мы готовы умереть.

То минный шквал накрыл, то «Град» —
Сжигают дьявольским огнём.
Здесь, на земле, разверзся ад,
И мы умрём, но не уйдём!

И как бы ни был враг жесток,
Никто сломить не в силах нас.
Мы — русские и с нами Бог!
И будет русским наш Донбасс!

Баштанка

Мой папа звал меня Оксанка.
Он был рождён на Украине.
Каникулы в селе Баштанка
Мне вспоминаются поныне.

Мы на ставкѣ ловили раков
И объедались кавунами.
В войну играли средь оврагов.
И было братство между нами.

А нынче стали мы врагами —
И брат воюет против брата.
И украинскими войсками
Разрушена родная хата.

Осталась там могила деда,
А он, дошедший до Берлина,
Приблизил славную Победу,
Исполнив долг христианина.

Но знаю, что Господь всемогущ, —
Развеет адскую обманку.
Баштанка станет вновь Россией.
И я вернусь в свою Баштанку!

Русский вираж

В командировку муж летит...
Гордиться или горевать?
И чувствую, Господь велит
С молитвой мужа провожать.

Там пекло, там сейчас война.
Там рвутся бомбы в городах.
Там кровоточит вся страна
И над людьми сгустился страх.

И в небо взвился самолёт, —
Войною всё обагрено.
Спасём измученный народ,
Нам зло пресечь пора давно!

Смешалось всё — где явь, где сон?
Раскаты грома, тишина...
Повсюду крики, плач и стон.
Будь трижды проклята война!

Но он летит сквозь дым и боль
И вспоминает про семью,
И с ним — Господняя любовь,
И будет невредим в бою!

В дозоре

Нет, не умрёт моя Россия,
Страну не тронет смертный тлен.
И будет вновь державой сильной,
Не дрогнет крепь Кремлёвских стен!

В дозоре против святотатства,
Я под защиту креста.
И я, крестьясь, вступаю в братство —
В святое воинство Христа.

Галина Рябинина

Галина Николаевна Рябинина — поэт, член Союза писателей России, лауреат московских областных премий имени Ярослава Смелякова (2021), Евгения Зубова, «Золотое перо Московии», автор книг стихов «Признание» (2014), «Мои звенящие печали» (2021), диска “Цикл музыкальных произведений” и нотного сборника «Признание» совместно с композитором Александром Дудником. Награждена орденом «Десница святого Иоанна Крестителя»,

медалью Московской епархии РПЦ «За жертвенные труды», Золотой Есенинской медалью и другими медалями Союза писателей России.

Я родилась, а осень уходила

Я осенью красивой родилась.
Пылал, как пламя, куст рябиновый под горкой.
Стелился по земле цветной ковёр.
И рдели ягоды калины горькой.

Да и рябина тоже не сладка.
А золото, что падало на землю звонко,
Всего лишь тленная умершая листва.
Поэтому и жизнь течёт порою горько.

Я родилась, а осень уходила,
Дарила мне последнее тепло.
И красоту свою последнюю с любовью
Дарила так, чтоб забывалось зло.

И жизнь моя, как осень, отпылала.
Слезинки осени дрожат в моих глазах.
Но, словно осень, возродится снова
Моя душа у Бога в небесах.

Именины в Покровском

Поутру рассветлилась дорога,
Засветились во мгле купола...
На душе от волнения тревога:
Богородица в храм позвала.

Там над речкою — ивы-монашенки,
Словно странницы жизни земной.
И белеют в кокошниках башенки,
Охраняя Пречистой покой.

Рвётся купол небесный молитвами,
Правит службу монах Серафим.
Ангелочки поют с херувимами,
Предстоя перед Богом живым.

Святой Ангеле Божий, предстатель,
Не оставь меня в трудные дни.
Окаянного тела хранитель,
Укрепи, защити, сохрани.

И прошу у Галины Угодницы
Помолиться за душу мою
Под Покровом Святой Богородицы
В золотом несказанном краю.

Мои звенящие печали

Мои звенящие печали
Душе покоя не дают.
Они из уходящей дали
В колокола набатом бьют.

И пряной осени дурманы
Уже не радуют меня.
Они, как синие туманы,
Крадутся на закате дня.

Воспоминанье навевает
Пурпурный дикий виноград.
Он в ноги листья осыпает,
Они слетают невпопад.

Как будто не было дыханья
Моей руки в твоей руке,
И только горечь осознанья,
Что не прижмусь к твоей щеке.

Голубые города

Я раздавлена, убита
В этой жизни навсегда.
Мне не будут больше сниться
Голубые города.

Жизнь вдруг стала быстротечной, —
Знать отмерил срок Творец.
Может, в новой жизни будет
Для меня другой венец.

А страданья не уходят.
Как же трудно с ними жить!
Мне б печаль свою навеки
Хоть кому-то подарить.

Звон сорвался с колокольни
И летит в небесный край.
Только слышится, как эхо:
«Не печалься и прощай...»

Может, встретимся с тобою
В небе Божьем и тогда...
Нам обоим будут сниться
Голубые города.

Наши ландыши

Я не заметила, как ландыши цвели,
И листья клёна с изумрудной тенью.
В душе страданья холодом легли,
Предав все чувства прежние забвенью.

Стою в саду в холодном осознанье,
Что мысли прежние для радости глухи.
И ландыши в последнем увяданье,
И, кажется, не искупить грехи.

Весна покинула мой уголок земли.
И сад, и душу растрепала ветерками.
Под соснами иголки полегли,
И стали тропы колкими стежками.

О бренный мир, верни душе отраду,
Верни мне радости потерянной весны.
В одном венце церковную прохладу,
Где мы с тобой в любви обручены.

Часы жизни

Услышь души моей страданья.
Я плачу только о тебе.
И до последнего дыханья
Твоя судьба в моей судьбе.

Я буду думать бесконечно
О жизни вечной не с тобой.
Тоска — смертельно, бессердечно —
Подругой станет роковой.

На сердце стынет ужас ада,
Мне в душу рвётся, леденя.
И кажется, что жить не надо.
Вся жизнь — смертельная петля.

Белеет лик мой в нетерпенье,
И страсти борются во мне —
Господь, даруй душе спасенье,
Услышь молитвы в тишине.

Куда потянут нити жизни?
В небесный рай иль в злую жуть?
Но, словно на бессрочной тризне,
Я в муках адских нахожусь.

Стена лесная, дом, квадрат.
Углы глухие в тёмном доме.
В палату шесть войду, как в ад,
И буду там в «законе».

Стучат часы: «Тик-так, тик-так.
Твой час ещё не вышел...
Смирись с судьбой, да сгинет мрак,
И будешь с миром свыше».

Не знаю, что ответить вам
У страшного порога...
Живу не по земным часам,
А тем, что есть у Бога.

Любовь, что проклята не мной,
Достойна сожаленья.
Прошу о милости земной
И верю во спасенье.

Судьба-рулетка

Мне ставки делать ни к чему,
Моя рулетка отдыхает.
Моя судьба — венец всему,
Любой исход переиграет.

Приснился белый храм в руинах.
Он жизнь пропащая моя.
Очнулась, будто на поминах
Своей души, у алтаря.

Дрожала, слёзно умоляла:
«Верни потерянный венец».
Судьба покорно отвечала:
«Не я хозяйка, а Творец...»

Александр Смирнов

Александр Васильевич Смирнов — мемуарист, член литобъединения «Угреша», лауреат Московской областной премии имени Ярослава Смелякова (2022), автор книги «Город Дзержинский. Очерки по истории: события и люди» и мемуаров «Страницы жизни», дипломант Всероссийского творческого фестиваля-конкурса «Русский лад — 2016» в номинации «Проза», победитель 1-го конкурса малой прозы, проведенного Тургеневским обществом в Москве, Библиотекой-читальней имени

И.С. Тургенева, Клубом друзей И.С. Тургенева, в номинации «Юмор в описании бытовой ситуации».

Стойкий фронтовик против милиции. Кто взял верх?

Однажды, в конце восьмидесятых годов, мне пришлось выручать своего друга Бориса К. из отделения милиции. Тогда действовал антиалкогольный закон и человека могли задержать даже из-за незначительного запаха спиртного.

Борис был участником войны, служил в артиллерии Главного командования, участвовал в штурме Берлина, был контужен на фронте. После войны окончил Киевский политехнический институт и работал научным сотрудником. Выступал на международных симпозиумах по программному обеспечению ЭВМ. Выпивал он мало, пил только хорошие вина и никогда не напивался.

Мы возвращались с ним на метро с одного из юбилеев, доехали до станции пересадки и продолжили поездку уже по отдельности. Утром раздался звонок из московского отделения милиции. Спрашивали, знаком ли мне Борис К. После моего утвердительного ответа милиционер попросил меня срочно подъехать к ним, не вдаваясь в подробности.

Начальник отделения принял меня вполне дружелюбно и обратился ко мне со следующей речью:

— Выручайте, мы не знаем, что с ним делать. Его забрали в метро, он был нетрезв. В отделении его поместили за решётку, где он всю ночь громко читал стихи, в основном Маяковского, и распевал военные, патриотические и революционные песни. Милиционеров называл фашистами за хамское отношение к участнику войны и отказывался выходить из камеры, требуя прокурора.

Ошеломлённые милиционеры впервые в жизни наблюдали такой феномен. Я подтвердил, что он действительно участник войны. Начальник спросил:

— Что же теперь делать? Пожалуй, мы его напрасно задержали. Но Вы понимаете, — доверительно добавил он, — нам дают план по задержаниям, а тут такой тихий нарушитель. Оштрафовали бы его, как многих других, и отпустили. И для плана хорошо, и он бы давно был дома.

— Ну а он что, сопротивлялся?

— Нет, но отказывался предъявить документы, утверждая, что мы не имеем такого права, так как он ничего не нарушал, что он фронтовик, что так поступали фашисты, и требовал вызова прокурора.

Милиционеры были в растерянности. И отпускать Бориса боязно: а что если действительно пойдёт в прокуратуру, тогда хлопот не оберёшься, и задерживать в отделении по сути было не за что. Обратились к начальнику, который приказал доставить нарушителя к себе, надеясь быстро разобраться. Но не тут-то было! Борис не шёл на компромисс, требуя прокурора. Он был очень принципиальным человеком. Создалась тупиковая ситуация. Начальник просил меня помочь разругать её.

Сейчас в подобной ситуации полицейские, возможно, поступили бы проще: врезали бы пару раз «нарушителю» по физиономии и запротоколировали, что сам полез в драку, а дальше уж как кривая вывезет.

Я попросил встречи с другом. Когда я увидел его, он был в состоянии сильного возбуждения. Я спросил, как это случилось. Он рассказал, что спокойно сидел в вагоне, напевая себе под нос песни, никому не мешал. На станции в вагон зашли два милиционера и предложили зайти в отделение

милиции в метро. В ответ на просьбу предъявить документы, он стал возмущаться несправедливостью, допущенной по отношению к нему, и грозил, что он так это дело не оставит.

Я спросил его:

— Тебя били?

Он возмутился:

— Ещё чего не хватало! Я бы им такое устроил!

Я понял, что его следует успокоить и охладить.

— И чего же ты хочешь? Извинений?

— Ну это само собой.

— А ещё?

— Прокурора.

Пришлось включить тормоза:

— Борис, милиционеры исполняли закон, пусть и несовершенный, а кроме того, и ты в какой-то степени виноват: от тебя действительно пахло спиртным, ты отказался предъявить паспорт и что же им оставалось делать? Но и это ещё не всё. Они могут сообщить на твою работу о задержании тебя в нетрезвом состоянии в общественном месте. Тебе это нужно?

Он на некоторое время задумался, затем ответил:

— Слушай, решай, как знаешь, но разговаривать с милицейским начальником я отказываюсь.

Я предложил начальнику отделения компромисс: я забираю Бориса без предъявления претензий со стороны милиции, а они, в свою очередь, обещают не сообщать на его работу о задержании. Начальник согласился. Он, видимо, понял состояние фронтовика и поэтому так поступил.

Когда мы вышли из отделения, я спросил Бориса:

— Куда мы теперь пойдём?

Неожиданно для меня он ответил:

— Не знаю, куда пойдёшь ты, а я пошёл к прокурору!

Приколы и розыгрыши Дениса Б.

*Мало быть остроумным, важно ещё
не быть излишне остроумным.*

Андре Моруа

Денис Б. не относится к числу моих друзей, но в течение многих лет я довольно тесно общался с ним на работе, и мне запомнилось большое число эпизодов, связанных с этим оригинальным человеком. Он окончил Московский институт химического машиностроения, проработал на нашем предприятии более 20 лет, защитил кандидатскую диссертацию по химической технологии, при этом активно занимался общественной работой, в том числе в профбюро нашего отдела. Денис обладал неуёмной энергией, ему было тесно в рамках рутинной деятельности, он находился в постоянном поиске и процессе реализации оригинальных розыгрышей окружающих его людей.

Его первые розыгрыши были остроумными, но не злыми, скорее можно их назвать приколами. Однако в дальнейшем они стали носить более жёсткий, иногда опасный характер. Многие знакомые Дениса побаивались его розыгрышей, особенно на 1 апреля. В частности, мастерски подделывая необычную интонацию голоса нашего грозного директора академика Б.П. Жукова, он вызывал их якобы на приём к директору или ругал за упущения в работе, чем приводил сослуживцев в большое смятение. Мог и похвалить от его имени, отчего их буквально распирало от радости.

Расскажу о некоторых розыгрышах Дениса и о том, как, наконец, круто разыграли его самого.

Розыгрыш первый. Во время празднования успешного завершения работ по министерской теме в известном московском ресторане «Славянский базар» Денис перед очередной сменой блюд о чём-то переговорил с официантом. Тот через некоторое время принёс одному из гостей, Виктору Г., тарелку с рыбой и гарниром из жареной картошки со специями. Когда подвыпивший Виктор вонзил вилку в рыбу, она неожиданно выпрыгнула из тарелки и запрыгала по столу, вызвав невероятное изумление всех гостей и больше

всего пострадавшего. Оказывается, Денис договорился с официантом, чтобы тот слегка оглушил одну выбранную из бассейна ресторана рыбу, уложил её в тарелку, обложил гарниром и в таком виде поставил блюдо перед Виктором.

Розыгрыш второй. Рядом с проходной нашего предприятия, на берегу монастырского пруда, в деревянном одноэтажном строении когда-то располагалась столовая под названием «Голубой Дунай», где обедали многие сотрудники. Пока двигалась очередь на раздаче, Денис сбегал на берег пруда и купил несколько мальков, которых выловили мальчишки. В момент, когда один из его коллег ходил за столовыми приборами, он запустил мальков ему в тарелку с супом. Можно представить, какое веселье царило за столом, когда сотрудник, употребив часть первого блюда, обнаружил эту живность.

Розыгрыш третий. В той же столовой он разыграл другого знакомого. Тогда сахар к чаю подавался в запечатанных пакетиках, по 2 кусочка в каждом. Денис загодя выпилил из полипропилена кусочки в размер сахарных, завернул их в стандартный пакетик и незаметно заменил им настоящий сахар. Представьте взрыв смеха окружающих, наблюдавших за безуспешными попытками бедолаги утопить чайной ложкой плавающие сверху кусочки, которые снова и снова выскакивали из-под ложки на поверхность чая.

Розыгрыш четвёртый. В течение многих лет сотрудники нашего закрытого предприятия подвергались выборочному досмотру на проходной. Не секрет, что, надеясь на авось, некоторые из них ухитрялись выносить какие-нибудь мелкие канцелярские предметы, механические и электронные детали, мотки проводов. Денис решил разыграть охрану и своего знакомого, позвонил на проходную и сообщил «по секрету», что такой-то сотрудник взял на работе интеграл (математическую функцию) и его следует проверить. Вахтёры подумали, что интеграл — это какой-нибудь прибор, и бедного сотрудника подвергли тотальному досмотру. А если бы у него действительно что-нибудь нашли?

Розыгрыш пятый, точнее прикол. В гостях у своего коллеги Юрия С., пригласившего друзей и близких знакомых по

случаю рождения сына, названного Мишей, стало быть, Михаилом Юрьевичем, как и Лермонтова, Денис произнёс следующий тост: «Юра, я сердечно поздравляю тебя с рождением сына и желаю, чтобы твоего следующего сына звали Александром Сергеевичем».

Розыгрыш шестой. Начальником нашего расчётно-теоретического отдела в течение нескольких лет был известный учёный в области ракетных двигателей, доктор наук, лауреат государственной премии Р.С. Он писал книги, статьи, при этом его почерк был совершенно неразборчивым. Однажды его сотрудница обратилась к Денису с просьбой расшифровать непонятную для неё фразу в рукописи, которую предполагалось опубликовать в научном журнале. Она началась так: «Мои актуальные исследования и эксперименты показали...». Вместо этого Денис продиктовал, а сотрудница отпечатала вместо слова «актуальные» слово «сексуальные». Р.С. оценил юмор и долго смеялся: он очень любил шутки и остроумные анекдоты.

Розыгрыш седьмой. К новогоднему вечеру нашего отдела Денис с помощью коллег собрал игровую установку из электронных блоков и поставил её в зале. Устройство представлялось как автоматическое. Пульт состоял из большого количества лампочек и тумблеров. Приз выигрывал тот, кто выключит последнюю лампочку, причём выключать разрешалось не более трёх соседних тумблеров и, соответственно, лампочек за один ход. Ходы по очереди делали играющий и игровое устройство. Никто из сотрудников не смог выиграть, пока не подошёл начальник отдела. Он быстро победил в игре, затем открылась одна из панелей, из неё высунулась рука Дениса со стаканом водки в качестве приза. Оказывается, устройство было совсем не компьютерное, за него играл Денис. Остроумный розыгрыш понравился всем.

Розыгрыш восьмой, или как проучили крутого шутника. Денис настолько достал некоторых пострадавших от его розыгрышей, что они решили разыграть его самого. Володя Г. и Эдуард С. совместно с Денисом в то время занимались созданием аналого-цифрового комплекса на базе ЭВМ. Денис часто оставался после работы и монтировал с помощью

паяльника какие-то платы для преобразователей. Договорившись, друзья пришли утром задолго до начала работы, сожгли в ведре в зале ЭВМ изрядное количество бумаги, чтобы явственно ощущался запах гари в коридоре, заперли и опечатали помещение зала. Когда Денис пришёл на работу, он увидел опечатанный зал, встревоженных друзей, почувствовал запах дыма.

— Что случилось? — спросил он.

— Случилась крупная неприятность, скорее беда, — отвечают ему. — Произошёл пожар, загорелись бумаги, документация, обгорела часть блоков машины.

— А отчего пожар-то произошёл?

— Да никто точно не знает. Дежурный по предприятию, который находился в этом же здании, почувствовал запах дыма, прибежал к двери, но она же железная, открыть сразу её не смог, не найдя ключей. Он сообщил о возгорании в нашу пожарную часть, и бригада быстро приехала, — сбивчиво пояснил Владимир.

— А как же пожарная сигнализация?

— Она почему-то не сработала. Или последний уходящий забыл её включить. Ты не знаешь, кто запирает помещение?

— Последний-то был я, но я её, по-моему, включил.

— Наверное, она не сработала, потому что реагирует на температуру, а не на дым. Видимо, температура при загорании была невысокой, — предположил Эдуард.

— И что дальше?

— Дежурный сообщил, что пожар затушили, залили всё водой, что машина сильно повреждена и едва ли удастся её восстановить. Зал опечатали.

— Сейчас работает комиссия, чтобы установить, по чьей вине произошло загорание. Они считают, что кто-то оставил невыключенным паяльник или другой электроприбор. Нашли оплавленный кипятильник. Нас уже допросили, спрашивали тебя, — невозмутимо добавил Владимир.

Денис сильно побледнел, помолчал некоторое время, затем неуверенно сказал:

— Я же, кажется, выключил его.

— Так кажется или выключил? — спросил Эдуард.

Денис надолго задумался. Когда он собрался идти на комиссию, друзья сжалились над ним и объявили, что это был розыгрыш. Денис не сразу пришёл в себя. Позже он сказал, что испытанное им потрясение не забудет до конца жизни. С тех пор его розыгрыши стали более редкими и мягкими.

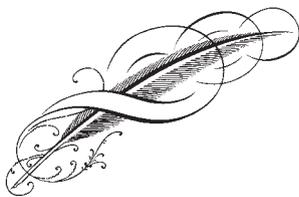
Когда Денис Б. перешёл на работу научным сотрудником в Люберецкий институт горно-химического сырья, многие некогда разыгранные им работники вздохнули с облегчением. После выхода на пенсию Денис в течение ряда лет обучал автолюбителей и принимал экзамены на права. Лет 10—12 назад он эмигрировал в Израиль, где и живёт до сих пор.

Не хочу — как хочу, а хочу — как не хочу

Забавный случай произошёл в далёком прошлом во время посещения мной друзей. Я стал играть с их четырёхлетней дочерью Олей. Она почему-то закапризничала и, когда я спросил, чего же она хочет, экспромтом выдала фразу: «Не хочу — как хочу, а хочу — как не хочу!»

Эта удивительная, на мой взгляд, фраза в какой-то мере раскрывает суть парадоксальной логики, необъяснимых поступков и капризов, присущих некоторой части женщин. Но откуда это появилось в голове четырёхлетней девочки? Такую образную лаконичную фразу я ни раньше, ни потом ни от кого не слышал и нигде не читал.

Впоследствии жизнь Ольги не раз подтверждала непредсказуемость её характера, хотя в конечном счёте её судьба сложилась вполне удачно.

Ольга Суркова

Ольга Анатольевна Суркова — поэт, член Союза писателей России и Музыкального общества композиторов и поэтов-песенников Подмоскovie, выпускница Высших литературных курсов при Литературном институте имени А.М. Горького, лауреат литературных премий имени А.П. Чехова, Я.В. Смелякова (2019) и нескольких международных литературных конкурсов, автор поэтических книг «Дом у океана» (2003), «А главное всё же душа» (2008), «Венчает Россию берёзка» (2012), «Берегиня» (2018) и других.

В лесном краю судьба меня укрыла,
Царит уединение в тиши.
Природа — вдохновения мерило,
Елей для поэтической души.
Всё в жизни происходит не случайно,
Начертан путь у каждого из нас.
Утонет взгляд в берёзовом венчанье,
Белёсом, старорусском, без прикрас.
И запоёт душа моя со всхлипом,
Затронув вдохновенную струну.
Я поклонюсь цветущим старым липам,
К еловому стволу лицом прильну.
Мой русский лес — земное место силы,
Дышу им, пью его могучий дух.
Берёза только б соком не кровила,
Пожар бы навсегда в лесу потух.
Пока есть лес, и мы с ним живы будем,
Он нужен нам, как воздух и вода.
Вот потому в лесу живу я, люди.
И вас с добром прошу ходить сюда.

Золотится бабье лето
От макушечки до пят.
Все деревья в бликах света,
Словно в воздухе парят.
Небеса вдруг подобрели,
Так чисты и глубоки,
По небесной акварели
Облаков плывут мазки.
Воздух бодростью волнует
В завершенье сентября.
Инеем листву целует,
Светом балуя, заря.
Ярко пишет осень маслом
Свой автопортрет простой.
Лес подкрашивает красным,
Разбавляя золотой.

Я сижу в саду на лавочке,
Созерцаю красоту.
На меня садятся бабочки —
Значит, я ещё цвету.
Этим летом сладко-ягодным
Я свободу жадно пью.
В небе радостная радуга
Аркой светится в раю.
Только мне сейчас отраднее
Рай на праведной земле.
Это лето виноградное
С натюрмортом на столе.

Этот дождик освежающий,
Даже эти комары...
Мир земной — живой, летающий!
Есть ли красочней миры?

Зимняя яблоня. Яблоки-лампы
С лета остались на ней.
Ветви корявые — голые лапы,
Лампы на них без огней.

Бросил их на замерзание хозяин.
Где нерадивый сейчас?
Свет подмосковных садовых окраин
Даже зимой греет нас.

Может, пришлись вы ему не по вкусу,
Яблоки русских садов?
Кто он, хозяин ваш — мальчик безусый,
Старец преклонных годов?

Кто бы он ни был, но яблоки эти —
Русских садов благодать.
Наши — вкуснее всех яблок на свете!
Их бы голодным раздать...

Каждому фрукту отпущены сроки,
Если поспел, то сорвут.
Вот и на яблоню сели сороки —
Яблоки птицы клюют.

Зимний день стал пленником метели —
Белизну жемчужную принёс
Поседевшим за ночь соснам, елям,
Облакам заснеженных берёз.
Задремавшему под снегом пруду
Подарил покой и тишину.
Тихая прозрачная остуда
Клонит всё остывшее ко сну.
Спят деревья замершего сада,
Спит заледеневшая река.
И земля во власти снегопада
Тоже сном охвачена пока.
Под пуховым снежным одеялом
Сновидения полны тепла.
Зимушка взмахнула опахалом,
Властвуя, расправила крыла...

Одинок мой опалённый сад,
Чудом уцелевший при пожаре.
Будет ли здесь снова кто-то рад?
Всё померкло в огненном угаре.
Поглотил огонь мой светлый дом,
Уничтожил ласточкины гнёзда...
В это даже верится с трудом!
Но остались сад, земля и звёзды...
Вопреки всему сад зацветёт,
Зарастая лебедой, крапивой.
Соловей на ветках запоёт,
Возвещая о весне игриво.

Яблони — отрада детворы.
Белого налива манит спелость.
И до поздней яблочной поры
Всё заполнит лета оголтелость.
Сад дожждётся благодатных дней —
Встанет новый дом на этом месте.
Жизненный закон всего верней.
Жизнь возьмёт своё — и дом воскреснет.

* * *

Нам хорошо вдвоём молчать,
Прижавшись трепетно друг к другу.
Рассветы новые встречать,
Переживать грозу и вьюгу.
Ты молча слушаешь меня,
Молчанием моим окутан.
А я молчу, очаг храня,
Всё понимая почему-то.
Без слов взываю тишину
Продлить взаимопониманье.
Простить отчаянье, вину,
Постигнуть тайну мирозданья.
В соединенье двух сердец
Всегда рождается планета.
И светом радужных колец
Вся жизнь совместная согрета.
Нам хорошо вдвоём молчать,
Без слов всю сущность понимая.
Смогли единым целым стать
С тобой, друг друга обнимая.

Малинник

Заманил нас с тобою малинник
В опьяняющем жарком июле.
Лес расщедрился, как именинник,
И в малиннике мы утонули.
Ягод спелых бери сколько хочешь,
Наслаждайся малиной лесною!
Ты, счастливый, поёшь, и хохочешь,
И подшучиваешь надо мною.
А малинник всё дальше уводит
В чащу леса желанием сладким.
А малина в крови колобродит,
Возбуждая лесные повадки...
Подсластила нам ягода губы,
И целуемся мы как впервые.
Здесь увидят, что ласки нам любы,
Только сосны да пни вековые.
Закружил, заблудил нас малинник,
Одурманил малиновым соком.
А вечернего солнца полтинник
Опускается в небе высоком...
Ах, малинник родной и колючий,
Отпусти нас из сладкого плена!
Поспешим делать вина шипучие
И варенье пахучее с пеной.

Татьяна Уварова

Татьяна Иосифовна Уварова — член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корр. Академии российской словесности, лауреат московских областных премий имени Р. Рождественского, Я. Смелякова (2005, 2021) и Е. Зубова, заместитель руководителя литобъединения «Угреша», автор 7 поэтических сборников, в числе которых «Предзимье» (2004), «Послесловие к любви» (2008), «Поздние астры» (2012), «Я птица на Божьей ладони» (2020). Награждена Золотой Есенинской медалью, орденом Екатерины Великой II степени, медалями «Александр Пушкин», «Ярослав Смеляков» и другими.

Божье провидение

*За то, что он возлюбил Меня, избавлю его;
защищу его, потому что он познал имя Моё.
Воззовёт ко Мне, и услышу его, с ним Я в скорби,
избавлю его и прославлю его.*

Псалом 90

В ночь на 22 июня 1941 года рухнула семейная идиллия Эмилии, жены военного лётчика, капитана Сергея Иванова. Когда он понял, что аэродром полка бомбят немцы, молниеносно вскочил с кровати, крепко обнял и поцеловал свою Мильку со словами: «Беги, Милечка, прямо сейчас беги, хватай Славку и беги! Ты жена офицера да ещё еврейка. Фашисты таких не пощадят. Ты должна спастись ради нашей любви, ради нашего Славки. До встречи, любимая!» Слова мужа вселили в молодую женщину крепкую надежду: он верит, что мы встретимся, и я поверю. Значит, так и будет, как только фашистов прогонят. И Миля стала набивать рюкзак самой необходимой одеждой для Славика и для себя. Ребёнок в это время спал, он был глухонемой и не слышал тревожных звуков войны.

И вот они уже в дороге, крытый грузовик трясёт их по ухабам вместе с другими жёнами и детьми лётного состава. Женщины в большой тревоге, понимают, что линия фронта с фашистской Германией довольно быстро ползёт за ними, как удав за лёгкой добычей. Прощай, прежняя жизнь! Тебя словно отрубили.

Миля держалась рядом с соседкой по дому Зоей Со-рокиной. Их пятилетние сыновья всегда играли вместе. Зоин Мишка был малорослым, веснушчатым, улыбчивым мальчиком с оттопыренными ушками, как у мамы. Но Зоя умело прятала этот недостаток под пышными волосами, которые ежедневно накручивала на ночь. Мишук, как звал его отец, пошёл характером не в мать, импульсивную и не всегда доброжелательную, а в отца, старшего лейтенанта Сорокина, спокойного, рассудительного и добрейшего человека. И Миля была очень довольна, что незлобивый терпеливый мальчик принял в друзья её Славку, симпатичного крепыша, но, к несчастью, глухонемого и оттого нервного и упрямого. Миша даже научил Славика объясняться понятными ребятам знаками. Благодарная Миля приноровилась к непростому характеру Зои и старалась во всём ей угодить из благодарности за дружбу ребяташек. Даже когда Зоя сказала, что Славка потому родился неполноценным, что у русского с еврейкой есть какая-то несовместимость, что ничего бы этого не случилось, если бы Иванов взял за себя русскую девушку, а Эмилия вышла бы замуж за своего соплеменника. На это Миля даже возражать не решилась, хотя ей было обидно, а только сказала: «Ах, Зоя, знала бы ты, какая страсть вспыхнула между Сергеем и мною, когда мы ехали в поезде на соседних верхних полках. Я отправилась к тётке погостить после окончания школы. А Иванов возвращался в часть из отпуска. Он не сводил с меня своих сияющих любовью глаз, а его обворожительная улыбка согревала мне душу до самого доньшка, и я растаяла, как снег под весенним солнцем. Тогда я до тётушки так и не добралась. Сергей меня с ходу замуж позвал, а я готова была за ним хоть в огонь, хоть в воду. Выйдя из поезда, мы сразу расписались».

Но Миля не знала, что её рассказ для Зои, как кипяток на рану. Местная девчонка, ещё учась в школе, уже была по уши влюблена в красавца Иванова. Она всячески и всюду крутилась возле него, стараясь обратить на себя внимание. Но он совершенно не замечал её ни на танцах в клубе, ни в кино, ни в парке, ни на реке, где загорала молодёжь. Зато товарищ его, лейтенант Василий Сорокин, ходил за Зоей по пятам и даже предлагал пожениться, на что хитрая девушка не отвечала ни да, ни нет, опасаясь, что после отказа у неё не будет возможности оставаться в компании друзей. Когда Иванов уехал в отпуск, Зоя окончательно решила при встрече признаться ему в своих чувствах и тем надеялась растопить его холодность. Ей казалось, что Сергей не стал ухаживать за ней из-за влюблённого друга. Самоуверенная девушка мнила себя красавицей, какой на самом деле не являлась. Обычная девчонка. И всё же что-то привлекательное в ней было, не зря же лейтенанту Василию Сорокину она приглянулась.

Зато Эмилия была на редкость хороша собой. Золотистые волны густых волос. Белая матовая кожа словно излучала магический свет. На лице с тонкими чертами особо привлекали тёмно-карие очи в обрамлении длинных густых ресниц и брови, как изящные чёрные крылья в полёте. Когда новобрачные появились в военном городке, все мужчины и доброжелательные женщины ахнули от восхищения. Но у некоторых завистниц несколько испортилось настроение, что не шло ни в какое сравнение с Зоиной ревностью и тайной ненавистью к сопернице. Однако корыстолюбивая девушка сразу сориентировалась и дала согласие Василию выйти за него замуж. Огромную роль в её быстром решении сыграл комплимент, который прозвучал из уст Сорокина, когда тот встретил друга с Эмилией: «Ну ты, брат, всех нас удивил! Где ж ты такую красавицу отхватил? Ни лицом, ни фигурой лучшим актрисам кино не уступает!»

«Тебе ли ещё на актрис заглядываться!» — зло подумала Зоя, и Василий в тот же вечер с радостью в бесхитростной душе услышал её: «Да, согласна!»

Свадьбы друзья сыграли вместе. Жили в одном доме с общей кухней. Детей зачали в один месяц. Видя, как у Мили

аккуратно растёт живот, а у неё становится всё огромнее, Зоя стала опасаться, что после родов не восстановит девичью фигуру. Она каждый день с затаённой злобой желала смерти и Миле, и её ребёнку. Только она одна догадывалась, что Славик родился таким неспроста, возможно, из-за её проклятий.

Но за пять лет Зоя успокоилась, потому что поняла, что с мужем ей невероятно повезло. Василий, выросший в интеллигентной семье, где отец и мать жили душа в душу, поставил Зою на пьедестал любимой жены и стал служить ей и сыну, не жалея ни душевных сил, ни свободного времени, ни средств. И потому как Зое было с чем сравнивать, она это сделала. Девушка росла под ругань отца с матерью. Её батя любил и за воротник заложить, и руки не раз на мать распускал. Ещё и погуливал с пьющими бабами, потому как пить в одиночку не любил, а дома собутыльничать было не с кем. А уж жаден был на редкость! Зарплату свою зажмёт, а мать всю семью, его же самого да Зою с братом на свои заработанные тянет. Вкалывала как проклятая: и на фабрике, и людям окна мыть, убирать да стирать ходила по выходным. Когда отца не стало, никто из близких о нём слезинки не проронил.

Зоя же в браке стала жить, по мнению её матери, как королева. Зарплату муж всю до копейки — ей в руки: покупай, что душе угодно. На курортах побывала, море Чёрное повидала, о котором могла в детстве только мечтать. Жили дружно, не хуже, чем Сергей с Милькой. Василий становился Зое с каждым днём всё милее и дороже. И она часто думала с радостью: «Уж повезло мне с Васей, так повезло! А я, дура, своё счастье по глупости чуть было не упустила! А ведь муж мой и собой хорош. Всё при нём! Где мои глаза раньше были?»

Со временем зависть и ненависть к Миле стали сходить на нет. Семьи подружились, как и положено у добрых соседей: праздники, дни рождения проводили вместе, со всеми приятностями.

Всё бы хорошо, но вот внезапно беда навалилась, да такая огромная, страшная: коричневая чума — на всю страну,

на весь народ, на Милю со Славиком, на Зою с Мишуком, на Сергея с Василием...

— Живы ли они, наши любимые мужья? — горестно спросила Эмилия Зою.

— Сами о себе не знаем, что с нами теперь будет, а что с ними, гадать не стану, — с тревогой в голосе ответила Зоя.

Самолёты фашистов несколько раз налетали на грузовики. Пассажиры в ужасе разбегались кто куда, падали лицом в землю. Матери закрывали своими телами детей. Жена комэска с дочкой погибли. При последнем налёте был убит шофёр, а машина повреждена. Оставшиеся в живых сели у дороги в надежде, что какой-либо проезжающий транспорт их подберёт. Зоя подняла руку, голосуя проходящему грузовику, на котором уже были люди и груз. Но пожилой шофёр отмахнулся, мол, нет, не беру. И вдруг неожиданная удача! Машина едет, а за рулём — знакомый Зою, учились в одной школе, узнал её и остановился:

— У меня в путёвке «груз без пассажиров», но как я вас тут брошу?!

Зоя с Мишей сели к нему в кабину, а Миля со Славиком залезли в кузов, почти полностью забитый ящиками. Так и доехали до районного городка, где шофёр их оставил:

— Дальше нам не по пути, мне надо искать военную часть, куда груз доставить. Советую вам тут остаться. Местечко это я знаю. Люди здесь хорошие — помогут.

Встреченный женщинами местный житель отправил их к начальнику Виктору Андреевичу. А тот их выслушал и говорит:

— Девочки вы мои, никому про мужей-лётчиков даже не заикайтесь! Немцы на подходе. И есть известие, что офицерские семьи расстреливают. Знайте, что я вас сейчас лучшим образом устрою. Повезло вам: тут одна добрая старушка скончалась, вчера схоронили. Так она всем перед смертью говорила, что у неё две племянницы от двух сестёр должны приехать и дом свой им оставлять будет. Вот вы будто и есть те две племянницы для всех, кто спросит. Ехали к тётке, по дороге война началась, под бомбёжку попали, документы потеряли... Я сейчас вас в её дом отведу.

Дверь была опечатана бумажной полоской. Пришла пожилая соседка, сказала, что ключ под крыльцом и жаль, что тётка племянниц не дождалась, а «дом только им». Жилище оказалось неплохим — не развалюха, внутри порядок, стены побелены, кухня, две комнатки, есть на чём спать, в чём готовить, только продуктов никаких.

— Оставляйте своих малых и бегом на склад! — скомандовал Виктор Андреевич. — Там всё берите, что отдают населению бесплатно, мешки с мукой, зерном, что достанется. Сначала по дороге заглянем в мой кабинет, я вам бумагу выдам, чтоб продукты получить. И ещё справку, что прибыли из Новосибирска родственники — наследники покойной.

Затем женщины бросились со всех ног на склад. Там действительно люди грузили мешки на тачки и увозили. Миле и Зое выдали три мешка: два с мукой и один с пшеном.

— Но нам-то и везти не на чем! — сокрушались женщины. Но тут красота Эмилии возымела действие. Одному парню отказались выдавать продукты:

— Ты уже сегодня всю норму получил. Надо, чтоб и другим что-то досталось!

Он огляделся, приветливо улыбнулся стоящей позади Миле и взялся довести груз до её дома.

Немцы не заставили долго себя ждать. Уже через двое суток они заняли город. Зоя с Эмилией затаились, боясь даже нос высунуть на улицу. А ещё через пару дней мужик средних лет в форме полицаев привёл в дом женщин двух немецких солдат и строго сказал:

— Вот эти двое будут жить у вас. Смотрите, девки, отвечаете головой за своих постояльцев! Да не дай бог, чтоб вы им что сделали!

На что Зоя робко спросила:

— А они нам ничего плохого не сделают?

— Может, и нет! У немцев дисциплина — прежде всего. И, усмехаясь, добавил:

— Да и сами-то они, глядите, какие хилые. Не зря их не на поле боя отправили, а в комендатуру. Так что не бойсь!

Когда полицаев ушёл, Миля живо освободила комнату, где ранее поселилась с сыном. Слава богу, старушка до

войны её сдавала, и рукастый квартирант помог ей для их общего удобства установить двери. Ошарашенные неожиданным вселением немцев, женщины притаились в своём углу, в страхе обнявши детей, и говорили шёпотом. И вдруг в дверь постучали. Миля и Зоя вскочили, полные решимости дать отпор непрошеным гостям. Собравшись с силами, женщины отворили дверь. За порогом стояли оба солдата, пожилой и молодой, который, улыбаясь, спросил на своём языке: «Говорите ли вы на немецком?»

Женщины стояли у них на пути с таким видом, что сразу было ясно: дальше ходу нет! Они обе поняли вопрос, но Зоя не ответила, потому как из немецкого знала не более пятнадцати фраз и слов. Эмилия не стала скрывать, что сносно говорит на немецком. В её семье старшие общались на идише, еврейском диалекте немецкого языка, о чём она, конечно же, промолчала. Немцы неожиданно очень обрадовались её ответу. Пожилой солдат представился сам: «Я Фриц». А затем, указав на молодого, сказал: «Его имя Густав». Эмилия назвала своё имя, Зоя своё. Все были смущены. Наступило тягостное молчание. Немцы извинились и тихо, мирно ушли в свою комнату.

Поначалу Эмилия с Зоей переживали, что постояльцы будут наглеть и приставать, как истинные оккупанты, но те явно были исключением из общей массы и вели себя сдержанно и предупредительно, понимая, что их боятся эти молодые матери с детьми. Так получалось, что Миля слышала и понимала те разговоры, которые постояльцы вели между собой. Зое тоже было интересно, и она просила подругу пересказывать ей всё, что та узнавала.

— По-моему, оба солдата из рабочих, из простых семей. До войны трудились на фабриках. У Густава в Германии осталась невеста, которую он крепко любит. Зовут её Хелен. Она подруга его младшей сестры. Густав скучает по своей невесте и постоянно о ней вспоминает, перечитывая её письмо. Фриц тоже скучает по своей жене, недавно сломавшей ногу. Он сетует, что ей теперь очень нелегко. Она, как и Фриц, волнуется об их старшем сыне, воюющем на передовой. От него нет вестей, жив ли их мальчик? Он такой добрый и смелый,

любит Германию так, что готов жизнь за неё отдать. Неужели Господь даст ему погибнуть? А второй сын Фрица уже подрастает. Если война не закончится быстро, как обещал фюрер, его тоже мобилизуют. Только маленькая доченька останется с матерью.

— Никому эта война не нужна, кроме одержимых бесами, — сделала вывод Эмилия.

— И главный бес — Гитлер, — добавила Зоя.

Неожиданно в доме произошёл инцидент, нарушивший покой жильцов. Непослушный, упрямый Славик умудрился выскользнуть из-под опеки женщин и заскочить в комнату немецких солдат. Увидев на столе сахар, мальчик замычал, показывая на него пальцем. Миля, вся дрожа, вбежала за сыном и стала просить прощения за недосмотр, объясняя, что сын глухонемой и многого не понимает. Фриц посочувствовал Миле: «Какой у тебя красивый, крепкий ребёнок. Очень жаль, что у него нет слуха». Он дал Славику два куска сахара и два ломтя хлеба. Мальчик мгновенно засунул белый кусок за щёку, и Миля, поблагодарив за угощение, увела сына.

— Надо за ним теперь в оба смотреть, ведь он всё время будет туда рваться за хлебом и сахаром, — сказала Эмилия Зое.

Мишук, как и Славик, со счастливым видом сосал свой сахар, а в руках с нежностью держал кусок хлеба.

— У них не убудет, — ответила Зоя, — если бы не припёрлись на нашу землю, мы бы и сами ни в чём не нуждались, без их подачек.

— Что верно, то верно, — поддержала её Миля.

Во дворе мальчики играли под присмотром матерей, бовавшихся, что соседка заговорит с Мишей и ребёнок вспомнит отца-лётчика и свою прежнюю жизнь. Соседка принесла им картошку, свёклу и морковь, бутылку подсолнечного масла и посетовала, что самой надо родню кормить. Посоветовала ходить на задворки немецкой столовой, собирать среди отходов мелкие овощи, не взятые под очистку. Надо же как-то выживать! Тётка, мол, ваша по болезни в этом году огород не сажала.

Вдруг вечером неожиданно в комнату женщин зашёл Фриц. Он положил на столик буханку хлеба и кулёк сахара. Многозначительно глядя на Эмилию, сказал, что в округе облава — забирают евреев и уводят к оврагам, за город, где держат их взаперти в сельскохозяйственной постройке. Миля заметно побледнела, она поняла, что немец догадывается о её происхождении. Ей хотелось узнать, что будет с этими евреями, но она не посмела. Миля и сама догадалась, что овраг — это общая могила. Будут убивать.

Когда Фриц ушёл, Зоя набросилась на Милю с вопросами:

— Отчего ты сама не своя? Что он сказал?

— Евреев забирают и увозят за город к оврагам. Зоя, их там расстреляют и бросят в овраг — общую могилу. Другого ничего быть не может! Фриц, кажется, догадался, кто я. Как ты думаешь, наши постояльцы меня выдадут?

— Не знаю, — ответила Зоя с тайным злорадством, которое с трудом удалось ей скрыть. — Вряд ли Фриц тебя выдаст. Вижу, начинает нас всех ради тебя подкармливать, ты ведь красавица да ещё по-ихнему шпаришь, как родная. А если и выдадут, то я как бы двоюродная твоя сестра и нас под общую гребёнку загребут. А мне на что такая беда?! Вот уж повезло, так повезло мне с тобой!

В голове у Зои закрутилась карусель коварных мыслей: «Выдадут они тебя, не выдадут, а мне точно от тебя надо откреститься. Да и на что нам в четыре рта провизию подвезать со Славкиным аппетитом! Мешки пустеют быстро, а в два рта кушать куда экономнее! А как если я завтра с утрачка скажу: «Слушай, Милька, чтоб к мешкам больше не подходила, а не то одно моё слово — и вы уже в овраге вороньё будете кормить! Знаю я и про твои два золотых кольца, в мешочке зашитые. Мамаша твоя, хитрая жидовка, привезла их тебе как раз накануне войны. Я под вашей дверью подслушала, как она тебе наказывала: «Спрячь. Держи всегда при себе. Чует моё сердце — война на пороге. Это будет твой золотой запас на пропитание». Так я вот до твоего запаса доберусь, как только тебя со Славкой за шиворот поволокут», — заранее ликовала Зойка. Она уже знала, в каком укромном месте Миля прячет мешочек.

Прошли сутки, но за Эмилией так и не пришли. С утра Зоя после завтрака ей сказала: «Мы с Мишуком сходим на задворки столовки, поглядим, что там подобрать можно. А вы со Славкой сидите тихо и не высовывайтесь».

После ухода Зойки на душе у Мили точно кошки заскребли. Она забрала из укромного места свой «золотой» мешочек и спрятала его в лифчик, быстро собрала вещмешок и стала напряжённо смотреть в окно. Вдруг её сердце зашлось, душа ушла в пятки, когда она увидела, как запыхавшийся, раскрасневшийся Фриц вбежал во двор и стремглав — в дом: «Эмилия, хватай сына и немедленно спасайтесь! Бегите! Твоя подруга донесла на тебя, что ты еврейка. Я с дежурства сбежал. Прощай! Помогай вам Бог!»

Он показал ей рукой, в какую сторону бежать, и помчался обратно в комендатуру обходным путём, чтобы не встретиться с полицией. Миля со Славиком поспешили в ту сторону, куда показал Фриц. Две улицы были безлюдны, и они прошли их беспрепятственно, на третьей дороге преградили два полицая. Схватив Милю мёртвой хваткой за предплечье и глядя на неё с усмешкой, старший, усатый громила, сказал:

— Гляди-ка, на ловца и зверь бежит! Про тебя-то нам наводку и дали — с виду, может, и не жидовка, а на самом деле самое то, волосы светлые, глаза тёмно-карие, сама красавица, а сынок глухонемой.

Второй полицай, что помоложе, длинноносый и худой, подмигнув первому, добавил:

— А вот мы сейчас проверим! Мальчик, как тебя зовут? Отвечай! — спросил он у Славика, строго глядя на него в упор.

Но ребёнок испуганно зажмурился и опустил голову.

— Попались голубчики! От судьбы-злодейки не уйдёшь! А давай-ка мне свою тубетейку! Красивенькая, как раз моему Сашке в пору.

— Да ты чё! С головы смертника своему мальцу надевать? Помрёт и он!

И второй, тщедушный, услышав слова первого, громилы, отдёргнул руку от головы Славика, как ошпаренный. Миля, держа сына за руку, покорно пошла с полицаями к оврагам.

У неё было время подумать над тем, что произошло. Ей стало совершенно ясно, что Фриц пришёл не только спасти её и Славку, но и дать понять, что он и Густав её не выдавали. А ведь если бы за ней пришли полицаи, она подумала бы только на немцев. На Зою? На неё — никогда! Какой бес в неё вселился? Вспомнила, как она назвала Гитлера бесом. А сама от него недалеко ушла! Миля так и не поняла Зойку. Не зря говорится: «Чужая душа — потёмки».

А вот и эти овраги! Рыжая земля, почти никакой растительности, кроме редких кустиков. Местность хорошо просматривалась. «Даже кролику здесь негде спрятаться», — обречённо подумала Миля. На пустыре стояла старая хозяйственная постройка, охраняемая крепким, рослым немецким автоматчиком. Сдвинув тяжёлый засов, он не сразу открыл дверь, засмотревшись на молодую женщину, и с ноткой сочувствия в голосе спросил:

— Как твоё имя?

— Я Эмилия, — ответила она, и в душе её мелькнул отблеск надежды на спасение.

— Входи, Милька, будь как дома! — весело расхохотался полицей-громилла. И, отправляясь назад в город, продолжал болтать со своим напарником:

— И на что её мать такую красавицу родила, уж точно не для того, чтобы она во цвете лет в овраге мёртвая валялась. Даром что еврейка, а её мне и этого пацанёнка жалковато. Не поймёшь, что в мире творится!

Внутри постройки во мраке Эмилия рассмотрела много людей, напуганных и несчастных. Да, это были евреи — старые, молодые, подростки, дети, согнанные со всей округи. Эмилия села на вещмешок, ближе к выходу. Всех, находящихся здесь, обволакивала тяжёлая атмосфера страха, безысходности и нечистот. В углу находилось отхожее место, оттуда шёл смрадный запах. Эмилия узнала, что почти все находятся здесь уже два дня. Некоторые были в бегах, пытались спастись, но всё-таки попали в лапы полицаев. И скоро, уже сегодня, кончатся их мучения. Всех расстреляют. Эмилия подумала о том, что двое суток они со Славиком по нынешним временам жили почти в раю: спали в постели,

успели поесть хлеба, которым угостил их Фриц. Пили горячую воду с сахаром. А эти несчастные люди уже страдали в жутком сарае. И вот теперь она с сыном здесь, в этом аду, и умрут они сегодня вместе со всеми. Она вспомнила о родителях. Неужели их постигла та же участь?

О муже Эмилия всегда думала с тоской любящей женщины, с верой в его избранность для счастливой долгой жизни и себя видела рядом с ним неизменно в радости. Она даже сейчас чувствовала сердцем, что Сергей жив, что он отважно сражается в небе, бьёт фашистских асов. Но вот жизнь её и Славика уже висит на волоске! Как же такое могло с ними случиться?! Это же уму непостижимо!

Под конец она поняла, что не может думать ни о чём, кроме предстоящего расстрела. Ужас обуял её, но вскоре он сменился апатией, оцепенением. Миля потеряла ощущение времени. И тут Славик тряхнул её за плечо, показывая своим привычным жестом, что хочет по нужде. Она повела его к отхожему месту в вонючий угол и показала — сюда! Но он затрясся в истерике и, вырвавшись из рук Мили, помчался к выходу и с жутким мычанием стал биться в дверь руками, ногами, всем телом. Она пыталась его утихомирить, но это ей не удавалось. Часовой постучал в дверь прикладом, мол, что у вас там. Припавши губами к дырочке в двери, она негромко позвала по-немецки:

— Солдат, это я, Эмилия. Я хочу сказать тебе что-то очень важное для тебя и для меня.

Часовой чуть приоткрыл дверь, прижав её сапогом. Славик успокоился телом, но слёзы текли по щекам.

— Как тебя зовут? — спросила Эмилия.

— Генрих, — ответил он растерянно.

— Генрих, выпусти меня. Я не убегу. У меня к тебе предложение. Я хочу поговорить.

Часовой открыл дверь и, схватив Эмилию с сыном, мгновенно вытащил их наружу и закрыл сарай. Один старый еврей уже шёл к выходу. Он хотел узнать, чем всё это кончится. Приложив ухо к двери, пытался услышать, о чём говорят снаружи. Но немец заслонил широкой спиной женщину и ребёнка, и ничего не было слышно.

— Генрих, — прошептала Миля, глядя в голубые глаза молодого солдата с теплотой и надеждой, — мой сын глухонемой, у него истерика.

Она достала из-за пазухи свой мешочек.

— Здесь два золотых кольца. Это тебе от меня в подарок! У тебя глаза небесного цвета, будь же ангелом для меня. Это на память. Когда-нибудь ты взглянешь на эти кольца и вспомнишь Эмилию. А сейчас я прошу: отпусти сына по нужде.

— И это всё, что ты хочешь? Пусть идёт!

Слова Мили удивили и развеселили парня. Он улыбнулся добродушно и открыто, как умеют улыбаться только сильные, мужественные и благородные мужчины. Женщина отпустила руку мальчика, и тот мгновенно убежал на середину пустыря, сделал свои дела и стал играть чем-то на земле, присев на корточки и не обращая внимания ни на мать, ни на часового. Эмилия взяла Генриха за руку и вложила мешочек ему в ладонь. Он покраснел и сказал:

— Сейчас приедет машина с расстрельной командой.

— Что делать, Генрих? — спросила Миля.

Конечно, тайно женщина надеялась, что, очутившись на свободе, Славик убежит куда подальше, что он не раз делал, и его приходилось искать. Но этого не произошло.

— Беги к сыну и с ним уходи за овраг! — ответил Генрих.

Он протянул ей мешочек, но она отвела его руку:

— Это плохая примета — брать назад подарок. Прощай, добрый человек! Я благодарю тебя всем сердцем.

Когда Миля добежала до середины пустыря и взяла Славика за руку, она услышала, что вдали рокочет мотор грузовика. Обернувшись, она в последний раз увидела Генриха. Он показывал ей рукой: уходи, уходи! Миля побежала со всех ног, изо всех сил таща за собой Славика, огибая расстрельный овраг.

Всё это видел в дырочку в двери седовласый еврей, но мудрый старик сделал философский вывод: «Не иначе как Божье Провидение. Это последний добрый человеческий поступок, который я видел в своей жизни. Дай Бог и после смерти узреть только радостное для души!»

Следующий овраг был ниже первого, и Миля с сыном успели обогнуть и его. Силы их покинули на третьем овраге, на дне которого валялась мёртвая лошадь. От неё ветер доносил запах разложения. Женщина разглядела за трупом в склоне горы большое углубление, что-то вроде широкой норы, где можно было спрятаться до ночи. Они залезли туда, легли и отдышались. Через некоторое время до них стали доноситься крики команд, вопли ужаса, сначала сплошные выстрелы, а потом редкие. Когда всё стихло, раздался удаляющийся рокот грузовика. Ветер, слава богу, дул в обратную сторону от их убежища, и запах гниющей падали был терпимый. Дождавшись ночной темноты, Эмилия с сыном отправились в путь, надеясь прийти к какому-нибудь сельскому жилью. За оврагами прошли лесочки. Они напились воды из ручья. Потом снова — овраги. На рассвете вышли на поле. Когда вддали показалось село, Эмилия остановилась и заплакала. Нет, не от радости, а от страха. Она поняла, что ей не хватает мужества войти туда. Миля упала на колени и, глядя в безоблачное голубое небо с сияющим златоглавым солнцем, впервые в жизни обратилась к Богу: «Господи, я знаю, что Ты есть! Что Ты любишь меня и Славика, и Ты спас нас от ужасной смерти. Ты простил мне моё безверие, мою неблагодарность, мою глупость стадной овцы. В душах Фрица и Генриха тоже есть свет Твоей доброты и сострадания. Я благодарю Тебя, Господи, за то, что и среди немцев есть Твои люди и Ты поставил их на моём пути как оплот спасения».

Она посмотрела на сына: подражая матери, он тоже стал на колени и смотрел в небо. Чувство благоговения охватило Эмилию. Её душа наполнилась силой веры: всё в этом селе с нами будет хорошо! Она постучала в первый же дом на окраине. Из него вышла пожилая женщина с добрым лицом, взглянула на усталых, измученных путников с любовью и пригласила в дом. Звали её Мария.

«Голод не тётка, вот и пришла к двоюродной тётке кормиться», — говорила всем, кто интересовался, хозяйка дома. Так Миля со Славиком и прожили у Марии на правах племянницы с ребёнком из городских до конца оккупации.

Когда пришёл староста, крепкий мужик в годах, Эмилия поняла, что он тоже человек от Бога, по тому, как он её напутствовал: «Твой статус “беженка”, сиди тише воды, ниже травы, ни с кем в дружбу не входи, ничего о себе не рассказывай, мол, ребёнок глухонемой, заботы требует, не до чего тебе, кроме твоего пацана. Волосы свои всегда под косынкой прячь. Можно и совсем их состричь, мол, болею. В остальном, слушайся Марию, она скажет, что делать в случае чего. Место у вас здесь тихое. Украина. Так что с Божьей помощью будете в порядке».

«Свой человек», — сказала о старосте Мария. Миля старалась во всём помогать хозяйке по дому и в огороде. Муж Марии умер ещё до войны, а два сына воевали на фронте. В доме было две иконы: Иисус Спаситель и Богородица с Младенцем. Утром и вечером Мария молилась пред ними о спасении сыновей от гибели на войне. Глядя на неё, Эмилия стала молиться о возвращении мужа с войны живым и невредимым. При этом она всегда представляла их будущую встречу, и радость охватывала её. Она верила в победу.

Когда оккупированные территории освободили советские войска, Миля простилась с дорогой её сердцу тётей Марией и уехала в родной город, где до замужества жила с родителями. От соседей по подъезду она узнала, что её отец и мать были расстреляны вместе с другими евреями. Миля со Славиком поселились в одной из комнат родительской квартиры, которую для них временно освободила семья инвалида войны, получившая это жильё. Душевную боль по убиенным родителям заглушила огромная радость: лётчик Сергей Иванов жив и продолжает воевать! Такие сведения получила Эмилия в военкомате на свой запрос и, главное, номер полевой почты, куда писать ему письма. Миля послала мужу радостное письмо, полное любви и нежности, где сообщила о том, что спасла её и сына добрейшая деревенская женщина Мария. Подробности расскажет при встрече, не хочет описывать эти страсти. Мама с папой погибли. Ответное письмо Сергея было сплошным ликованием. Он верил, что его любимые жена и сын живы, и всё время представлял себе их счастливую встречу после

войны. Ни одной секунды не сомневался, даже мысли себе такой не допускал, что их не стало. Мама Сергея жива. А вот среди товарищей-лётчиков многие погибли и одним из первых Вася Сорокин — в самом начале войны. Знает ли Миля, где Зоя? Эмилия ответила, что не знает о ней ничего, решив рассказать мужу всё — о Зое, Фрице, Генрихе и Марии — только при встрече.

Когда кончилась война, майор Иванов был оставлен на лётной службе в армии. Он приехал в родной город Эмилии, чтобы забрать семью. На удивление родителей Славик сразу узнал отца и бросился ему на шею, на несколько секунд опередив мать. Они обнялись втроём, тесно прижавшись друг к другу, и никак не могли разомкнуть объятия.

— А мы со Славиком уже весь язык жестов для глухонемых выучили и общаемся, — похвалилась Миля. — Он умненький у нас. И по дому всё умеет делать. А рисует как! Очень оригинальные сюжеты. Господь ему дал талант к живописи. Сейчас я тебе его альбом покажу.

Пока отец с любовью разглядывал рисунки сына, Миля накрыла скромный стол, за которым, как до войны, собралась их счастливая семья.

Уложив Славика, Эмилия и Сергей всю ночь не спали. Они любили друг друга и говорили, говорили, говорили обо всём, что произошло с ними за эти суровые годы войны. Сергей был поражён тем, что Зойка оказалась такой сволочью. Он слушал рассказ о злоключениях жены и сына и об их спасении, о Фрице, Генрихе, Марии, как будто смотрел кинофильм. Ему казалось (или это в самом деле было так), что он видит все лица — и немцев, и полицаев, и Марии, и старосты, и как Эмилия молится пред иконами о его возвращении. Он спросил жену:

— Значит, ты молилась обо мне?

— Да, молилась всю войну. Господь привёл меня к вере, показав, что любит меня и Славку и спасает нас от самых невероятных бед. Отец Небесный и тебя, Серёжа, любит, ведь ты подумай, четыре года участия в войне без серьёзных ранений!

И вдруг муж громко рассмеялся:

— А ты не знаешь, жёнушка, что мать меня в лётное училище благословила только после того, как я выучил по её настоянию наизусть 90-й псалом «Живый в помощи Вышнего». Ведь отец мой лётчик, он разбился в мирное время во время учений. Мама себя винила, что не научила его тому, что в небе без Божьей помощи нельзя. Страшная была война, многих в веру обратила. Но об этом не принято говорить.

Сергея не удивило, что среди немцев нашлись хорошие люди, спасавшие Эмилию.

— Не может быть, — сказал он, — чтобы весь немецкий народ был гнилым, злобным и тупым.

— И ещё не может быть такого, чтобы весь народ жил без Бога. Я так рада, что мы друг друга понимаем, — добавила Эмилия и, счастливая, поцеловала мужа в седые виски.

Рассказ о Миле я услышала в возрасте 8 лет в коммунальной квартире военного городка. Подруга выдала её, а немцы и крестьянка спасли. Это запало в душу как пример Божьего Провидения.

Любовь Щипанова

Любовь Ивановна Щипанова — прозаик, член литобъединения «Угреша», лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2021), окружной премии имени И.А. Бунина, автор книги рассказов «Сад» и других. Её произведения печатались в газете «Угрешские вести», альманахах «История Угрешы» и «Угрешская лира», журнале «Славянка» и других изданиях.

Счастливый день

Всем моим подругам и друзьям

У Аллы глазки кругленькие, как она сама. И когда слушаешь её речь, даже кажется, что и слова катаются, как разноцветные конфетки-драже. Алла — одесситка, а это особый народ, насколько я понимаю. Коренных одесситов я знала немного, но пришла к выводу, что эти непотопляемые люди встречаются в нашей стране повсюду и всегда от них идёт какой-то острый аромат, морской, что ли, если это вообще применимо в качестве характеристики.

Мы сидим во дворике дачи. День сегодня выдался необыкновенно тёплый и солнечный для октября, так что выпить его хотелось до дна, и наша чайная церемония происходит на воздухе. Скоро нас увезут в душные квартиры, и общение будет только по телефону. А какое это общение? Суррогат!

Первый период жизни мы уже отыграли, теперь доигрываем второй — пенсионный, у плиты, или, как Алла говорит, «у мартена». Но это совершенно не означает, что мы рассуждаем только о поджарке для борща или варке повидла. А вот и нет. Наоборот, мы говорим обо всём, кроме этого. Я давно заметила, что истинная прелесть общения состоит как раз в разнообразии в отличие от однотонности. Конечно, сближает людей приверженность одной теме, но внезапное вклю-

чение другого канала расцветивает колер, и мы веселеем, добреем и не так сильно кусаемся.

Итак, мы выдули стартовый чайник, расстегнули потесневшие куртки и радостно передышаем после первого разговорного шквала. На земле рядом с Аллой совершенно интеллигентно — брюхом кверху — валяется моя собака Джильда. Этим она выказывает своё расположение за уже оприходованные пожилые котлеты, принесённые Аллой. Та, видимо, вспомнив консерваторскую молодость, спрашивает, мечтательно протягивая слова:

— А почему Джильда? Это ведь Верди, Италия.

— Тебя смущает, что дворняга носит итальянское имя?

— Ну да.

— Во-первых, это у нас наследственное: так звали собаку моей тёти. Во-вторых, наша дама отличается особой добротой и общительностью, так как целыми днями шляется по посёлку, ходит купаться на речку и тусуется с другими собаками на автобусной остановке, что показывает её, по-моему, совершенно итальянский норов. И, в-третьих, я полагаю, что Джильд в Италии, как у нас Жучек, — немерено, и Верди тут не махнул на счёт характера. Что есть, то есть. Это вам не Марфа-посадница.

На третьем Алла начинает воркующе смеяться, и Джильда с интересом смотрит на неё, повернув морду. А моя гостья продолжает:

— Это ей такое счастье выпало. Как она к тебе попала?

— Просто забежала в открытую калитку. Но ты ж знаешь, если зверёк пришёл к тебе сам — гнать нельзя. Примета такая. Пусть живёт, значит, к прибыли.

— Интересно, а если б к тебе тигр зашёл или носорог, тоже нельзя гнать?

— Тут самой бежать надо, и потом, наши приметы на заграницу не распространяются. Какая уж тут прибыль, хотя у нас люди такие, что даже медведи все в цирк пошли на велосипедах ездить, чтобы выжить.

— Да-а, люди у нас будь здоров, хотя точка зрения меняется с годами.

— И в каком качестве: лучше или хуже?

— Обширнее, пожалуй. Но в детстве всё-таки оптимистичней. Вот у меня есть пример абсолютно счастливого дня. Одного дня моего личного детства.

— Расскажи.

— Хорошо. Только баш на баш. Ты расскажешь свой.

Аллин день:

— Мне было шесть, семь, восемь — где-то так. Был прекрасный день прекрасного лета, было много клубники, ты не можешь представить, сколько и какой. Моя бабушка и я отправились куда-то по делам. По делам, естественно, бабушка, а я, естественно, с пользой провести время. Ей же некуда было меня деть. И вот мы идём по улице, и вдруг происходит то, о чём говорили все назавтра.

По улице едет собачий ящик. Ну знаешь, ходили такие люди — собачники, ловили подряд всех собак, сажали в этот ящик и увозили. Конечно, у кого пропадала собака, знали, куда идти, чтобы собаку выкупить. Это теперь называется бизнес. Тогда по-другому. Так вот, едет этот ящик и бегут собачники.

А там шла девочка с болонкой. Так эти живодёры хватают эту болонку и суют её в ящик. Девочка кричит, плачет. Но эти гады знают, что придут её папа, мама и выкупят эту болонку. И, естественно, девочку гонят, а она не уходит, идёт и плачет.

А там невдалеке стояла скамейка, на которой сидели два курсанта. Знаешь, в Одессе всегда много курсантов. Эти двое всё наблюдали, и, когда собачники погнались за какой-то шавкой, курсанты открыли ящик и выпустили всех собак. Девчонка схватила свою болонку и усвистала, а курсанты опять уселись на скамейку. Когда собачники увидели, что произошло, они очень стали ругаться и позвали милиционера, а сами бросились за собаками. Пришёл милиционер и начал стыдить курсантов. Тогда курсанты сняли с него фуражку и забросили её в собачий ящик, а когда милиционер полез за ней, то закрыли его. Потом они сели в трамвай и уехали. Найти их тогда дело было пропащее.

Мы всё это понаблюдали с бабушкой и отправились домой. Я шла и размышляла, когда же будет мне польза от всего этого. И когда мы пришли домой, приехал старьёвщик. Ну

ты помнишь, они ездили по улицам и кричали: «Берём старьё, берём старьё!» Им несли всякое барахло, а они платили какие-то копейки или продавали всякую ерунду. У бабушки было уже что-то готово к его приезду, она принесла. А в обмен она попросила маленькую брошку для меня. Это было сердечко с надписью «Люби меня, как я тебя». Короче, это было то, что мне нужно. Вот такой счастливый день. Твоя очередь.

Я так заслушалась и завспоминалась, что забыла о своём. Что же рассказать мне? Может, о самом первом воспоминании, когда я — кроха — увидела большую рыжую курицу ростом почти с меня, и как она, стоя на одной ноге, вдруг брызнула мутной струйкой на чёрную влажную землю и, наклонив голову, карим глазом оглядела меня и сказала: «Ко!» Нет, пожалуй, это глубоко личное. Лучше я расскажу, как мы собирали грибы.

Мой рассказ:

— Мне выпало счастье-несчастье быть первой дочкой-внучкой. Счастье было в начале, когда все любили только меня, а несчастье появилось потом, когда с появлением каждого следующего потомка любовь ко мне стала катастрофически уменьшаться. Но всё же в моём детстве были счастливые, не делимые ни с кем мгновения, часы, дни.

Если с отцом я любила ходить на рыбалку, то с дедушкой и бабушкой — собирать грибы. Для этого мы встали в то утро очень рано и поскорей пошли на первый автобус. В автобусе у всех, несмотря на сонный вид, настроение было отличное. Потому что было воскресенье и почти все ехали к родным в гости. За грибами ехали мы одни. И, глядя на наши корзинки, пассажиры улыбались и с сомнением качали головами.

Мы вышли на предпоследней остановке и двинули в лес. Шли мы по дороге через поле. Как сейчас помню, везде сверкающие капли росы: на пшенице, которая была с меня ростом, на тёмно-синих васильках и сероватых ромашках, на пыльных листьях подорожника и, наконец, на ветках первых маленьких сосёнок, встретивших нас на опушке леса. Дедуля сразу нашёл нам по палочке и решительно направился вперёд. Грибов в лесу не было категорически, окончательно

и бесповоротно. Так думали мы с бабушкой, но он так не думал. Он вообще-то был немного волшебник, мой дед. Если мы по-женски рысили по лесу, то он шёл медленно, как бы в раздумье, часто останавливаясь и, как мне показалось, принохиваясь. В конце концов он словно потерял к грибам всякий интерес и, найдя щедрую на ягоды земляничную поляну, пригласил нас лакомиться. Мы с бабушкой собирали в горсточки, а он лёг и собирал ягодки ртом, говоря, что так вкуснее. А потом вообще заявил, что хочет есть и пора домой. Бабушка понимающе кивнула.

Мы уселись на солнцепёке и разложили на тряпочке свою нехитрую снедь: варёные яички, картошку, хлеб и первые огурчики. А ещё бабушка достала небольшой квадратный пузырьёк и спичечный коробок. В пузырьёке была водка, а в коробке соль. Дедушка разрезал пополам огурчик и, вырезав серединку, сделал два маленьких стаканчика. Затем он разлил в них водку и произнёс речь, в которой коротко и ясно сообщил нам, что грибное счастье — вещь обманчивая и расстраиваться не стоит. А мы с бабушкой и не думали расстраиваться, весело солили картошку и яички, жевали и грелись на солнышке.

Пообедав, мы двинули на автобус, и, хотя в корзинках болталось лишь несколько сыроежек, настроение было прекрасное. Мы уже миновали лес, и осталось пройти небольшой овражек, поросший невысоким частым березняком, как вдруг дед остановился и, поставив корзину, решительно полез в кусты. И мы с бабушкой, услышав радостное рычание, устремились за ним.

Белые стояли рядами, как войско грибного царя. Мы не кричали друг другу, нет, звуки, которые мы издавали, были похожи на стоны, но стоны восторженные. Мы исползали этот перелесок вдоль и поперёк и теперь еле живые сидели у огромной кучи белых грибов. Я прожила целую жизнь, но никогда больше не встречала у людей такого восторга, какой вызвали мы, появившись в автобусе. Даже шофёр вылез из кабины и залез в салон, чтобы потрогать и полюбоваться на нашу находку. Такое вот счастье.

— Что ж, бывает, — сказала Алла. — Каждому своё.

Я замолчала. В это время к Джильде пришёл её друг — бездомный пёс по кличке Серый, которого подкармливали наши сторожа, да и вообще все жители. Собаки радостно обнюхались и стали внимательно смотреть на нас. У нас было только печенье. Конечно, отказываться они не стали, но ели без энтузиазма. Затем, задрвав хвосты-колечки, четвероногие потрусили прошвырнуться.

— Значит, так, — заявила я, — счастье — это чудо. Так?! Алла кивнула.

— И понимается это только в двух возрастах.

— Стар и млад, — подтвердила она, черпая ложечкой варенье. — Потому что одни думают, что впереди очень много, а другие знают, что очень мало. Здесь у всех очень тонко переплетается вера в чудо и готовность участия.

У Аллы два высших образования, не поспоришь, и мы безмятежно стали дуть финишный чайник.

— Кстати, помнишь, старьёвщики продавали маленькие тугие мячики из фольги, болтающиеся на тоненькой резинке. Мы дёргали резинку, и мячик прыгал в разные стороны, иногда в кого-то попадая. У меня резинка быстро рвалась...

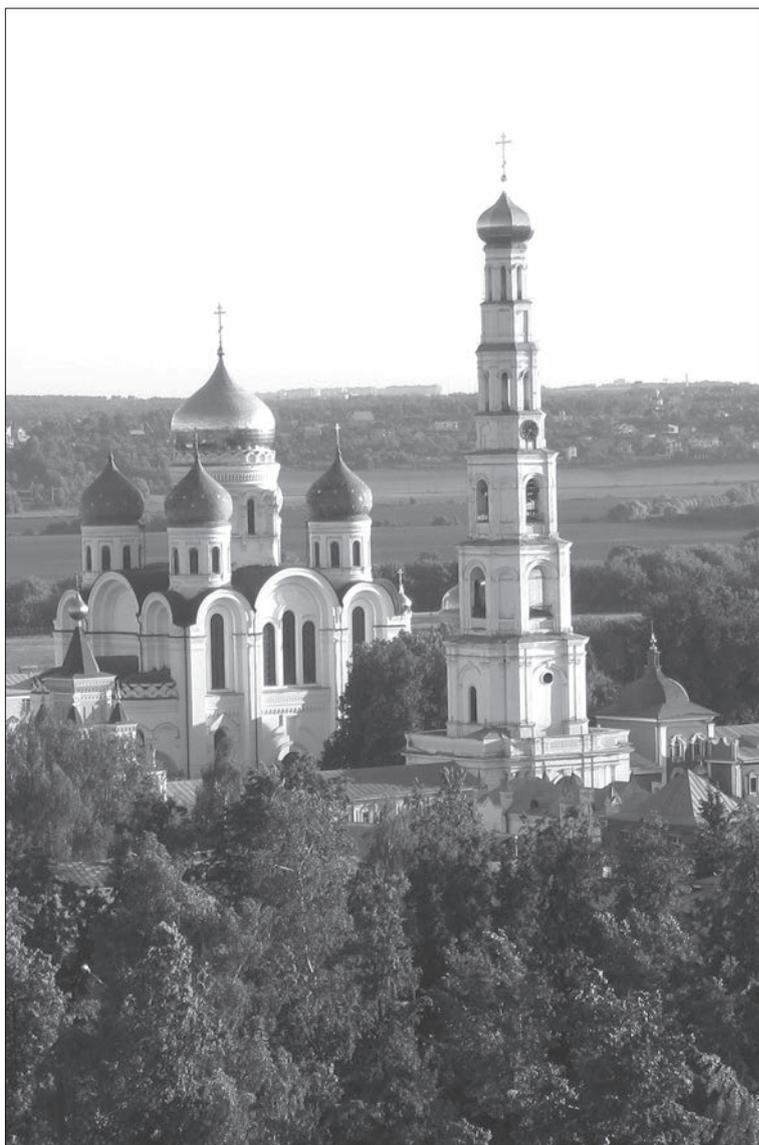
— Ну и что! Главное в счастье — ясность и безмятежность!

Алла весело смотрит на меня, и мы затягиваем:

*А я ясные дни оставляю себе,
А я хмурые дни возвращаю судьбе.
Ча-ча-ча!*

Счастливым день продолжается!

Урешский Нарнас

Елена Егорова

Елена Николаевна Егорова — член Союза писателей России, автор более 40 книг, руководитель литобъединения «Угреша», лауреат московских областных премий имени М.М. Пришвина (2019) и Я.В. Смелякова (2005, 2017), губернаторской премии «Наше Подмосковье» (2013, 2015, 2016, 2018) и других премий. Удостоена благодарности полномочного представителя президента в ЦФО (2015). Награждена Патриаршей грамотой, многими ведомственными, муниципальными и общественными орденами и медалями.

Зимнее полнолуние на Угреше

Луна над зимнею Угрешей
Плывёт в прозрачных облаках.
Морозный воздух лёгкий, свежий.
И колокольня в небесах
В ночной подсветке вся сияет,
А снег на крышах, куполах,
Деревьях и прудах блистает
Холодным серебром во тьме,
Как будто гимн седой зиме
Игрою искр он напевает.

Хор певчих из собора слышен:
Чин всенощной идёт к концу.
Луна всё ярче, дальше, выше.
Струятся по её лицу
Туманы тонкою фатою.
Мой взор к Небесному Отцу
Она влечёт вслед за собою.
В её лучах так хорошо
Молиться искренне душой
В объятых зимнего покоя.

В защиту слова «поэтесса»

Сегодня интернет и пресса
Ругают слово «поэтесса».
Оно, мол, женщин обижает
И даже чем-то унижает,
Мол, тоже женщина — поэт.
А я скажу на это: нет!
В наш век безумного прогресса
Звучит красиво: «Поэтесса!»
Так называться мне не стыдно
И уж, конечно, не обидно.
У нас в России поэтессы —
Родной словесности принцессы.
Таланты русских поэтесс
Ведут свой тонкий политес,
Стихи, как кружево, плетут,
Поэмы образами ткут,
Всю душу вкладывают в них.
Проникнут чувством каждый стих!
Так кто я всё же? Поэтесса?
Иль, может, женщина-поэт?
По сути разницы здесь нет.
Читали б книги с интересом.

Ясная ночь на Кавказе

За горы солнце село. Грустно.
Кавказ во власти темноты.
Но месяц тонкий над Эльбрусом
Улыбку дарит с высоты.

А рядом теплится Юпитер,
Совсем не грозен, даже мил.

Мерцая мирно на орбите,
Лучи на Землю устремил.

Вот за звездой звезда проснулась.
Приветно Млечный Путь блестит.
Вселенная нам улыбнулась.
Бог с нами! Незачем грустить.

Майский жук

Для дошкольников

На цветущий майский луг
Приземлился майский жук.

Огляделся он вокруг,
Бабочку увидел вдруг.

Зажужжал ей: «Жу-жу-жу!
Я вам, милая, скажу:

Вы прекрасны, вы прелестны,
Словно майский день чудесный.

Я, красивый майский жук,
Вам отныне верный друг!»

Бабочка едва взглянула
И к подружкам упорхнула.

Разобиделся наш жук
И покинул майский луг.

Улетел, жужжа, к друзьям,
К майским, как и он, жукам.

Наш неизвестный солдат

Когда огнём прицельно шпарил
Фашист, к Москве ломаясь вперёд,
Солдат — простой советский парень —
Погиб и намертво вмёрз в лёд
Окровавлённый москворецкий.
Зимой от вражьих орд немецких
Очистили край подмосковный.
Весною вздыбилась река,
Срывая зимние оковы.
И льдину ту издалека
С красноармейцем повлекла,
К шлюзам Дзержинской трудкоммуны
Волной свинцовой принесла
И ночью тёмною безлунной
На берег кинула. Ребята
С утра заметили солдата,
Позвали взрослых. Те бойца
Из плена льда освободили,
С печалью тихую в сердцах
На кладбище похоронили.

Красноармеец безымянный
Под обелиском деревянным
Сначала там обрёл покой,
Потом — под мраморной плитой
С пятиконечною звездой.
Солдата помнили и чтили.
Детишки местные к могиле
Букеты полевых цветов
Несли, с любовью украшая.
Звучало много скорбных слов
На митингах в июне, в мае.

Стояли взрослые в слезах
И дети, кто войны не ведал...
Перенесли мы с честью прах
Спустя полвека в сквер Победы.
Надгробием солдату стал
Торжественный мемориал,
Красногранитные знамёна
Под сенью елей и берёз.
Мы помним всех, кто уберёт
Нас от фашистского полона.
И вечный здесь огонь горит
Как памяти и славы символ.
Солдат наш неизвестный спит —
Один из тех, кто спас Россию.

Ангел-хранитель на войне

По небу полуночи ангел летел...
М.Ю. Лермонтов

Хранитель летел и на скрипке играл.
Над полем, селеньями, кручами скал
Пронзительно реквием горько звучал.
И слёзы по лику святому текли,
Дождём проливаясь на лоно земли,
Где люто народ от нацистов страдал,
Где сонмы снарядов вблизи били и вдаль.

Оплакивал Ангел погибель младенца:
Снаряд растерзал беззащитное тельце.
Хранитель мгновенно к нему подлетел,
Да только спасти всё равно не успел.
Он душу чистейшую в горний удел

Унёс и, влетая в сад райский Отца,
Её передал в длани Бога-Творца.

Младенец Хранителю крошечной ручкой
Махал и улыбку дарил из-за тучки...
Вдруг Ангел услышал глас Бога певучий:
Господь его в храм уцелевший послал
К купели крестильной, чтоб там восприял
Он с крёстными вместе другое дитя,
Чью душу хранил бы на жизни путях.

Вновь Ангел летел и на скрипке играл.
Над полем, селеньями, кручами скал
Крещенья тропарь вдохновенно звучал.
Услышал в купели небесные звуки
Младенец крещёный и к Ангелу руки,
Капризы забыв, умилённо тянул,
И тихо с улыбкой счастливой уснул.

Внимал он во сне звукам скрипки чудесным:
Хранитель играл колыбельную песню...

Клубника

«Просите и дано вам будет...»

Евангелие от Матфея

В конце июня — начале июля 1994 года я ездила по делам в Санкт-Петербург. Клубника в этих краях в том году ещё не поспела, а с юга её массово не завезли. Сейчас эту ягоду продают в магазинах почти круглый год, а тогда в средней полосе можно было полакомиться ею только в сезон, когда она созревала на грядках.

Вернувшись в свой подмосковный городок, я отправилась на рынок за клубникой: уж очень мне захотелось побаловать себя. К моему сожалению, оказалось, что здесь клубника уже отошла. Купив всё остальное, что было нужно, я ушла с рынка несолоно хлебавши и на обратном пути невольно поделилась своим огорчением с Богом: «Ну вот, Господи, не досталось мне в этом году клубники. Ну да ничего, в следующем поем». Смирилась и забыла о ягодах, занявшись насущными делами.

Прошло два или три часа. Звонит мне шапочная знакомая по имени Валентина. Весной я отдала ей не новые, но находившиеся в хорошем состоянии вещи: джинсы, куртку, рубашки, кастрюльки и всякую мелочь. У неё дачу, расположенную на севере Подмосковья, зимой подчистую обокрали, и ей с супругом было не в чем ходить в лес, работать на участке, готовить еду. Люди скромно жили, лишнего почти ничего не имели. Моя бескорыстная помощь оказалась им очень кстати.

— У нас тут поздняя клубника поспела, полно её, — поздравившись, сообщила мне Валентина. — Мы всю собрали, и тут я о вас вспомнила. Хочу вам завезти, угостить.

— Спасибо огромное, буду очень благодарна. Это моя любимая ягода.

Ещё через час Валентина с мужем прямо на квартиру принесли мне два больших ящика клубники! Вот угостили так угостили! От души! И не только меня, а всю нашу семью: ро-

дителей, сестру, её мужа и двух дочек. Клубнику покрупнее мы съели, а из той, что помельче, сварили варенье.

В этот же день часов в 10 вечера звонит мне в дверь моя близкая подружка и соседка Галя, только что приехавшая с дачи. Открываю. Целуемся, обнимаемся. И она достаёт из сумки и протягивает мне большой кузовок клубники!

— Вот тебе, Леночка, гостинчик! Я тут для тебя последнюю клубнику на грядках собрала. Перед отъездом вдруг о тебе вспомнила. И не думала даже, что столько спелых ягод под листиками прячется.

— Спасибо, Галочка!

Однако тогда я уже настолько насытилась клубникой, что поставила кузовок в холодильник.

И только следующим утром, наслаждаясь вкусными ароматными ягодами, подумала, что ведь это Господь по моей неосознанной молитве через подруг послал мне столько клубники, чтобы я досыта наелась, побаловал взрослую женщину, как любимого ребёнка.

Благодарю Тебя, Господи!

Молитва о поэте Льве Котюкове

*Я в ледяной рубахе
Пред Господом стою.
Лев Котюков*

Он ушёл в космические дали,
Те, куда душа давно стремилась,
От земных успехов и печали.
Господи, даруй поэту милость
И прости грехи его земные,
Ко престолу Твоему приблизив,
Обрати рубахи ледяные
В тёплые любви бессмертной ризы.

Наталья Алимова

Наталья Юрьевна Алимова — поэт, член Союза писателей России, лауреат Московской областной литературной премии имени Я.В. Смелякова (2014), премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» (2016), лауреат, дипломант и финалист нескольких литературных конкурсов и премий, автор поэтических сборников «Мгновенья трепетного счастья» (2011), «Цветы медуницы» (2014). Её стихи печатались в альманахах «Угрешская лира», «История Угрешы», газете

«Угрешские вести», сборниках МГО и МОО СПР «Храни меня, мой талисман», «Пришла весна, а с ней любовь», «Золотая строка Московии» и других.

Рябина Хатыни

Здесь адово пламя бушует поныне,
Тому подтвержденье — рябина Хатыни:
Как пепел, лишайник на ветках корявых.
И белые росы слезами на травах.

Берёзы Хатыни, осины Хатыни
Колышутся горестно в утренней сини.
Наполнены скорбью пустые криницы.
Щебечут беспечные звонкие птицы.

Покая страдальцев они не нарушат,
Их звукам внимают невинные души
Под звон колокольный на траурных трубах,
Застывших в бетонных безжизненных срубках.

Нарекли отцом

Май Победу по Берлину
С песнями ведёт,
А Берлин лежит в руинах
И расплаты ждёт.

Подошёл старик немецкий
К кухне полевой.
Улыбается советский
Парень молодой:

«Приуныл чего, папаша?
Не грусти, отец.
Скоро будут суп да каша.
И войне — конец!»

Но старик никак не может
Парню объяснить,
Что его охота гложет —
Тянет покурить.

Что давно уж нету дома
Прежних сигарет...
«Ситуация знакома.
На махорку, дед!»

Тут заплакал «дед» по-детски:
Разве мог он знать,
Как его солдат советский
Станет величать?!

Вдруг отца иль деда парня
Сын его убил?..
Обнял хлопца благодарно,
Жадно закурил.

Собрались бойцы, смеются:
«Что, отец, живём?!»
А у немца слёзы льются:
Нарекли отцом...

Ленинградский коток

Морозный день. Мы на коток спешим,
На первый наш коток послеблокадный.
Душа поёт, мы вторить ей хотим
И подпеваем невпопад, нескладно.

Мы живы! И сегодня этот лёд
Нам видится не жутким, не суровым.
Сверкает радостно и нас к себе влечёт,
Узором чтоб украсить коньковым.

И мы летим, мы кружимся на нём,
А музыка так трепетно играет.
Теперь мы долго-долго проживём!
И сердце от восторга замирает...

Ксения Александрова

Ксения Яковлевна Александрова — поэт, член литобъединения «Угреша», автор книги стихов «За мирную жизнь, добрый колос, народ...», её произведения публиковались в альманахе «Угрешская лира» и газете «Литературный Крым».

На Голюбовской горке

Узорные зонтики сняты
Ладошкою нежною глажу.
Тропа вьётся жёлтою нитью
К вершине холма. Там пейзажа

Величье откроется взору:
Родная река, зелень поля
И взгорье. Таинственность бора.
Настоем сосны дышишь вволю.

Кораблики белые в небе
Устало плывут на ночёвку.
В бору, где живут быть и небыль,
Любимый причал, остановка.

Горящей свечой колокольня
Вдали призывает к молитве
За мирную жизнь, добрый колос,
Народ, за детей и родителей.

Конники-доваторцы

1

*Памяти гвардии сержанта
Филиппа Федотовича Кулешова*

После изнуряющего боя,
Сохранив столицу от разбоя,
Чуду не поверил, что живой.
Карточку послал своим домой:
«Милые мои, люблю вас очень,
Помните отца, сыны и дочери.
Старшие, вы матери оплот.
Сердце позвало меня в поход.
Вы в душе храните образ мой.
Дай нам бог с победою домой!
Обниму вас с матерью, с ребёнком,
Кто родится — хлопцем иль девчонкой...»

2

В дни беды, нависшей над страной,
Мы стоим за Родину стеной.
Наших пулемётов строчки точны,
Вжикают штыки в горячих точках.

По тылам гуляют казаки —
По фашистским. Конникам с руки
Вызволить своих из окруженья,
Путь закрыть нацистам к отступленью.

Натиск эскадронов — правый бой.
Из Московии врага — долой!

*Памяти Героя Советского Союза
генерал-лейтенанта Льва Доватора*

Шкурой фрицы чуют: им Москву не взять.
Командир наш мудрый, мы лихая рать.
Генерал зовёт нас защитить людей:
«Враг несёт погибель. Бей фашистов, бей!»
Города в руинах, сёла сожжены.
Гитлер — зверь проклятый. Замыслы черны.
В цвете сил наш батя, жить ему да жить...
Пулей злой укушен, неживой лежит
Средь героев первых праведной войны.
За Москву погибли лучшие сыны.
Смерть осталась в тайне — вождь так повелел.
Страх, безмерный ужас фрицев злых удел.
Бьют врага рубаки яростным клинком,
Не дождутся немки гансиков-сынков.

Александрит

Милый подарил колечко
С камешком александрит.
Радость малая сердечку —
Одиночество сулит.

Камешек с кулоном в паре
Будет добрым хоть куда:
Отведёт судьбы удары
Не на миг, а на года.

Я люблюсь блеском граней
Камешка александрит.
Перемена цвета манит,
Взор восторженный пленит.

Оберег он от напастей,
От печалей и от бед,
В паре — даст любовь и счастье
И неугасимый свет.

Накануне полярной ночи

Облака заката —
Пурпур. Красота!
«Солнышко, куда ты?
С нами будь всегда.
Красные над кряжем
Облака стоят,
Небосвода стража,
Огненная рать.
Но они не в силах
Твой сберечь огонь».
Зиму попросила:
«Солнышка не тронь».

«Солнце, уступаешь
Свод небес свой тьме
И бразды вручаешь
Зимушке-зиме». —
«Ждите вы немного,
Отдохну чуть-чуть
И опять в дорогу,
В новый светлый путь.
Светом обогрею
Землю и людей,
Чтобы здоровее
Стали и сильней!

Татьяна Беличева

Татьяна Васильевна Беличева — поэт, член литобъединения «Угреша», лауреат губернаторской премии «Наше Подмосковье» (2014). Проживает в Красково, является организатором и руководителем музыкально-поэтического клуба пенсионеров «В кругу друзей». Её стихи регулярно публикуются в местных СМИ.

Родина моя

Мне дороги родимые просторы,
Росла я в среднерусской полосе.
Природой ткутся новые узоры,
И виден след на утренней росе.

Люблю полынь, чертополох колючий,
Ромашку придорожную в пыли
И на реке тот водопад гремящий,
Что не давал уснуть мне до зари.

Люблю метель, трескучие морозы,
Манящую калиновую гроздь
И майские раскатыстые грозы,
Туман, повисший на ветвях берёз.

Приедут гости из другого края,
Начнут хвалить далёкие места,
Но мне не нужно их чужого рая:
Милей Россия — Родина моя!

Родная деревенька

Любимая родная деревенька,
Что призадумалась, грустишь одна?
Среди высоких тополей и клёнов
Издалека совсем уж не видна.

Ссутулились и сгорбились домишки,
Хозяева покинули свой край,
И, кажется, дома вдогонку шепчут:
«В деревню приезжай, не забывай!»

Как выжить им и выстоять в морозы,
В осенние дожди и холода?
Они на стареньких людей похожи,
О них лишь вспоминаем иногда.

Те домики, что шифером покрыты,
В дорогу провожали сотни раз.
И вот теперь покинуты, забыты,
Сиротами стоят они без нас.

А надо мной родных витают души.
Иду по улочке, не опуская глаз.
С годами покосившиеся крыши
С немым укором всё глядят на нас.

Истина жизни

Я люблю эту жизнь и ценю каждый миг,
Иногда устаю от нелепых интриг.
Все обиды и зло обхожу стороной,
А в багаж я беру доброту лишь с собой.

Я в дорогу возьму самых лучших друзей,
Подарю им тепло, чтоб согрелись скорей.
Поделюсь добротой, чтоб искрились глаза,
И открою им душу. По-другому нельзя.

Я улыбкой своей растоплю их сердца,
Чтоб сильней они стали, путь прошли до конца.
Чтобы счастливы были, встречали рассвет
И пореже считали, сколько прожито лет.

Бег времени

Время бежит, а вот знать бы, куда?
Время порой возвращает туда —
В детство далёкое буйных ветров,
В светлую юность радужных снов.

Время и учит, и лечит порой,
Только не знаю я, что за горой?
Мне неизвестно, что там, впереди,
Но лабиринты все надо пройти.

Все неудачи должна одолеть,
В ногу со временем всюду успеть
И насладиться всей жизнью земной,
Счастье познать и душевный покой.

Зрелость настала, мудрость пришла,
Лишь бы удача со мною была!

Любовь Богомолова

Любовь Владимировна Богомолова — член литобъединения «Угреша», психотерапевт, кандидат педагогических наук, автор серии книг «Театр жизни. Авторские притчи» и других, лауреат губернаторской премии «Наше Подмосковье» (2015, 2016, 2018).

Из предисловия к циклу притч «Внове»

Стихотерапия (от глагола «стихнуть»), подобно лупе, обобщённым, сфокусированным преувеличением через метафоры позволяет обрести в аллегорических образах иной взгляд на некоторые недоразумения в общении людей, в становлении их устойчивой самости.

Отметим самобытность альтернативного видения в оценке парадоксальных или противоречивых взаимодействий персонажей притчи. Персонажей, которые как бы «считаны» с повседневных выражений эмоций и суждений окружающих людей.

Безусловно, есть и мораль в каждой притче. Но любая мораль как обобщённый вывод индивидуальна в своей интерпретации.

Ира, выпусти меня!

Притча

Ехали в маршрутке полной. Слышим диалог:
— Ира, выпусти меня, дверь открой-ка, а-а-а!
— Гриша, посиди спокойно. Помолчи-ка-а-а!

А в салоне тьма людей. Ничего не видно.
Кто там с кем-то говорит? Ладно. Не обидно.

— Ира, выпусти меня. Дверь открой! Есть дай же!
— Гриш, отстань. В маршрутке едем. Замолчи сейчас же!

— О, наверно, это муж, — дед предположил.
— Да он, видно, перепил, — некто подтвердил.

Кто-то молвил вдруг в сердцах: — Что за беспорядки!
Все стоят в недоуменье. Шёпот. Переглядки.

— Ира, дверь открой, пусти! Надоело, а-а-а!
— Гриша, едем мы к врачу.
— Не хочу я, не хочу!
— Гриша, Гриша, потерпи! Скоро остановка-а-а.

Здесь уж завопил водитель:

— Ира, да закрой свой рот!
Оба с Гришей помолчите!

Дверь маршрутки отворилась, вышел весь народ
И увидел, как Ирина с клеткою идёт.

В клетке той был попугай, Гриша его кличка.
Это он кричал в салоне. И не так, как птичка.

Хохотали до упаду! Это, право, не грешно.
Хохотал народ, что ехал, только Ире не смешно.

Натали Владо

Натали Владимировна Владо (Ананова) — член Союза писателей России, автор сборников «Стихи мои — моя судьба» (2007) и «Белочкин орешек» (2009), лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова. Её произведения печатались в тбилисских периодических изданиях, в московских журналах, в альманахах «Академия поэзии», «История Угрешы» и «Угрешская лира», в подмосковных газетах. Публикуемые рассказы основаны на реальных событиях.

Лунный волк

Луиза, вернувшись с работы, переделалась в лёгкое домашнее платье и сразу направилась на кухню. Владимир предупредил, что допоздна задержится на работе, а четырёхлетняя дочка уже была дома. Соседка Тина забирала её из детского сада вместе со своей Светланкой. Времени было достаточно. Луиза хотела успеть приготовить обед на следующий день. Вот и сейчас курица для супчика уже варилась, а руки привычно и ловко нарезали овощи. На второе были задуманы макароны по-флотски, на третье — фруктовый десерт.

Звонок раздался неожиданно. «Владик пришёл, наверное, отменили совещание. Как хорошо!» — подумала молодая женщина, направляясь к входной двери. Однако на пороге стояла Тина:

— Выручай, Луиша! Зашиваюсь. Позвонил муж, сказал, что едет с гостем, я кое-что, конечно, успела, но так хочется твоим печеньем угостить. Ты его готовишь быстро, и оно безумно вкусное, у меня так не получается, сколько раз пробовала. Вот я и муки, и сахарного песка принесла, а молока нет.

— Конечно, Тиночка. Не волнуйся, молоко есть, вчера Владик два литра купил.

— Что ещё надо?

— Всё есть. Я же недавно пекла. Ингредиенты остались. Сахар забирай обратно, муку оставь, у меня на доньшке.

— Слушай, я смотрю, ты, как всегда, обед назавтра за-теяла. Не готовь второе, у меня свекровь плова наварила на целую армию, давай кастрюлю, принесу вам, а ты печенье займись.

Соседки договорились. Они жили на одной площадке, дружили, их девочки ходили в одну группу детского сада. Тина ушла, а у Луизы закипела работа.

Женщина готовила с удовольствием. Она обожала свою маленькую семью. Владимир был необыкновенно любящим, внимательным мужем и очень заботливым отцом. Луиза была безмерно счастлива. Саму её растила одна мама, всю жизнь проработавшая диспетчером в военизированной пожарной охране. Отец почему-то ушёл, когда ребёнку было всего два года. Луиза совершенно его не помнила. Правда, сохранилось несколько фотографий, но мать спрятала их и никогда не вспоминала мужа добрым словом, правда, и плохо о нём не отзывалась. Говорила, что всё в прошлом и ничего ворошить не стоит. Со временем они перебрались из маленького городка в областной центр.

Луиза с отличием окончила школу, потом институт и, получив диплом инженера, была направлена на ткацкую фабрику. С Владимиром они познакомились на дне рождения Луизиной подруги. Полюбили друг друга с первого взгляда, очень скоро поженились. Владимир работал инженером в аэропорту, ему дали служебную двухкомнатную квартиру недалеко от места работы. Теперь они жили в ней втроём.

Скоро по кухне распространился аромат свежей выпечки. Луиза уложила печенье на блюдо и через несколько минут уже звонила в соседскую квартиру. Дверь открыла Тина и сразу провела Луизу в гостиную. За празднично накрытым столом сидели муж Тины Григорий и пожилой худощавый мужчина, утончённое лицо которого украшала маленькая с проседью борода. В красивых карих глазах застыла глубокая тоска.

Мужчина представился:

— Марель.

Голос его был густой и мягкий. «Какое красивое, необычное имя», — подумала Луиза. Её пригласили к чаю, но женщина, сославшись на занятость и маленькую дочку, собралась уходить. Тогда Марель поднялся, взял лежащий неподалёку объёмистый портфель и вытащил оттуда небольшую овальную дощечку:

— Тогда примите в подарок эту картину. Я рисую, лакирую и отдаю добрым людям. Кстати, и Григорию с Тиной подарил одну из моих работ. Луиза взяла тоненькую дощечку и рассмотрела покрытую лаком картину. На лесной поляне, залитой лунным светом, стоял волк. Он словно серебрился и казался живым, хотелось коснуться его шерсти. Но более всего поражали глаза. В них стояла неизбывная печаль, они будто смотрели прямо в душу и всё понимали без слов.

Луиза залюбовалась, а Марель продолжал: «Это Лунный Волк. Поверьте, он волшебный, потому что исполняет желания. Правда, надо очень захотеть».

Голос струился, лицо художника светилось улыбкой, но карие глаза оставались серьёзными и печальными. Луиза поблагодарила и ушла.

Почему-то после расставания ей стало грустно. Совершенно незнакомый человек казался неуловимо знакомым, словно она где-то видела его.

Женщина долго рассматривала картину и, как ни странно, мысленно разговаривала с ней: «Лунный Волк, почему в тебе столько тоски, почему твои глаза такие грустные? Тебя, наверное, обидели, и ты перестал доверять людям». Луиза была очень романтичной, в юности даже писала стихи. Теперь, став матерью, укладывая дочку спать, напевала какую-нибудь красивую мелодию, к которой тут же сама придумывала слова. Строчки легко рифмовались.

Луиза показала картину дочке. Яна долго рассматривала её, гладила волка, потом сказала:

— Мама, он такой красивый и добрый...

— А хочешь, когда ты ляжешь в кроватку, я расскажу тебе о нём?

— Да, мамочка, очень хочу.

Луиза придумала сказку про то, как однажды ночью волшебный Волк спустился с небес и стал исполнять желания людей и животных, но только добрые. Волк выходил на лесную поляну по ночам, потому что считал себя сыном Луны, которая каждый раз омывала его серебряным светом и этим придавала ему ещё больше сил. Яна заснула, прижимая к себе картину.

Утром, когда соседки провожали своих девочек в детский сад, Тина рассказала о Мареле. Оказывается, он бедный художник, живёт тем, что берётся за любую работу. Вот и сейчас вызвался сопровождать груз и привёз её мужу необходимые материалы для строительного двора. Григорий пригласил Мареля к себе, потому что самолёт нового знакомого улетал поздно ночью. До аэропорта от их дома можно было добраться на автобусе за 15 минут. Тине гость подарил картинку на такой же овальной деревянной дощечке, только на ней была нарисована необыкновенно красивая плакучая ива, склонившая зелёные ветви к реке.

— Знаешь, мне кажется, в его картинах много грусти, — говорила Тина. — Видимо, ему многое довелось испытать в жизни. Он сказал Григорию, что однажды, будучи совсем молодым, совершил непоправимую ошибку: уехал от любимой женщины. Теперь скитается по свету, рисует, выполняет любую подвернувшуюся работу. Вот и Григорию доставил заказанные стройматериалы. Водитель фуры сразу отправился дальше по маршруту, а Марель заранее приобрёл билет на ночной рейс в далёкий северный город. Из вещей у него рюкзак да портфель. Марель путешествует по городам и весям, знакомится с хорошими людьми, рисует, а потом раздаривает свои маленькие шедевры. Дом его где-то на юге, но там его никто не ждёт.

— Бедный Марель, — вздохнула Луиза.

Вечером у Яны поднялась температура: девочка попала под дождь и сразу же подхватила простуду. Родители расстроились. Владимир сидел у постели малышки и, натирая её мёдом, рассказывал сказку. Луиза, приготовив очередную порцию чая, подошла к картине, которую муж повесил над диваном, и тихо прошептала:

«Лунный Волк, помоги моей доченьке, пусть она выздоровеет». Женщина сама не понимала, почему просит об этом и правда ли то, что говорил художник, но ей хотелось верить. Она поглядела Волку в глаза и приблизилась к дочери. Та уже спала, лобик был горячим, но девочка дышала спокойно и ровно.

Утром чудесным образом температура спала. Луиза понимала: помогло то, что девочку весь вечер поили чаем с вишнёвым вареньем и делали медовый компресс, тем не менее женщина подошла к Волку и тихонько прошептала: «Правду сказал Марель. Ты действительно исполняешь желания. Спасибо тебе, Лунный Волк».

Хоть девочка чудесным образом и исцелилась, наутро её решили не вести в детский сад и пригласили бабушку. Римма Александровна приехала к половине восьмого утра. Яночка ещё спала, Луиза с Владимиром собирались на работу. Они уже надевали куртки, когда в гостиной послышался крик. Оба вбежали в комнату. Римма Александровна, вся бледная, сидела на диване. Луиза бросилась к ней:

— Что с тобой, мама? Владимир, воды!

Римме Александровне становилось всё хуже. Владимир принёс воды:

— Володя, позови Тину, она ведь врач.

Тина смерила давление, прослушала пульс, сердце, дала какую-то таблетку. Луиза, сама не понимая почему, глядела на картину и мысленно молила: «Помоги, Волк, помоги».

Щеки Риммы Александровны порозовели, она медленно приходила в себя. Тина оставила ещё одну таблетку и ушла — надо было вести Светлану в детский сад.

Римма Александровна немного успокоилась. Показывая пальцем на картину, прошептала: «Откуда это у вас?»

Дочь рассказала о вчерашнем госте. Римма Александровна попросила снять картину, долго всматривалась, затем перевернула дощечку, прочитала имя художника, глубоко вздохнула и уже ровным голосом проговорила:

— Это его картина. Так писал только он.

Две пары глаз удивлённо смотрели на пожилую женщину.

— Кто он, мама ? —спросила Луиза.

— Он всегда так подписывал свои рисунки. Придумал псевдоним, взял по три буквы из своего имени и фамилии — Мартын Ельников. Это твой отец, Луиза.

Луиза побледнела, а Владимир ахнул:

— Ведь ты же Луиза Мартыновна, и фамилия твоя девичья — Ельниковна.

Наступило молчание. Нарушила его Луиза:

— Почему ты никогда не говорила, что отец писал картины, у тебя есть его рисунки?

— Я вообще ничего о нём не говорила. Несколько рисунков хранятся у меня вместе с фотографиями на антресолях. В большой коробке. Столько лет миновало...

— Через четверть века встретить дочь и не узнать её. Вот насмешка судьбы, — печально произнёс Владимир.

Луиза повесила картину на место и мысленно попросила: «Лунный Волк, я так хочу получить весточку от Мареля, от... папы...»

Дочь и зять ушли на работу. Римма Александровна долго смотрела на картину: «Это не насмешка, Мартын, это наказание нам с тобой. За дочь, которой я дала всё, что могла, и которой так не хватало отца. А что ты сделал со своей жизнью? Скитаешься. Ты сам и есть одинокий волк».

Вечером, когда Римма Александровна уехала, Владимир сообщил жене печальную новость. Самолёт, улетевший ночью на север, потерпел крушение. Разбился. Никто не выжил. Луиза подошла к картине. Казалось, печаль в глазах Волка стала глубже. «Вот и пришла весточка от отца», — подумала Луиза. Владимир обнял жену за плечи, тихо сказал:

— Ты ведь знаешь, у каждого свой срок. Видимо, у твоего отца была нелёгкая жизнь. Пришёл его час, но он успел оставить тебе память о себе.

— Перед смертью все бессильны и даже он, Лунный Волк, — тихо произнесла Луиза.

На следующий день она всё рассказала подруге Тине. Та долго молчала, потом пошла к себе и принесла Луизе подаренную ей Марелем картину с плакучей ивой над рекой.

Серебряшка

Быль из цикла «Рассказывают вещи»

Посвящается Александре Газарян

На следующее утро после дня рождения Сашенька вновь рассматривала подарки. Сидя на ковре в детской, девочка держала в руках столовую серебряную ложку с изящной гравировкой на ручке. Две буквы А и С переплелись, образуя вензель. К подарку прилагался небольшой рассказ — быль. Воображение Сашеньки разыгралось. Девочка читала текст, и ей открывалась тайна серебряной ложки, а прошлое представляло во всей своей красоте.

Исаак и Ануш, молодая семейная пара, в день третьей годовщины своей свадьбы гуляли по старой прекрасной столице Грузии. Маленькие улочки утопали в изумрудной зелени старых платанов и молодых тополей. Исаак хотел сделать подарок жене, и супруги заходили в небольшие антикварные магазинчики, где торговали книгами, картинами, статуэтками и разными вещицами далёкой старины. Ануш любовалась всей этой роскошью, но ничего ещё не могла выбрать.

Оба очень устали и присели на лавочку в небольшом скверике. Исаак спустился в расположенную рядом харчевню и принёс жене холодного лимонада и хачапури — горячих лепёшек с сыром. Старый Тбилиси всегда славился своими необыкновенно вкусными сладкими водами и сырными лепёшками. А ещё город славился гостеприимством и интернациональностью. Здесь можно было услышать грузинскую, армянскую, еврейскую и чаще всего русскую речь.

Несколько лет назад молодые приехали сюда из Турции и поселились у родственников: он, сын богатого купца, в центре города, а она — у старой тётушки в живописном районе над рекой.

Ануш вспомнила свою первую прогулку по этому городу. Они тогда были ещё только помолвлены, просто гуляли и забрели на небольшую кривую, очень тенистую улочку, по обе-

им сторонам которой располагались красивые старинные здания. Исаак неожиданно спросил:

— А в каком из этих домов ты хотела бы жить?

Ануш указала на один из понравившихся ей своей архитектурой шедевров. Исаак улыбнулся и ничего не ответил, а после свадьбы привёз молодую жену в квартиру в том самом доме, на который она когда-то указала. Они очень любили друг друга, и сегодня, в день третьей годовщины их свадьбы, молодой купец Исаак Солахян хотел выбрать жене подарок.

Осталось всего несколько магазинчиков. Чудо произошло в самом маленьком. Ануш увидела красную деревянную коробку, в которой мягко светились серебром двенадцать столовых ложек. Молодая женщина перебирала их с такой любовью, что Исаак тут же купил набор.

Ануш выбрала одну из ложек и стала пользоваться за обедом именно ею и даже, чтобы не спутать с другими, обернула ручку синей ниточкой. И называла ложку ласково: «моя серебрушка».

Однажды она не обнаружила любимой ложки, расстроилась, но другую, хоть и такую же, брать не хотела. Пропажа обнаружилась вечером, когда Исаак вернулся с работы. Он с улыбкой протянул жене серебрушку, но теперь на её ручке красовался вензель — изящно переплетённые буквы А и С. Это означало «Ануш Солахян».

Прошло более полувека. Серебряный набор куда-то исчез. Может, Ануш раздарила его своим детям или многочисленным внукам. Только ложка с гравировкой осталась. Ануш до старости пользовалась серебрушкой, а потом подарила её своей самой любимой внучке Аллочке. Теперь гравировка означала «Алла Солахян».

Бабушка научила Аллочку варить супы. Самыми любимыми стали танапур и чихиртма. Подарок бабушки здесь был незаменим. Впоследствии дочь Аллы, когда звала мать к обеду, шутливо говорила: «Несу суп, вооружайся серебрушкой».

Алла Солахян, как и её бабушка, прожила долгую жизнь и до самого последнего дня пользовалась украшенной вензелем любимой серебряной ложкой.

Перед тем, как покинуть этот свет, Алла Павловна завещала дорогую ей вещь своей правнучке Сашеньке. И сейчас Сашенька держала в руках то, что когда-то её предок Исаак Солахян с такой любовью подарил своей жене. Ложка мягко светилась и словно отдавала своё тепло детским ладошкам. Да, заветная серебрушка принадлежала ей, Сашеньке. А папу Саши зовут Сергеем. И теперь вензель АС на ручке серебряной ложки означает «Александра Сергеевна».

Станислав Горшков

Станислав Владимирович Горшков — член Союза писателей России, лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2016), автор сборников стихов «Зелёная тетрадь» (2012), «Отчего не представить мне...» (2015), «Стихотворения плюс Сказание о Волхове Смоленском, Купале и Костроме» (2021). Его произведения публиковались в альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы», газете «Угрешские вести» и других периодических изданиях.

Предки

Они не знали электричества и машин,
Газет, батарей отопления, жалости.
От болезней умирали в детстве
или в пятьдесят с небольшим,
Почтительно называя это «от старости».
Они в четырнадцать — шестнадцать женились,
Зачинали, рожали, растили детей.
И в том же возрасте насмерть бились
(То есть убивали других людей).
Верили в Бога, чёрта и сглаз,
Ели, что и когда придётся.
При этом пухли от глада подчас
И воду брали в холерных колодцах.
Но я всё же ими горжусь
И с теплотой о них вспоминаю,
Потому что вот она — созданная ими Русь.
И раздольная, и святая.

И я бывал в Аркадии блаженной
В разгаре осени, в те времена, когда
Свирепый лев идёт бок о бок с кроткой серной
И нивы отдыхают от труда.
Раскроет ветер веер золотистый,
Взмахнёт, отправив облака в полёт.
Быть может, хоть одно из них —
Из кучевых, перистых —
С моим дыханием в Аркадию дойдёт.
И голос мой там снова будет слышен
Среди холмов, лугов и золотых дубрав.
Перелетать меж гор: всё выше, выше, выше...
И, заблудившись, плакать в стеблях трав.

Представление

Легенда

В море светило пало,
Света пуская стрелы.
На обнажённые скалы
Мим вступил престарелый.
В древнем забытом театре
Эхо — подобие рифмы.
Плыли крылатые акты
Драмы Софокла — «Эдипа».
Подняв сухие руки
В тонком щемящем жесте,
Мим трескучие звуки
Снял с пластинчатой жести.
Плакали тамбурины,
Бубны гулко скрипели.

Руки плели картины,
Руки рождали тени.
Зная, что действие будет,
Тени троились — роились,
Словно ушедшие люди
Снова на сцене родились.
Всё без слов понимая,
Зрители в свете красном
Видели гибель Лая,
Слышали плач Иокасты.
Рока удар довершая,
К высшей взывая мести,
Спорил с владыкой края
Гордый слепец Тиресий.
В воздухе, тронутым чернью,
В тёмных макушках пиний,
В свете факелов гневном
Мчалась стая эриний.
В чёрной беззвёздной ночи,
Новый закон поправши,
Слепо вздрогнули очи
Древних богов уставших.
Мим схватился за сердце,
Пал бесформенной грудой.
Над затенённой орхестрой
Тихо сидели люди.
Перемешавшись с ночью,
Вытеснив время и место,
Так, недоступное прочим,
Дальше струилось действие.
Море шуршало приливом,
Где-то сычи хохотали,
Тени плели картины,
Тени с тенями играли,

Плакали от обиды
И становились в колонны.
Виделись крылья Ириды,
Слышался вопль Антигоны.
Утро вступило в город,
Люди в театре сидели.
Молча лежали тени,
Молча сидели тени.

К столетию Гражданской войны

Да! Просто вот так, с папироской в зубах,
Под трубы шального оркестра
Печатаю шаг, через собственный страх
И время идти в неизвестность.

Дорогам, что нас выбирают... Аминь.
И бурям, что нас не согнули.
Ах, кровь молодая! Адреналинь!
Ах, юнкер, не кланяйтесь пулям.

Две сотни шагов от межи до межи.
Две сотни отмеренных долей.
И кто там сказал, что прожить эту жизнь
Сложней, чем пройти это поле?

За честь и за доблесть вперед до конца,
За тех, кто нам верит, нас любит.
А если найдут девять граммов свинца,
Высокая синь не забудет?

А в небе глубоком плывут облака,
Как кони парадным пассажем.
И кто-то глядит сдалека—высока.
И, может быть, я это даже?

И юнкер качнулся. Глаза в синеву —
Широкорачково, незряче.
И кровь молодая бежит на траву
И землю волною горячей.

А сколько щенков давит век-волкодав,
Ступая на хрупкие выи,
Голодно урча, кверху морду задрал,
Останки грызя хрящевые?

Есть красная кровь, и есть белая кость.
И, глядя в закатное солнце,
Не знаю, с кем быть мне б тогда довелось
И в стане каком добровольцем.

И так вот идти на смертельный парад —
Красиво, картинно, нелепо.
За белое облако, красный закат,
И синее-синее небо.

Любовь Карева

Любовь Петровна Карева — член литературного объединения «Угреша», автор нескольких книг поэтических поздравлений и стихотворных путевых заметок.

Я нашла могилу отца!

Стихи в прозе

Отец мой родной... Вот та бесценная утрата, которую принесла в наш дом война. Он был простым солдатом, сражался храбро в окопах под Ленинградом. И погиб от разрыва вражеской мины, отстаивая свободу своих близких — жены, дочери и будущих внуков — и всего нашего народа.

Матери сообщили, что отец мой Пётр Карев без вести пропал, и я в это верила полвека. Но вот счастливый день настал: нашла я могилу моего самого родного человека! В Мясном бору под Ленинградом, в деревне Любино, воздвигли обелиск тем, кто ценой жизни прорвал страшную блокаду, и высекли на нём фамилии и имена всех героев.

Дорога туда предстояла нелёгкая и волнительная. Я шла как будто на свидание с отцом. Погода стояла дождливая, идти по мокрому лесу было тяжело. Как вдруг подвернулась удача! Показалось даже, будто солнце улыбнулось сквозь тучи. Нас подхватил попутный бронетранспортёр! И, слава Богу, вскоре мы были на месте.

Скромная братская могила оказалась хорошо ухоженной. Мы принесли цветы к памятнику и низко поклонились погибшим. На душе стало светло. На обратном пути мы тихо шли по лужам, и гордость за моего отца не покидала нас.

Отец, я нашла твою могилу и поклонилась твоему праху! Мы не забудем никогда тебя и твоё героическое поколение.

Анна Картавец

Анна Олеговна Картавец — поэт, член Союза писателей России, лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова, автор сборников «Ветка сирени» (2006), «Песни луне» (2009). Её произведения печатались в «Литературной газете», в журналах «Поэзия», «Российский колокол», в альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы», в подмосковных периодических изданиях.

Стихи о музыке

Поэтический цикл

Этот снег — как мелодия
В неразгаданном сне,
Неба новость холодная,
Что маячит в окне.

Этот снег — как спасение
От неверной судьбы.
Он восторг, опасение
И о счастье мольбы.

Он завет мира лучшего,
Пух нездешних гусей,
Он идёт волей случая,
Жизни волею всей.

Подставляю ладони я,
Снег ложится на них
Тайно и очарованно,
Как неназванный стих.

Невольно жизнь томительную славишь,
Касаясь бегло чёрно-белых клавиш,
И слышишь: сердце чаще застучало,
Нот несколько нежданных прозвучало.
Что же внезапно происходит с нами?
Мы говорим не прежними словами,
Как будто нами правит что-то свыше,
И даже дождь не так стучит по крыше.
Так листья ветр охватит дуновеньем,
Так ведают поэты вдохновенье,
Так к игроку азарт и страсть приходят,
В уме учёного открытье бродит.
Иль это вовсе что-то неземное?
Мечта, любовь иль сказка под луною?
То сон? Тоска? Неведомая мука?
Иль это вечность входит в дом без стука?
А это, нас сводящая с ума,
Нам сходит в душу Музыка сама!

Ветер струну на гитаре тронет,
Сердце моё на твоих ладонях.
Счастье моё растёт, как стебель,
Солнце сияет на синем небе.
В мире не отыскать такое,
Что бы свершить не сумели двое.
Чудная музыка движет землю,
Ей каждый атом послушно внемлет.
Вечность читаю в открытом взгляде
Ради мечты и жизни ради.
Чувствую трепет во всей Вселенной,
Не было света в душе безмерней.

Беспокойные ноты рождаются во мне,
Точно светлая пена в бурливом вине.
Эту музыку слушает сонмище звёзд,
Прозвучит скоро каждая нота всерьёз.
Наши сны ненароком по нотам прочтут,
Что отмерена нам ровно вечность минут.
Ровно вечность минут в каждом до, каждом соль,
Где живые восторги и жгучая боль.
Нотный стан протянулся от пылких сердец.
Так устроен наш мир, так задумал Творец.

Нет в душе моей той тоски,
Нет печали давешней,
Только пальцы моей руки
Лягут вновь на клавиши.

Целый мир растёт предо мной
Звуков ясных, радужных.
Он волшебный и неземной,
Он нездешний, тамошний.

Полон жизни мелодий бег,
И причуд, и таинства.
Он струится, как первый снег,
Словно бы в беспомыслии.

Нет прекраснее тех минут,
Нет верней союзника
И чудес, кроме тех, что тут
Ты свершила, музыка!

Татьяна Прокофьева

Татьяна Алексеевна Прокофьева — поэт, прозаик, член литобъединения «Свиток» (г. Сергиев Посад), автор книг «Житейские истории» и «Разные судьбы».

Попридержите вороных коней,
Времён игривый ход остановите.
Чтоб надышаться запахом полей,
Хотя б чуть-чуть поводья натяните.

Святая Русь! Я кланяюсь тебе,
Твоим просторам и берёзкам белым.
Горжусь, что мне дано так по судьбе —
Величье созерцать пшеницы спелой.

Смотрю на купола святых церквей:
Кресты на солнце золотом сияют.
А в храме праздник восковых огней.
Звонарь опять на службу созывает.

Я тороплюсь в обитель чистоты
И наряжаюсь в светлые одежды.
Молитвы к Богу искренне просты.
Здесь ближе сердцу вера и надежды.

Попридержите вороных коней
И дайте мне на миг остановиться,
Чтоб средь слезинок восковых огней
Успеть в углу тихонько помолиться.

Ночная гостья

Я тихонько открою окно:
ночку светлую в дом приглашу
В золочёном платье из звёзд.
Средь цветов у себя усажу.
Угощу нектаром с лугов,
и завяжется спор о любви
Она скажет мне: «Друг мой хорош!»
Я отвечу: «Зря душу не рви.
Хоть красив, и силён, и умён,
да гуляка отчаянный он,
По округе рассыпался звон:
снова мартовский кот, мол, влюблён.
Он вчера с белоствольной гулял,
все цветы у реки оборвал,
Чтобы Дождь ему не помешал,
тучки в небе все разогнал».
Улыбается гостья моя:
«Только нет никого ведь родней.
Даже звёзды завидуют мне,
я при полной не меркну Луне.
И люблю я его больше всех,
в нём удача моя и успех.
Скоро утро разбудит Зарю,
я к нему убегу не во грех.
Не помеха любви и зима.
Ничего больше не говори.
От любви ты страдала сама.
Я уйду, а ты снова твори.
Напиши, напиши про меня,
про моё бесконечное чувство,
Как я в Ветер мой влюблена
и в его непомерное буйство».

Моя гостыя ушла, я осталась одна.
И её, как никто, понимаю,
До седин дожила, только, как удержать
своё счастье, я так и не знаю...

Память, память, моя госпожа!
Плачет, плачет моя душа.
Помню в майские ночи лес,
Средь сирени любовь — до небес.
Покрывало над нами из звёзд,
Деревянный над речкою мост.
Счастье было рядом совсем,
Я светло улыбалась всем...
Но теперь вот осталась одна.
Встреча новая, нет, не видна.
Чёрный лес охраняет меня,
Я теперь как дом без огня.
И стою в ожиданье, дрожа.
Память — злая моя госпожа.

«Ты из Зорьки выкрой рассвет,
Чтоб украсил весь белый свет.
Из Заката сделай шатёр,
А из Радуги — дивный узор...»

Помолилась — и вышло так.
И красиво-то в небе как!
Всё прекрасно — рассвет и закат.
Как на краски, Господь, Ты богат!

Любовь Стародубцева

Любовь Николаевна Стародубцева — поэт, член литобъединения «Угреша». Её стихи публиковались в альманахе «Угрешская лира».

Стихи и басни для детей

Аленький цветочек

Девочка Настёнка садик посещала.
Сказки перед сном ей мамочка читала.
Попросила Настя аленький цветочек,
Мама улыбнулась и взяла платочек.
Напевая песенку, вставила в иголку
Ниточку из алого дорогого шёлка.
Вышивала мама долгими ночами,
И стёжки ложились ровными рядами.
Вот какой подарок получила Настя!
И глаза девчонки озарились счастьем.
Как повяжет в праздник шёлковый платочек,
Расцветёт чудесный аленький цветочек.
Ничего на свете краше не бывает:
Аленький цветочек ярче всех сияет!

Басня о попугае и коте

Жил на свете попугайчик —
Жёлтенький, как одуванчик.
С кошками он не дружил.
В школу каждый день ходил.
Он задирой был, друзья:
Всех клевал, причём зазря.

Раз придрался он к собаке,
Ссору доведя до драки:
«Лайка, ты так громко лаешь,
Мне урок учить мешаешь!»
Подлетел и клюнул в бровь,
Показалась даже кровь.
И собака убежала,
Вслед тихонько проворчала:
«Я с тобой не стану драться,
Хоть умею я кусаться.
Сам не знаешь, что творишь.
Силой тут всё не решишь».
Вдруг неожиданный поворот:
В класс пришёл учиться кот.
Он задиру невзлюбил
И в ответ его побил,
А потом давай трепать.
Попугай не смог летать,
Но вмешались все зверята,
Очень дружные ребята.
Попугайчика отбили,
Котьке драться запретили.
Ясно стало тут задире:
Надо жить со всеми в мире!

Разноцветное лето

Лето васильковое. Синева небес.
Облака пуховые прячутся за лес.
Лето ярко-жёлтое — в золотых шарах,
Травушка зелёная — в голубых цветках.
Солнышко лучистое раньше всех встаёт,
Песню голосистую петушок поёт.
Розовыми красками занялся рассвет.
Лето разноцветное шлёт нам свой привет.

Евгений Хазов

Евгений Васильевич Хазов — поэт, член Союза писателей России, лауреат Московской областной премии имени Ярослава Смелякова (2015), автор поэтической книги «Утренняя Русь» (2015). Его произведения печатались в сборниках «Премьера» (1996), «Надежда» (1999) энергодарского литобъединения «Резонанс», в сборниках МОО и МГО Союза писателей России «Золотая строка Москoвии», «Пришла весна, а с ней любовь...» и других, в альманахах «Угрешская лира» и «История Угреши».

Горит Угрешская свеча

Венком из башен обрамлённый,
Вознёсся ввысь, раздался вширь
По-христиански обновлённый
Угрешский древний монастырь.

Его не смыл поток безбожия
Ушедших в мир иной людей.
Он выжил, стал ещё пригожее,
Источник веры наших дней.

С победой в Куликовской битве
Воздвигнут на Угреше он.
О русской воле в час молитвы
Угрешский благовестит звон.

И, в поднебесье вознесённая
Навстречу солнечным лучам
И от лучей воспламенённая,
Горит Угрешская свеча.

Река детства

Цепко в памяти моей
С малолетства
И до самых зрелых дней
Камышами шелестит
И в луга к себе манит
Река детства.

Среди трав, цветов, в лучах,
Словно змейка,
В невысоких берегах
Речка тихая течёт
Ключевых прозрачных вод.
Чародейка!

Лугом к берегу реки
Мы, как птицы,
Мчались наперегонки
Стайкой бóсых удалцов
И задорных сорванцов
Охладиться.

С кручи смелые нырки,
Крики, визги...
И кромсалась гладь реки,
Рушился её покой
Детской звонкою игрой.
Плески, брызги...

А на утренней заре
В свете алом
При нахальном комарье
Мы удили окуней,
Краснопёрок и ершей —
И немало.

Улетели годы прочь
Былью в Лету.
Только мне забыть невмочь
Те купания в реке
В моём детском далеке
Жарким летом.

Цепко в памяти моей
С малолетства
И до самых зрелых дней
Камышами шелестит
И в луга к себе манит
Река детства.

Заковал льдом мороз,
Как в кольчугу, Оку;
А буран снег нанёс
И укрыл им реку.

Красоту светлых струй
Полонил полумрак.
И горюй не горюй,
А зимой только так.

На привольную стать
Наползла маета,
Как на Родину-мать
Злобных стран клевета.

По-иному весной.
Солнце жаром лучей
Растревожит покой
Зимних пасмурных дней,

Всколыхнёт буйство вод,
Мощь реки пробудит.
И шальной ледоход
Зашумит, загудит.

Я в восторге! Стою
На крутом берегу.
Тешит душу мою
Бесшабашный разгул.

В моём сердце бунтарь,
Взбудоражен весной,
Сбросил зимнюю хмарь
И воспрянул душой.

Он кричит со всех сил:
«Браво, буйство! Ату!
Смой с великой Руси
Стран чужих клевету!»

Нам теперь нипочём
Злобный вражий азарт.
Кто придёт к нам с мечом —
Есть на них «Авангард»,
И «Кинжал», и «Сармат».

Вдруг завьюжило в сердце порошею.
То ли явь, то ли это во сне.
Ну зачем ты, такая хорошая,
До безумия нравишься мне?

Всё наплыло неожиданно, непрошено.
Не прогнать. И невмочь мне унять.
Моё сердце невольно встревожено.
Знать, судьба безответно страдать.

Я давно уж не удальской свежести.
Удаль видится только во сне,
Но, как юный, сгораю от нежности.
Тебя видеть волнительно мне.

Усмирять моё чувство заветное
Не желаю, да и не могу.
Я тебя, моя страсть безответная,
Как икону в душе сберегу.

Людмила Шинкаренко

Людмила Леонидовна Шинкаренко — член литературного объединения «Угреша», солистка народного хора «Зори Угрешы», много лет выступает на литературных вечерах с вокальными номерами и читает стихи. Её произведения публикуются впервые.

Мой райский уголок

Люблю я рано просыпаться
И, тихо выйдя на балкон,
Пейзажем милым наслаждаться
И слушать громкий птичий звон.

Вот вишня гордо распрямилась,
Который раз уже в цвету.
Берёзка низко наклонилась,
Росу стряся на ветру.

Вдруг вой сирены в тишь ворвался,
Тревожа райский уголок,
И стих. Кошачий мяв раздался.
Послышался дверной звонок...

Смотрю на небо голубое.
Тут для меня рай наяву.
Мой уголок — моё раздолье!
Я так горда, что здесь живу.

Любимый город

Есть в Подмоскowie славный город.
Он утопает в зелени густой.
Он так красив, душою молод,
А основал его Дмитрий Донской.

Люблю белопесчаные карьеры,
И дивный лес, и ширь Москвы-реки,
И храмов расписные интерьеры.
Их купола — как свечек огоньки.

Люблю Дзержинский-град —
 уютный, величавый —
За красоту прудов, аллей и площадей,
За доблесть предков, трудовую славу,
За то, что много добрых здесь людей.

Ушёл холодный, беспечальный,
Совсем далёкий и чужой.
Тебя мой нежный взгляд прощальный
Не спас от трусости былой.

От слов твоих повеяло неправдой.
И прозвучала пошленькая ложь.
Не стал ты для меня такой наградой,
Которую мучительно и долго ждёшь.

Ты стал моей печалью, вечной болью,
Большой обидой и тоской.
И нить любви я разрываю с кровью:
Судьбой дано мне быть одной.

Артур Шлыков

Артур Анатольевич Шлыков — поэт, бард, член Союза журналистов России, член литературного объединения «Угреша», председатель общественного движения «Гражданский комитет России».

Осенний повеса

Заиграло волнами жёлтое поле —
Это вырвался ветер на волю.
Волны бьются о берег высокий леса,
И хохочет ветер — осенний повеса.

Свистит, загребаёт траву руками,
Играет со стариками-домами,
Лохматит седые сухие крыши.
«Ну хватит», — скрипят они еле слышно.

Устал повеса, улёгся под клён.
О моя осень, в тебя я влюблён!
Люблю твоих туч на небе заплаты,
Горящие ярким пожаром закаты.

Жду твой усталый озябший вечер
И молодой озорующий ветер.
Промчусь я, как он, по жёлтому полю,
Словно в побеге из плена на волю...

Искушение

Судьбы моей лживый пророк
Рядом со мною дышал.
И я весь до сердца продрог:
Успех на душу менял.

Кривилась душа, бесилась,
Ждала продажи своей.
Нечистая веселилась,
Гнала к греху поскорей.

Бежал, темнотой ослеплён,
В погоне за мнимой удачей.
Прельщён был ею, пленён
Этой долей собачьей.

На груди — с крестом,
Но в душе — не с Христом,
Я бежал с одышкой ужасной
В предвкушении жизни прекрасной
И обещанных ложью истом...

Отчий дом

Словно душа покидает тело,
От реки отходит туман.
Вот и поле так побледнело,
Отдавая прохлады дурман.

Я иду по родной тропинке
Навстречу старому дому,
Который, как на поминках,
Весь скрипит, грустит по былому...

По срубленной юной липе,
Что пред окном зеленела,
О ней в его каждом всхлипе
Печаль свои ноты пропела.

Но растают напевы грусти
В озорстве молодого ветра,
Что берёзке ветви распустит
И останется с ней до рассвета.

Ночь молитвенной тишиной
Станет верно покой хранить.
Старый дом под полной луной
Будет вновь о прошлом грустить.

Вечерняя песнь

Молитвы шёпот у иконы,
Чуть слышный треск свечей.
Кружат над куполом вороны.
Лиловый взор небес очей.

Я растворён в вечерней песне,
Она зовёт в простор полей.
Она взлетает в поднебесье,
Где жаворонок вторит ей.

Она целует выси нежно
И возвращается на землю.
А вечер тёплый, безмятежный.
Стихает песня, нивы дремлют.

Бег

Мы все в плену брэнного тела,
Ему постоянно приносим дань.
Но душа, что немного пропела,
Рвётся в путь за последнюю грань.

Мы хрупкие все создания,
Всегда куда-то спешим.
От прошлых встреч
До нового свидания
Бежим.

Желаем вершин.

Грешим...

Что стоит этот нервный бег
За песню наших ярких грёз?
Велик и жалок человек
Под пологом невечных звёзд.

Когда-нибудь закончится игра,
И время в вечность превратится.
Меня попросят со двора
Невозвратно удалиться.

Затухнет маленький костёр,
Затихнут слабенькие звуки.
И неба сказочный шатёр
Ко мне протянет свои руки.

Андрей Шульмин

Андрей Андреевич Шульмин — поэт, лауреат Московской областной премии имени Я.В. Смелякова (2017), дипломант Московской областной премии имени Р.И. Рождественского в номинации «Поэтический дебют» (2018), победитель конкурса «Посадская лира» в номинации «Молодёжный Пегас», финалист окружной премии имени И.А. Бунина (2021). Автор книги стихов «Исповедь будущего учителя» (2017) и публи-

каций в газете «Угрешские вести», альманахах «Угрешская лира» и «История Угрешы». В интернете публикуется под псевдонимом «Граф Андрэ». Награждён общественными медалями «Ярослав Смеляков», «Анна Ахматова».

Вечные эмоции

Коломенский сонет

Как сложно жизнь запечатлеть в моменте,
Но всё ж порою достижима цель:
То видим мы движенье в монументе,
То на полотнах чувствуем метель.

Великий дар творцу преподнесён:
Свой взгляд на мир нам сообщает он.

И пусть весь мир он до одной сжал точки,
Но, значит, в этой точке — целый мир!
Поэт свой смысл вложил в слова и строчки,
А музыкант — в мелодии эфир.

И каждый раз, внедряясь в мир искусства,
Мы видим впечатления творцов.
И те же вдруг испытываем чувства,
Мгновенья возродив былых веков.

Воспоминания

Издалека плывут воспоминания.
Ты их потоку не противься, не гони.
Проникнись. Ощути их очертания.
Себя в былые дни ты окуни.

Пройдёшься вновь по старым закоулкам,
По тайным тропам памяти своей.
Где старый друг тебе вновь тянет руку,
Не помня всех обид прошедших дней.

Где ты с родными, где все живы и здоровы,
Где на коленях у отца сидишь ты вновь.
Вдруг голос мамы ты услышишь снова,
А в нём — тепло, забота и любовь.

Где мир огромен, не изучен, непонятен,
А ты в нём — как пушинка на снегу.
И нет надёжней места, чем объятья
В семейном тесном любящем кругу.

Ты вспомни всё: полёты и паденья,
Моменты счастья и волнующей тоски.
В пустыню памяти шагни без размышленья,
Пусть не пугают там зыбучие пески!

Ведь там таится множество моментов,
Потоки чувств, что должно сохранить
В стихах, картинах, фильмах и куплетах —
Из прошлой жизни тоненькую нить.

Баянист

Баянисту Раилю Арсланову

Баянист, разукрась мой досуг,
Пробегись-ка по кнопочкам резво.
Приласкай мой придирчивый слух
Чередою созвучий чудесных.

Если сможешь — ещё заведи
Громко песню, чтоб трогала душу.
Чтоб пожар разжигала в груди,
Выворачивала бы наружу.

Раздувай в наших душах огонь,
Как меха на старинном баяне.
Аж до самых глубин её тронь
И приблизь наши души к нирване!

Деревенское утро

Утро, книга, кофе кружка,
Перепевы первых птиц.
Солнце кошке греет ушки
Остриями ярких «спиц».

На листочках капли-лупы
Охлаждающей росы.
За тумана белой шубой
Слышен звонкий свист косы.

Постепенно заливает
Алым светом сонный луг
От крыльца до неба края.
Аж захватывает дух!

Лёгкий ветерок приносит
Запах скошенной травы:
Мужики на сенокосе
После завтрака резвы.

Так приятно на природе:
В мыслях ясность и покой.
Хоть не сельский парень вроде,
Но стремлюсь сюда душой.

Видно, есть в крови славянской
Тяга к матушке-земле.
Не таю её напрасно,
Душу не держу в узде.

Эпитафия

Памяти любимого дедушки Л.Ф. Шульмина

Родные уходят, оставаясь лишь в наших сердцах
Моментами счастья и сплетением воспоминаний.
Отпускаем их в вечность, роняя слезинки из глаз,
Сохранив в своей памяти траурный вечер прощания.

Я не знаю, что будет: может случиться, там рай или ад,
И вас примут в раю — ваши души чисты, без сомнения!
Знаю только, что вы никогда не вернётесь назад
И мы вновь не обнимем вас крепко, как раньше, за шею.

Но мы помним ваш подвиг и память о вас донесём
До потомков своих — мы их всех воспитаем, как должно.
И вы будете рядом всегда — где-то там, за плечом,
Белых крыльев щитами всех нас укрывая надёжно.

Люберцы

Град Люберцы — былая мощь и слава,
История падений и побед.
В восьмидесятых — драки и облавы,
Сегодня — только изредка кастет.

Обитель чемпионов и качалок,
Где и поныне спорт — вторая жизнь.
Здесь за идею убивали «шавок»,
И души часто к небесам неслись.

В подвалах проросло сопротивление,
Что Западу дало лихой отпор.
И отголоски тех крутых движений
Порою здесь заметны до сих пор.

Мы в спорте, как и прежде, что-то значим
И, как и раньше, метим на Олимп.
И по понятиям дадим мы сдачи,
И за друзей, как прежде, постоим.

Судьба Отчизны только в нашей власти,
А город наш — всей области венец.
Его почёт наперекор ненастьям
Мы можем вновь возвысить до небес.

Юная муза Угрешы

Мария Абросимова

Мария Абросимова — лауреат 9-го конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера». Начала писать стихи и прозу. Дипломант открытого конкурса детско-юношеского и молодёжного литературного творчества «Литературная весна — 2022» Дмитровского района Московской области. Учится в гимназии № 5 города Дзержинского. Её произведение публикуется впервые.

Листья

Как хорошо осенью в лесу! Заходишь в лес и попадаешь как будто в сказку. Все деревья одеты в золотые платья. Осень красит листья в жёлтые, оранжевые, красные тона. Мне очень нравится гулять в это время года в лесу.

Когда идёшь по осеннему лесу, то можно услышать шуршание листьев под ногами. Поэт Аполлон Майков в своём стихотворении «Осень» описал это явление:

*Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать...*

Великий русский поэт Александр Пушкин по-другому изобразил осень:

*Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...*

В осеннем лесу, когда подует ветер, листья начинают кружиться, словно в танце. Они покрывают золотым ковром весь лес. И я сочинила несколько строк об этом времени года:

*Осенний лес неповторим,
Покрыт он золотом одним.
Подует ветер, и вот-вот
Начнётся листьев хоровод.
Они всю землю покрывают,
И лес как будто засыпает.*

Надежда Андрейченко

Надежда Андрейченко пишет стихи и прозу с подросткового возраста, призёр 7-го и 8-го конкурсов «Юная муза Угреши». Её произведения печатались в альманахе «Угрешская лира». Учится в лицее № 3 имени главного маршала авиации А.Е. Голованова.

Жду тебя, жизнь

С нетерпением жду тебя, жизнь. Жду, когда ты будешь раздувать лёгким ветром мои волосы, освещая их беззаботным счастьем. Когда уже ничего не будет иметь значения, и это не станет чем-то плохим.

Ты, кажется, потеряла мои координаты, или это я заблудилась в лесах неопределённости. А знаешь, в них холодно. Лютая осень забрала их в свои объятия холода. Грусть, кажется, сходит с ума, мечась здесь от дерева до меня. От дерева до меня. А деревьев в этих лесах больше, чем всех грустных людей.

Мне так тебя не хватает, жизнь. Я ничего не делаю и мечтаю о твоих ласковых тёплых руках. Я чем-то занята и представляю, как снежной зимой среди сугробов расцветают яркие цветы сирени. Просто потому, что я жива и люблю это чувство жизни.

Но сейчас почему-то не так. Не сверкает, не звучит, не блестит. Нет ни жизни, ни стихов, ни голоса. Твоего голоса, который лёгкими нежными песнями тихо усыплял бы.

И, наверное, не почему-то, а потому что я когда-то была так далека от тебя, жизнь. Я тебя совсем не знала. А теперь со слов других знаю. Возвращайся скорее. Я, надеюсь, достойна этого.

Софья Бахтиярова

Софья Бахтиярова — лауреат 8-го и призёр 9-го конкурсов «Юная муза Угреши». Пишет прозу. Учится в лицее № 3 имени главного маршала авиации А.Е. Голованова.

Маленькая звезда

Бал! Множество знаменитых людей. Игра великих музыкантов. Красивейшие девицы и юноши. Вкуснейшие блюда...

В своих покоях стоит у зеркала девушка высокого роста, хрупкая, с длинными кудрявыми волосами каштанового цвета, большими задумчивыми глазами и спокойным взглядом. Узкое лицо украшают вздёрнутый носик и маленькие губы. Она увлекается чтением книг в библиотеке. А зовут её Агнесса Сивано.

— Приветствую Вас, Ваше Высочество Агнесса, Ваш отец, король династии Сивано королевства Лэфрейн, Альберт приказал Вам через 20 минут быть на балу! — провозгласил царский советник Дэвин.

Принцесса Агнесса, предварительно сделав реверанс, ответила:

— Дэвин, благодарю, буду через 20 минут!

Агнесса собралась.

— Всё! Нужно быть быстрее! Отец, наверное, уже зол на меня!

В главном зале танцуют юноши, кружатся дамы.

— Агнесса!!! — позвал её великий король Альберт.

Она, испугавшись, побежала к отцу навстречу.

— Агнесса, я очень разозлён твоей плохой успеваемостью в академии, ты снова и снова позоришь меня! Я встретил директора, он весьма недоволен. Две недели из кабинета французского языка не выходить! Ты слушаешь меня, Агнесса? Не думай, что ты сможешь просто так решать королевские дела в будущем. Ты наказана, не разочаровывай меня больше.

Принцесса ответила:

— Я Вас поняла, отец, прошу прощения.

Агнесса побежала в свою комнату вся в слезах. Прошёл день. Она проснулась очень рано, в 5 часов утра, и начала собираться в академию. Надела белую рубашку, коричневую юбку и пиджак с эмблемой и автографом Альберта Сивано. И вместо академии побежала в библиотеку города.

Здание библиотеки огромное, окружённое величавыми белыми колоннами и вычурными фигурами ангелов, а внутри там всегда была необыкновенная, волшебная атмосфера. Агнесса любила читать, всё своё свободное время тратила на это занятие. В библиотеке работала милая женщина средних лет. Тихая, добрая. Она посоветовала девушке почитать одну уникальную книгу. Агнесса увидела её на самой верхней полке. Книга была вся в пыли, но выделялась среди множества других изданий. Видимо, раньше переплёт этой книги украшали блёстки сиреневых цветов. Агнесса достала её, стряхнула пыль и прочла: «Сияй, твори!» — таким оказалось название книги. Это, похоже, была история моды. В тексте имелись разные выкройки, идеи, описания видов тканей, истории модных домов и много всего интересного.

Агнесса загорелась идеей создания чудесных платьев, костюмов, юбок. И, прочитав пару страниц, решила сшить какой-нибудь наряд. Шила, кроила, клеила она два дня подряд. Работала и днём, и ночью! Искала по королевству бантики, ленточки, блёсточки. Получилось у неё чудесное длинное платье из ярко-синего шёлка. Работала над платьем она на одном из дальних столиков в библиотеке.

Однажды поздно вечером в библиотеку зашла незнакомая женщина высокого роста, худощавая, с короткими кудрявыми волосами рыжего цвета. Одета она была очень стильно, в необычный костюм. Она подошла к столу. Её узкие хитрые глаза восторженным взглядом смотрели на сшитое Агнессой платье на манекене.

— Очень даже хорошо. Фасон неплохой, цвет милый, ткань прекрасная. Давно занимаетесь моделированием платьев, девушка? — спросила худощавая женщина.

— Добрый вечер. Спасибо, мне очень приятно. Два дня, — ответила Агнесса.

— Два дня?! Неплохо! Меня зовут Изабель Венсан. Возьмите мою карточку. Захотите развиваться как дизайнер одежды, приходите по указанному там адресу.

Женщина ушла. Агнесса замерла в растерянности. Взглянув на визитку, она увидела название одного из модных домов Лэфрейна — «VenSan». Её это очень заинтересовало.

На следующей неделе она заглянула в этот роскошный бутик, где одевались принцессы разных королевств. Пройдя чуть дальше, Агнесса разглядывала продаваемую одежду и встретила Изабель. Она пригласила девушку поучаствовать в новом конкурсе юных модельеров. Целью конкурса было создать креативный наряд для Анны Сивано. Агнесса очень удивилась, ведь главной заказчицей наряда оказалась её матушка, строгая высокая женщина с пронизательными зеленоватыми глазами, которая не верила в таланты своей дочери и не поддерживала её.

Агнесса очень испугалась и поначалу даже хотела отказаться от участия в конкурсе. Но потом поняла, что это даст возможность раскрыть её личность не только как дочери короля Альберта Сивано, но и как модельера. Девушке хотелось получить признание матери Анны, ведь главное пожелание организаторов конкурса — создание наряда, который выберет и наденет королева Анна в новогоднюю ночь на праздничный бал.

Все материалы были предоставлены «VenSan». Агнесса долго думала над выбором цветов, ткани, деталей. У неё совсем не оставалось времени на учёбу, но девушку всё время оберегал от гнева родителей царский советник Дэвин.

Агнесса работала не покладая рук в мастерской бутика. Она выбрала шёлковую ткань изумрудного цвета, сверкающие камни, вышивала узор блестящими нитями. Идея наряда была такова: платье средней длины, один рукав был открыт, а второй обильно украшен сияющими камнями глубокого изумрудного цвета. Цвет олицетворял спокойствие, целеустремлённость и силу характера матушки, гармонировал с её зеленоватыми глазами.

К Новому году дворец украсили сказочно. Всё сияло в рождественских огнях. Стояла большая ель с чудесными игрушками. По дворцу слуги расставили фигурки оленей, снеговиков, снежных сов. По саду развесили сверкающие снежинки. Анна Сивано должна была выйти в платье модельера, который одержит победу.

И вот бал! Множество знаменитых людей. Игра великих музыкантов. Красивейшие девицы и юноши. Вкуснейшие блюда... Настоящий королевский новогодний вечер! Самые известные дизайнеры собрались за столом возле стены, у которой в скором времени появится и Анна Сивано. Агнесса была в синем платье её собственной работы, она очень нервничала и переживала, что её труд не будет оценён матерью. На балу девушка узнала многих своих соперников по конкурсу, пообщалась с ними. Она пребывала в странном настроении в предвкушении Нового года. Уже совсем скоро настанет тот самый момент!

И вот Изабель Венсан вышла на сцену и поприветствовала всех присутствующих, поздравила их с наступающим праздником. И тут из её уст прозвучали самые важные слова — о конкурсе и о том, что победитель получит уникальную статуэтку.

Музыка начала играть. Занавес открылся. Вышла матушка Агнессы Анна Сивано в шикарном изумрудном платье и произнесла речь:

— Хочу поблагодарить Изабель Венсан и её учениц за такие чудесные платья. Спасибо. Это платье мне понравилось больше всего.

— Вам спасибо, Ваше Величество! А дизайнер-модельер этого изделия — Агнесса Сивано! Прошу её выйти к нам.

Королева побледнела и пришла в полное недоумение. Агнесса очень боялась матушки, но всё же вышла на сцену и встала рядом с королевой. Анна Сивано стояла неподвижно. Все ждали её непредсказуемой реакции. Но в ту же минуту Анна улыбнулась, поблагодарила дочь и вручила ей статуэтку победителя со словами: «Твори, маленькая звезда!»

Два воробья

Жили-были два воробья. Первого звали Чик, второго — Чирик. С детства они дружили, всегда всем помогали, всех выручали и делали добрые дела. Во дворе их знали и уважали.

Однажды Чирик говорит Чику:

— Всё! Больше никому помогать не буду, надоело мне!

— Ты что, не вздумай, так нельзя! Всякое бывает, ты можешь — и тебе помогут.

— Да что со мной будет-то? Уж мне-то точно помощь не нужна. Решено! Я теперь плохой.

— Ну как знаешь! — чирикнул Чик, вспорхнул и улетел.

Так и стали жить: Чик добрый и хороший, а Чирик злой и плохой. Заметили соседи во дворе, что изменился Чирик, перестали его о помощи просить, в гости приглашать, да и вообще внимание на него обращать.

Летит он однажды мимо чердака, а там песни, пляски, Чик с синичкой танцуют, голуби хоровод водят, дятел в барабан стучит. Праздник у них, а Чирика никто и не звал.

— Подумаешь, ну и ладно, мне и одному весело! — решил Чирик и полетел, приплясывая.

До угла дома долетел, сел на крышу и давай чирикать во всё горло. Да только вот кота, развалившегося за трубой, не заметил. А тот потихоньку подкрался да хотел было схватить Чирика, как вдруг налетела на него пернатая туча, клюёт, царапает, шумит. Испугался кот, рванул с крыши несолоно хлебавши.

Оказалось, с тех пор как Чирик стал плохим, Чик наблюдал за ним, старался не оставлять одного. Вот и в этот раз он находился неподалёку от друга.

— Спасибо вам, ребята! Если бы не вы, съел бы меня полосатый. Простите меня, задурил я, — стал каяться Чирик.

— Скажи спасибо, что друг у тебя хороший, верный! — загалдели птицы, указывая на Чика.

Обрадовался Чирик и бросился к товарищу:

— Чик, так это ты спас меня? А я думал, ты мне теперь никогда не можешь, такому плохому. Спасибо тебе. Я всегда знал, что у меня отзывчивый и надёжный друг.

— Главное, что ты понял свою ошибку и увидел, что из твоей нехорошей затеи вышло, — с радостью ответил Чик.

— Не-е-е-т, больше я к этой затее не вернусь. Хорошим быть гораздо лучше! — весело зачирикал Чирик.

Захлопали крыльями, заплясали все птички вместе с Чиком и Чириком:

— Чик-чирик!!! Чик-чирик!!! — разлеталось звонкое пение по округе.

Тамара Головкина

Тамара Головкина — лауреат 9-го творческого конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера», лауреат Всероссийских конкурсов юных художников «Рисуем для дошколят» (2017) и «Следы невиданных зверей» (2019). Пишет стихи и прозу. Учится в лицее № 3 имени главного маршала авиации А.Е. Голованова. Её произведение публикуется впервые.

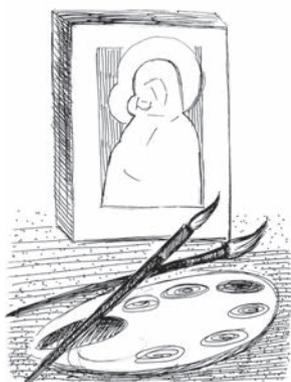
Моя мама — иконописец

Могу я долго наблюдать
За тем, как мама моя пишет.
Хочу ей в этом помогать,
Чтоб не мешать, я буду тише.
Я понемножечку учусь.
Курант, смотри, мне дали в руки.
Пигменты стану растирать,
Всё делать точно по науке!
Стараюсь, мама, лишь бы ты
Гордилась мной и одобряла.
Ошибки — это пустяки!
Ты мне их много исправляла.

Я не боюсь идти вперёд,
Меня ведь мама поддержала.
Смотрю я на неё, и вот
Она икону написала!
Я не пойму, ну как же так?
Курант, пигменты — всё простое.
Как получается-то, как
Изображение святое?

Вот смотрят на меня глаза
С иконы старой древнерусской.
А до того была доска
И копоть чёрная, взгляд тусклый.
Я реставрацию люблю,
Жду результата, словно чуда,
Когда из глубины веков
Проглянет лик — из ниоткуда!

Мамуль, с тебя пример возьму,
Трудиться стану увлечённо,
Упорно следовать к мечте.
Иконописцем быть почётно!
Я научусь вот так, как ты,
Работать творчески и смело.
Найду профессию мечты,
Владеть я буду ей умело.
Чтоб с пользой в общество войти,
Творить добро на радость людям.
Самозабвенно, как и ты,
Писать легко, красиво буду.

Артемий Зайцев

Артемий Зайцев — лауреат 9-го конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера». Лауреат III степени открытого конкурса детско-юношеского и молодёжного литературного творчества «Литературная весна — 2022» Дмитровского района Московской области. Сочиняет стихи и прозу. Его произведения публикуются впервые.

Волшебное поле и «страшный» зверь

Жил-был в глухой деревне одинокий старик. Неподалёку от той деревушки находилось густо заросшее бурьяном волшебное поле. Там, по рассказам крестьян, обитали разные страшные существа. Поговаривали, что на поле живут зелёная пингино-свинья, красный кито-верблюд, фиолетовый слонотигр и другие невообразимые чудища. Все боялись того места и старались обходить его подальше.

Как-то раз старику стало очень скучно. И решил он проверить, кто же всё-таки обитает на волшебном поле. «А вдруг я там найду себе друга», — подумал старик и отправился в путь. Шёл он шёл, пробирался сквозь высокий бурьян и вдруг услышал какой-то шум, треск. Сначала старик испугался, а после, переборов свой страх, направился в сторону звука. И вот среди высокой травы он увидел пушистый комочек, нагнулся, чтобы поближе посмотреть, что это. Вдруг комочек расправился, у него появились лапки, хвостик, ушки, большие глазки. И оказался он маленьким котёночком. Старик смотрит на него и говорит: «Так вот тут какое чудище обитает! Пойдешь ко мне жить?» В ответ котёнок ласково замыкал. Старик взял его на руки и пошёл домой.

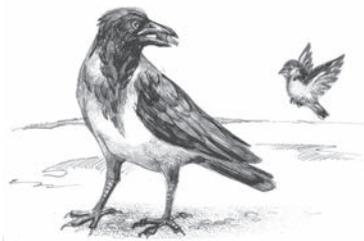
В деревне крестьяне, узнав, что дед отправился на волшебное поле, с нетерпением ждали его возвращения. Когда он, довольный и счастливый, вернулся домой, соседи налетели с расспросами: «Ты живой! Ну что там? Ну кто там?»

Видел кого-то? Очень опасные там звери?» Тут старик из-за пазухи достал котёнка и пошутил: «Вот он, страшный зверь с волшебного поля. Такой страшный, что и смотреть на него боюсь!»

Жители поняли, что никаких чудовищ нет и бояться им некого. С тех пор в деревне сделалось спокойно, крестьяне выкорчевали бурьян на «волшебном» поле, распахали его и посеяли там пшеницу. А старик стал жить со своим другом котёнком и растить его.

Хитрая ворона

Во дворе на ветке — крупная ворона.
Ищет что-то взглядом хитрая персона.
А под веткой воробьишки
Отыскали две коврижки.
Есть ворона захотела.
К ним поближе подлетела.
«Кар-кар-кар! — кричит она. —
Посмотрите на меня!»
Воробьишки отвлеклись,
Их головки поднялись.
Тут обманщица-ворона
Хватъ коврижку, прочь от дома!
Расклевала, не жуя,
Обхитрила воробья.

Влада Матвеева

Влада Матвеева — прозаик, призёр 9-го конкурса «Юная муза Угреши». Председатель Молодёжного парламента города Дзержинского. Её произведение публикуется впервые.

Старые сапожки

Надежда Михайловна, как всегда, задержалась на работе. Дома её наверняка никто не ждал, торопиться было некуда. Женщина накинула на себя старую дублёнку с небольшими потёртостями на рукавах, сапожки надела. Эх, порвались они, правда, местами, «рты» поразевали, а в ремонт отдать всё некогда было, да и зарплату задерживали. Ещё и долг не весь закрыли за учёбу сына, а проценты, как церберы, кусачие. Вдобавок дома у неё сломался телевизор. Он достался ещё от прежнего владельца квартиры, старого коммуниста, решившего переехать в более тихое место, где его не беспокоили бы рёв машин за окном и крики с детской площадки.

Надежда Михайловна тоже не любила всю эту суету, особенно раздражали её голоса детей. Этого ей хватало на работе. Специальность много лет назад ей выбрала её мама. Семья Gladkovich имела традицию: каждый из их рода становился учителем. Человеком образованным и статусным. Надежда тоже пошла по этому пути и преподавала физику. С детства она мечтала стать художником, но матушка отрезала: «Художник от слова “худо”!» Мать была женщиной строгой, консервативных взглядов, даже отец боялся ей возражать. Куда уж там Надежде! Единственный раз только в институте на последнем курсе смогла наконец-то послушаться свою матушку. Влюбилась в художника Вячеслава Витальевича Хабынского. На удивление матушка ничего не сказала ей, но и на свадьбу её не пришла.

Надышаться не могла на Вячеслава Витальевича жена, любила его по-настоящему, искренне, словно ребёнка. Ро-

дила через два года сыночка Антошку. Вячеслав это дело отметить решил. С тех пор и по сей день отмечает. Под мухой то на заводском корпоративе прижмёт Жанку-секретаршу, то Татьяну Антоновну, руководителя швейного цеха. То с друзьями-собутыльниками где-то допоздна выпивает.

Вот и сынок вырос, уехал в Питер жить, матери так и не написал ни строчки, забыл о ней. Не помнил он, как та с рук его не спускала, когда болел. Но она не обижается. Посидит за тетрадами, чай с печеньем попьёт, в окошко посмотрит и подумает: «Тепло ли Антошка оделся, сытый ли он там?»

Шла домой Надежда Михайловна в потёртой дублёнке и старых сапожках с тяжёлыми мыслями к своему сломанному телевизору. Проходя мимо учеников, услышала краем уха диалог ребят:

— Старая кляча Хабынская поназадаёт, а время откуда взять? У неё урок один. А у нас и так много этих заданий!

— А ты ей свечку за упокой поставь, помрёт быстрее.

Ученики засмеялись, но улыбка у шутника исчезла, как только заметил он «старую клячу». «Жить теперь точно не даст нормально», — подумал мальчишка.

Хабынская же подумала о том, за что же так ненавидит её этот Серёжка, что такого она ему сделала? Да, не ставила четвёрок, но и на тройки он еле тянул. Может, слово злое когда-то сказала? Да не припомнила такого.

Отвлёк от грустных мыслей её звон колокольный. В церковь вхожа никогда она не была. Воспитывалась в безверии, как большинство её сверстниц в советские времена. С детства считала, что Бог выдуман слабыми невежественными людьми.

А тут что-то в ней ёкнуло. Перешагнула порог дома Божьего и вошла в церквушку — старинную, белокаменную. Дышать тяжело стало, будто камень на душе. В горле встал какой-то ком — горячий и горький. Упала на колени перед иконой и заплакала:

— Не верую я в Тебя, кресты не носила, грешила часто, мечту предала, но любила я всегда семью свою и мужа своего и крест этот несла всегда я стойко. Если Ты действительно есть, то, Боже, молю, нет, я заклинаю Тебя, помоги мне,

пусть муж мой рядышком со мной будет, я что угодно терпеть готова, но пусть хоть он со мною будет...

Долго Надежда Михайловна в церкви пробыла, плакала, грехи рассказывала, жизнь свою перед иконой. Легче стало на душе, хотя и не поверила до конца в Божью помощь.

И тут подошла к ней старушка с елейной улыбкой. На вид ей шёл восьмой десяток. Села на скамейку рядом да заговорила голоском нежным, сладким:

— А я за тобой, милая, наблюдаю. Слёзы льёшь и льёшь... С мужем нешто беда какая? Тише... Не говори ничего. Хочешь, я тебе помогу?

— Что? Да разве вы можете! — Надежда Михайловна поднялась, стала уходить, но на пороге вдруг остановилась, повернулась к бабушке, смотревшей на неё в упор властным взглядом. Неожиданно для себя вернулась и пошла за поминавшей её старухой.

Та провела её через парк в какую-то комнату и пообещала за плату мужа вернуть ей. Зачарованная Хабынская согласилась и отдала все деньги, которые у неё были в кошельке. Старуха, казавшаяся в церкви такой приятной, теперь улыбалась косой щербатой улыбкой. Она дала учительнице мешочек и сказала: «Когда кормить мужа будешь, порошок высыпь в тарелку со словами “мой навсегда, не отпущу никогда, рядом будь, от меня не девайся, слово моё, слово светоносное”».

Так Надежда Михайловна и поступила. Утром мужу в завтрак подсыпала порошок, а вечером уже всё сбылось. Вячеслав Витальевич с инсультом в больницу слёг, а когда его выписали домой, больше он никуда не уходил от жены: к кровати прикованным стал. Судочки за мужем Надежда Михайловна выносила, кормила, поила, как верной жене и полагаются. Только счастья так и не обрела с ним рядом.

Вышла она однажды на балкон и вдруг как начала смеяться так громко да так зазорно, как в жизни никогда не смеялась, так, что даже живот заболел от спазмов:

— Вот же старая кляча! Вот же дура! Ха-ха-ха! Чтобы муж был рядом... Ха! Муж! Тьфу! А сапожки-то не починила я! Ха-ха! До сих пор в рваных хожу...

Лилия Мхитарян

Лилия Мхитарян — лауреат 9-го конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера». Лауреат I степени открытого конкурса детско-юношеского и молодёжного литературного творчества «Литературная весна — 2022» Дмитровского района Московской области. Сочиняет стихи и прозу. Учитя в гимназии № 5 города Дзержинского. Её произведение публикуется впервые.

Волшебная Сова

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У него не было ни жены, ни сына, ни дочери, старился он в одиночестве. Его царство процветало, но ему было очень-очень скучно. Однажды ему приснился необычный сон, как в его спальню через открытое окно залетела... Сова, которая говорила ему человеческим языком:

— Знаю я твою тоску, царь, но, чтоб её развеять и найти свою любовь, нужно преодолеть очень тернистый путь.

— Я готов ради любви хоть на край света! — отвечает царь.

— Раз так, то слушай и запоминай. Иди ты через лес дремучий, там увидишь поляну, где несметные богатства лежат. Их ты не трогай, а найди только простую деревянную тарелочку, на ней ключик лежит, возьми его, он тебе ещё пригодится. Пойдёшь ты дальше и увидишь на столбе табличку с указателями. А куда идти, это уже тебе самому решать.

И тут Сова пропала. Царь проснулся и подумал, что приснилось ему это всё, но вдруг понял, что держит в руках совиное перо серебряное с золотыми ниточками. Недолго думая, собрался царь в путь-дорогу и перо чудесное не забыл. Бояре уговаривали его взять хоть одного дружинника, но он наотрез отказался.

Как только царь своё царство-государство покинул, так заскучал пуще прежнего, но переборол это чувство, думая о

любви. Дошёл он до дремучего леса, прилёг отдохнуть, проговорив поговорку: «Утро вечера мудренее». Но в животе у него заурчало, с мыслью о еде так и уснул царь. Как проснулся, увидел чудо: появился стол, а на нём яства. У царя были культурные манеры, и прежде чем поесть, он сначала умылся, подошёл к столу и сказал:

— Спасибо тому, кто мне стол накрыл, еду приготовил. Сядь тот со мной и попробуй свои старания.

На эти слова отозвался тихий голос:

— Благодарю тебя, путник, но не могу я есть и отдавать еды, могу только приготовить. Невидим я и зовут меня Сеня Ильич. Меня даже потрогать нельзя! Друга я ищу верного, который меня и таким полюбит. Да только все меня чураются.

А царь в ответ:

— Не печалься, пойдём со мной, я ищу свою любовь. Вдруг и ты найдёшь друга верного, по дороге многое может случиться.

И пошли они вместе. Шли, шли и нашли большую поляну, а на ней столько золота, серебра, камней драгоценных, украшений разных, ваз расписных, витражей узорных, что глаз невозможно оторвать от такой красоты. Царь долго высматривал среди злата и серебра простую деревянную тарелочку, наконец-то нашёл её, взял лежавший на ней ключик и продолжил путь с Сеней Ильичём. Как только они ушли, Сова прилетела, удостоверилась, что ничего царь не взял, кроме ключика, и улетела.

Пошли царь и Сеня Ильич дальше. Шли, шли и увидели столбик с указателями. На первом написано: «Кто направо пойдёт, тот друга верного найдёт». На втором прочитали: «Кто прямо пойдёт, тот любовь свою найдёт». А на третьем: «Кто налево пойдёт, тот богатства и славу найдёт». Думает царь, как он расстанется с Сеней Ильичём, а тот думает, как с царём расстанется. Царю-то ведь надо прямо, а Сене Ильичу — направо. И стали они печалиться от того, что им придётся расстаться. Да что поделаешь, у каждого теперь своя дорога.

Идёт царь и только о Сене Ильиче думает. Дошёл он до поляны и видит пещеру, там подвешен малахитовый гроб с прозрачной хрустальной крышкой, а в нём прекрасная царица спит. Влюбился царь в неё с первого взгляда. Пытался он открыть крышку гроба, а она не открывается. Вспомнил он про ключ, достал его, отворил гроб и провёл совиным пером по лицу красавицы. Открыла глаза царица, прошептала что-то. И вдруг старый царь превратился в добра молодца, будто двадцать лет сбросил. Царица ему молвила:

— Нашёл ты меня, царь, и освободил из чар злых, теперь возьми меня в жёны!

Царь очень обрадовался, обнял царицу, но тут вспомнил про Сенью Ильича и загрустил. Как вдруг в пещере зазвучал его голос:

— Я здесь, не волнуйся. Моя дорожка меня сюда привела.

Прошептала что-то царица, и у невидимки появилось тело. Царь и Сенья Ильич бросились друг к другу и обнялись.

Когда все вместе — царь, его невеста и друг — вернулись в стольный град царства-государства, то устроили весёлую свадьбу, на которой все русичи славно гуляли. А волшебная Сова прилетала и их детям сказки сказывала.

Алексей Селивёрстов

Алексей Селивёрстов — лауреат 9-го конкурса «Юная муза Угреши» в номинации «Проба пера». Дипломант открытого конкурса детско-юношеского и молодёжного литературного творчества «Литературная весна — 2022» Дмитровского района Московской области. Сочиняет стихи и прозу. Учится в гимназии № 5 города Дзержинского. Его произведения публикуются впервые.

Два волшебника

В одном дремучем лесу жили два волшебника. Один был добрый, а второй — злой. Когда люди приходили в лес, злой волшебник их заколдовывал, чтобы они не могли найти дорогу домой. Добрый волшебник очень любил людей. Он за них переживал и ходил по лесу, искал заколдованных злым волшебником и, когда находил, сразу расколдовывал. Они его благодарили и счастливые бежали домой.

Злой волшебник был в ярости! Он решил погубить доброго волшебника и придумал план. Однажды тёмной ночью он подкрался к дому доброго волшебника и принялся атаковать. Но добрый волшебник проснулся и тихо вылез через окно. А злой волшебник не заметил этого и продолжал атаковать дом. Тем временем добрый волшебник подкрался сзади, взмахнул волшебной палочкой и выстрелил в злого волшебника добротой.

И злой волшебник стал добрым! Он извинился перед всеми, кого обижал, и больше никогда не хулиганил.

Докучная сказка

Жил был слон.
У него был картон,
Чтоб поделки собирать.
Сказку снова рассказать?

Екатерина Сухова

Екатерина Сухова — поэт, прозаик, победитель 7-го, 8-го и 9-го конкурсов «Юная муза Угреши» в номинации «Поэзия», финалист окружной премии имени И.А. Бунина в номинации «Поэтический дебют», номинант премии имени А. Грина «Бегущие по волнам». Учитесь на факультете журналистики МГИМО. Её произведения публиковались в альманахе «Угрешская лира», в газете «Угрешские вести», в антологии одного стихотворения «Золотая строка Московии» (№ 27), в сборнике «Бегущие по волнам».

Кукла с душой человека

Ложусь, опуская веки, как неваляшка детская,
Ресницы — веер угольный.
Улыбка так идеальна, когда подневольная
И вежливо-светская.

Кожа молочная, до смеху безупречная,
Созвездия — родинки.
Голос звенит переливчатой звонкой мелодией,
Но это не вечное.

Запястья — фарфор чуть прозрачней чашки сервизной
В холодном свету.
И я проклинаю дар Бога — свою красоту,
Зубы стиснув.

Черты — как на белой глине работа стекой;
Венера ожившая.
Я кукла с гримасой боли, лицо исказившею,
С душой человека.

Моряк

Студенистая заводь небесного свода
Тянет в алый пожар облака-корабли.
Кораблям что туман, что беда-непогода:
Боль и жалость забыв, они тают вдали.

Там, где в гавань штыками
впивается пристань,
Песнь рождается, чайкой срываясь в полёт.
Если в бездну с волной не утащит нечистый,
Значит, кто-то на суше тебя ещё ждёт.

Твой корабль-заря потерялся за морем,
Он идёт, то ветрами ведом, то волной.
Глаз твоих лазурит наполняется горем,
Отдающим солёной морскою водой.

Под охрипшую лютню, похожий на барда,
Шепчешь гимны стихии, своей госпоже.
Если звёзды ночами слагаются в карту,
Значит, молится кто-то о грешной душе.

И когда-нибудь шторм,
столь смертельно красивый,
Твоё судно прибьёт к постаревшим мосткам,
Ты тряхнёшь посере́бренной спутанной гривой
И заступишь в сиянье огней городка.

И откроется дверь; силуэт у лучины
Воскресит в тебе память о прошлых годах.
Ты забудешь на время морские глубины
Ради света в счастливых знакомых глазах.

Чёрный лебедь

В зеркальном стекле отражается чёрный лебедь,
Он бьётся в оковах рассудка, и лампы бьются.
Тоску лебединого крика нельзя измерить,
Но в тон ей в руках моих пляшет под чашкой блюдец.

Он прячется тенью за каждым ударом крови,
Он выбраться хочет наружу, сорвав печати.
Он краткий момент моей слабости чутко ловит
И рвёт на клочки моё детское белое платье.

Из кожи моей спины прорастают крылья,
И перья из чёрного бархата колют ступни.
Они устилают полы, как ковром и пылью,
Но видеть их разве что мне и ему доступно.

Купаж полуночного чая горчащий шепчет:
«Принцесса, твой Маленький принц на другой планете.
Вцепись в эту жизнь и заваривай чай покрепче,
Ни ты, ни твой лебедь уже далеко не дети».

Мой лебедь, мой гений злой никогда не дремлет,
Мечты извращает сомнения страшным ядом.
Застряв в киселе кошмара, молчу и внемлю...
Он ждёт, когда близких со мною не будет рядом.

Он ждёт, потрясая цепями людских приличий,
Меня изводя бесконечной игрой рассудка,
И крик человека меняет на возглас птичий,
И что-то в груди застывает безвольно — жутко!

Лесная дева

Под седлом твоим да удалый конь,
Пар валит густой из его ноздрей.
Ты красавицы-девы лесной не тронь,
Как бы страсть тебе не стлала очей.

Горячится кровь, да не в добрый час.
Под скрипенье ветра в свечах елей
Ты тропинкой лесной не веди рассказ
О тоске своих одиноких дней.

То не птица шуршит в тишине ночной,
Не ручей голосистым звенит дроздом —
Как нашепчет на ухо тебе: постой! —
Так забудешь покой и родимый дом.

У неё аметисты в ушах горят,
Малахитовой зеленью стан одет —
Коль утянет тебя в колдовской обряд,
Так домой принесёшь только пылкий бред.

Будешь каждую ночь по лесному мху
Прибегать на горящий в чащобе свет,
Позабросишь на поле свою соху
И забудешь серебряный амулет.

Будешь песням внимать, что она поёт,
Как в листве соловей разликает звон, —
Опротивеет скоро тебе народ,
И ты будешь в неё, как в луну, влюблён...

У хозяйки лесной — не людских кровей! —
Золотая коса о семи шелках,

Её шали, как змеи, ползут в траве,
Она сеет в горючие камни прах.

Она в ведьмином круге танцует вновь,
За гнилушек мерцанием тлеет ночь...
Околдует тебя, разожжёт любовь,
И никто не сможет тебе помочь.

Чтоб за девой лесной не пуститься в пляс,
Не гляди на неё ты промеж ветвей
И тропинкой лесной не веди рассказ
О тоске своих одиноких дней.

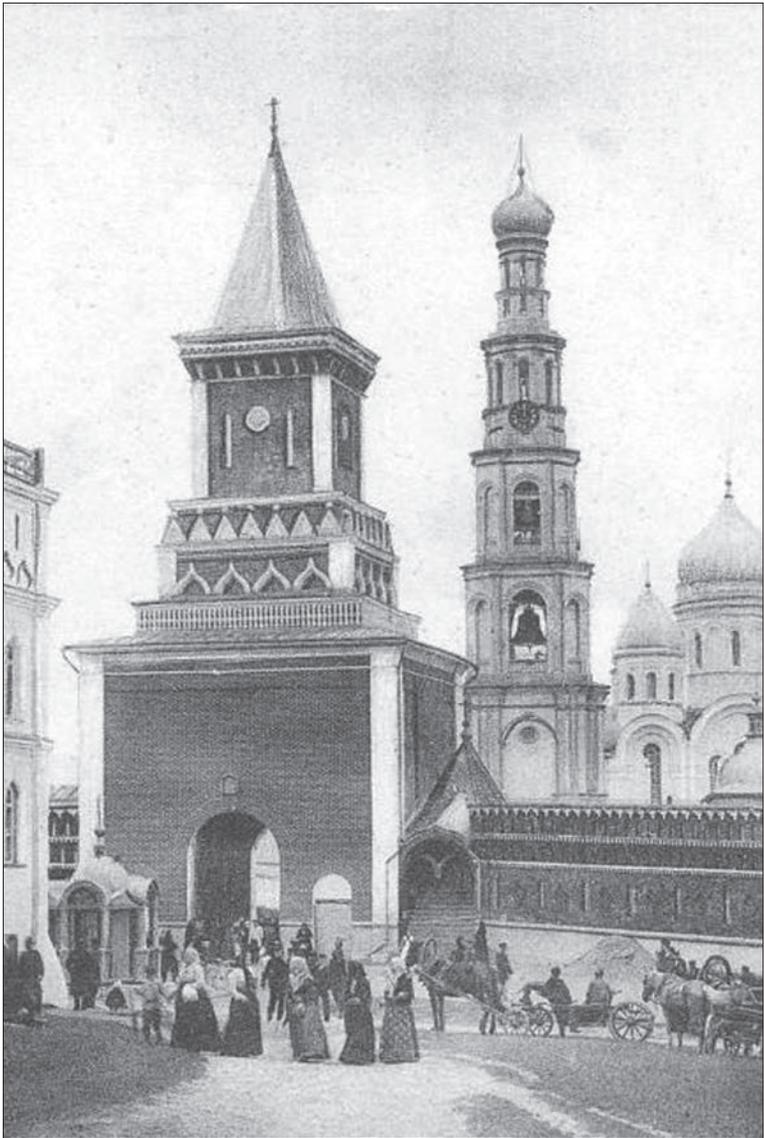
Девочка-осень

Девочка-осень любит красивые сказки,
Чай с имбирём и мятой и яростный ветер.
Девочка-осень любит жестокие маски,
Только не с тем, кто всех ей дороже на свете.

Девочка-осень смотрит в самую душу,
Пряча в глазах бездонных дождь и морозы.
И у неё под шарфом голос простужен,
Девочка ветром рвётся в небо, где грозы.

Девочка-осень горечью стелет дороги,
С грустной усмешкой смотрит бессмертию в спину.
Девочку всюду видят старинные боги,
Только она их помнит сквозь лет паутину.

Девочка-осень помнит забытое время
И бездорожье вяжет из пряжи туманной.
Девочка носит в сердце тяжёлое бремя,
Девочка — призрак вечный поры бездыханной.

**Эдизум
«Угрешской дпры»**

Игумен Антоний (Бочков)

Игумен Антоний (Алексей Поликарпович Бочков, 1803—1872) — духовный поэт XIX века, знакомый А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Его произведения печатались в журнале «Благонамеренный» и альманахах 1820-х годов. С 1837 года подвизался в различных монастырях, принял постриг в 1844 году, был настоятелем Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря, последний год жизни провёл в Николо-Угрешском монастыре, где похоронен. В 1875 году изда-

на его книга «Русские поклонники в Иерусалиме». В 2010 году издательство «Пушкинский дом» выпустило в свет книгу о нём «Дон Кихот русского монашества».

Севастия¹

На склоне Самарийских гор
Желтеет пирг² осьмиугольный.
Он издали пленяет взор
И манит путника невольню.
Нет лучше этого столба
Между развалин Палестины:
Его колонны и резьба,
И величавые руины,
Кресты и знаки на стенах,
Глубоко в землю утонувших, —
Всё говорит о временах,
Давно-давно уже минувших.
Здесь храм был рыцарей Креста,
Здесь был их дом странноприимный,
И в честь Спасителя Христа
Гремели в этих сводах гимны.
Но за́ десять ещё веков
До этих воинов железных

Здесь был дворец и ряд столбов,
И украшений бесполезных.
Здесь Ирод, Иудеи царь,
Проклятием запечатленный,
В честь Августа воздвиг алтарь
Властителя всея вселенной.
Цари, но кесарей рабы,
Смирясь, как враны пред орлами,
Поставили сии столбы
Своих невольников руками.
И, над веками посмеясь,
Ещё доныне непреклонны,
Пред храмом рыцарей, *гордясь*,
Стоят гранитные колонны.
И, крепче *кавалерских* стен,
Развалин рыцарских славнее;
Богоубийственных времен
Воспоминания страшнее.

Скажи, земля, какая здесь
Была убийственная сеча,
Что ты кровава³ и доднесь?
Здесь Иоанн, святой Предтеча,
Апостол, ангел, Слова глас,
Пророк, пустыни чудный житель,
Денница солнца, здесь угас,
Сойдя в подземную обитель.
Кровь девственная пролита
И воскурилась фимиамом.
Как неба огонь, она чиста,
Тюрьма с ней сделалася храмом.
Кто этой крови возжелал?
Какой ужасный кровопийца?
Главу Крестителя отъял

Рукою дерзкою убийца.
Взяв за власы, её несёт
На пир ужасный, на веселье.
Земля трепещущая пьёт
Остатки крови в подземелье.
В купели крови погружён,
Крещается и сам Креститель.
И тот главы своей лишён,
Пред кем главу склонил Спаситель.
«Нам двум различные пути, —
На Иордане глас вещает. —
Ему назначено расти,
Мне мálитися подобает».
На крест Спаситель вознесен —
Возрос по тайному вещанью,
А Иоанн усекновен,
Умалился, по предсказанью.

В чертогах Иродовых пир:
Что за торжественные крики?
И звуки труб, и звуки лир,
Рукоплескания и лики.
Что там за шум и торжество?
Не воцарился ли Мессия
И эта радость для Него;
Не из-под власти ли чужия
Народ Свой Бог освободил;
Не сверг ли Он оковы Рима;
Не на престол ли свой вступил
Царь горнего Ерусалима?

Нет! Идумейской крови князь,
Царь Ирод, данник и крамольник,
В своё рожденье веселясь,

Пирует, кесарей невольник.
Без счёта подано кубко́в;
Шум, крики, буйное веселье.
Рабы не чувствуют оков
В тумане жаркого похмелья.
Но вот, как искры, как огонь
В костре пустынном с треском вьётся,
Как прыткий аравийский конь,
Вспрыгнувши, вихрями несётся,
Власы, как грива... На позор
Так дева юная предстала.
Неистово и царь, и хор,
И вся толпа ей восплескала.
И дева, в руки взяв тимпан,
Бубенчиками загремела
И, изгибая гибкий стан,
Как нимфа, в пляске полетела.
Не смея отвести очей
От сладострастного плясання,
Царь плещет, и ещё сильнее —
Его безумное собрание.

Вдали от тигра, пасть сомкнув,
Скрежещет тигрица зубами.
На дочь и на гостей взглянув,
Сверкает ярыми очами
Иродиада! Этот пир
Предначертан рукою ада.
В тебя вселился целый мир
Злых помыслов, Иродиада!
Могла ли ты забыть упрёк,
Постыдной страсти обличенье?
На грех твой указал пророк
И на твоё кровосмешенье.

Он девственник, он чист душой,
Сын Богом чтимого семейства,
А ты?.. О злобы лютой вой!..
О вопль стыда прелюбодеяства:
«Я не могу его сносить;
Нет! Мщение, темницы, казни!
Меня ль он смеет поносить,
Свою царицу, без боязни?
Он Илия, — но Езавель
Не мстительней Иродиады.
Пусть плачет царь, весь Израель,
Мне плач их будет днём отрады».
И ад помог ей. Эта ночь
Послушна тёмному велению.
Царь Ирод подзывает дочь —
Она летит по мановенью.
«Деввица! Нет тебе наград:
Ты пляской нас обворожила.
Проси царя. Всё сделать рад,
Хотя б полцарства ты просила», —
Царь деве с клятвою сказал,
Вином и адом обольщенный;
В свидетели он призывал
Собор свой пьяный и презренный.
И, к матери склонив плечо
В миг мимолётного плясання,
Деввица внемлет... (Горячо
Змеи зловещее шептанье!)
«Проси Крестителя главы
На блюде. Здесь, в одно мгновенье».
Царю сказали. «Дочь! Увы!
Какое лютое прошение!
Он праведник, святой пророк,
Он духом Божиим помазан.

Но слово я своё изрѣк,
И словом царским я обязан».

Царь спекулятора послал
Свершить в темнице закленье.
Овча пустыни ожидал
Покорно жертвоприношенья.
И с ужасом все гости ждут...
Бледнеет царь, бледнеют люди.
Главу Крестителя несут,
Как снедь кровавую на блюде...

Примечания автора:

¹ Севастиею назвал Ирод новый город, построенный им в Галилее в честь Августа или Севаста. Доселе уцелели от него целые ряды колонн, которые тянутся на большое пространство. На месте усекновения Предтечи церковь, воздвигнутая по преданию Еленю, но по её архитектуре, вероятно, перестроенная крестonosцами. Известно, что рыцари св. Иоанна Иерусалимского владели многими местами в Палестине. От храма севастийского уцелели горняя часть в виде осьмиугольной башни, стены в развалинах и подземелье.

² Пирг — башня.

³ Цвет палестинского камня телесно-красноватый, с жилами.

Комментарии редактора-составителя:

Небольшая поэма «Севастия» на известный евангельский сюжет казни Иоанна Крестителя написана, вероятно, под впечатлениями, полученными игуменом Антонием (Бочковым) во время паломничества на Святую Землю, где события, описываемые в Евангелии, духовный писатель переживал особенно ярко и глубоко. Печатается по рукописи. Слова, в точности прочтения которых нет уверенности, выделены курсивом.

«Он Илия, — но Езавель...» Израильская царица Иезавель, жившая в IX в. до н.э., из-за её идолопоклонства была в жестоким конфликте с пророком Илией, который её проклинал, о чём повествуется в Ветхом Завете (III и IV книги Царств). Имя Иезавель стало синонимом порочности и нечестия.

Архимандрит Пимен (Благово)

Архимандрит Пимен (Дмитрий Дмитриевич Благово, 1828—1897) — известный русский духовный писатель, автор книг «Исторический очерк Николаевского Угрешского общежительного мужского монастыря» (1872), «Духовные стихотворения» (1874), поэмы «Инок» (1873—1874), книги «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово» (1878—1880). Пережив семейную драму (измену жены), в 1867—1880 годах Благово

подвизался в Николо-Угрешском монастыре, постригся в 1882 году в Ярославском Толгском монастыре, в 1885—1897 годах был настоятелем русской посольской церкви в Риме, где и похоронен.

Инок

Отрывок из 2-й части поэмы

Мне в жизни нет теперь утрат:
Всё отняла уже могила!
Старушка-мать моя грустила,
Лишившись милых ей внучат,
И вскоре также опочила.
И с ней я в землю положил
Всё, чем я в мире дорожил.
Её могила заключила
Могил старинных длинный ряд
В той усыпальнице с гербами,
Где под чугунными плитами
Мои прапраотцы лежат...
Желал и я лечь вместе с ними, —
Не приняла меня земля.
И с той поры между живыми,
Живой мертвец, скитался я!
Томимый жизнью, я не жил:

Мне было не с кем жизнь делить,
Мне было некого любить.
И я голубил, и я нежил
Вспоминанья о былом:
В них было всё, чем сердце жило,
Чем утешалось, дорожило
И что судьба своим серпом
Одним размахом подкосила...
Былое — милого могила!

Мне оставалась лишь мечта
О том, чего уже не стало,
Что преждевременно пропало.
Меня страшила пустота...
Мечта для сердца — не отрада,
Когда в нём скорбь и муки ада.
Ах, тяжек сердца гнёт в груди,
Когда живёшь без всякой цели,
Без ожиданий впереди!
Мне свет и люди надоели,
От них участия я не ждал:
Им нужны блеск и шум веселий,
А я томился и страдал!
Они глумились над страдальцем,
И я один в толпе блуждал
И меж друзьями был скитальцем.
К чему в миру мне было жить?
Чтобы посмешищем служить?
Томить себя, не наслаждаясь:
Одних страшить иль забавлять,
Другим веселье отравлять?
Быть чуждым всем, всего чуждаясь?!

Я положил в уме своём
Совсем иным идти путём
И сердца скорбь, тоску и муку
Надёжным средством врачевать...

Я стал именье раздавать:
Сестры моей меньшому внуку
(Я крёстным был его отцом)
Я подарил село и дом
(Мы двести лет владели ими),
Деревни продал, разделил
Свои деньжонки меж родными;
Кой-что друзьям пораздарил;
Свободу дал всем бывшим слугам
И наградил их по заслугам;
Себе оставил так... пустяк:
На чёрный день, как говорится,
Полушка всякая годится,
И стал как есть совсем бедняк!
Я разорвал все с миром узы,
Попрал все светские обузы,
Сам по себе в толпе большой
Я стал спокойнее душой.
Я из столицы удалился
В одежде грубой и простой
С одной котомкой да с клюкой,
Как странник, с миром распростился
И, сам забытый, всё забыв,
Насколько можно стал счастлив!

О том, как вы доныне жили,
Вас не расспрашиваю я;
В том ваша совесть — ваш судья,
И что о будущем решили:
Хотите ль век свой доживать
В чаду с ватагой маскарадной
И бесполезно убивать
Остаток жизни безотрадной, —
Зависит всё вполне от вас,
Я в это дело не вступаюсь.
И, может быть, в последний раз

Сегодня с вами я прощаюсь.
Молю Творца, храни Он вас!
Он всё премудро устрояет,
Всё подаёт на пользу нам,
Зане Един всё прозирает,
К Себе всех грешных призывает,
Даёт покой больным сердцам...
О, мир вам, мир и здесь, и там...»

Комментарии редактора-составителя

Поэма «Инок» имеет автобиографическую основу, в ней отражены впечатления, полученные автором во время послушничества в Николо-Угрешском монастыре, причём прототипом главного героя инока Василия является сам автор, а прообразом игумена является преподобный Пимен Угрешский, настоятель этой обители в 1852—1880 годах. Публикуемый отрывок представляет собой фрагмент письма инока Василия бывшей жене, которая некогда его бросила. Текст печатается по изданию: Благово Д.Д. Инок. — М.: Николо-Угрешский ставропигиальный монастырь, 2005. С. 87—89.

«Зане Един всё прозирает...» Намёк на 13-й стих 36-го псалма: «Господь же посмеётся ему, зане прозирает, яко придет день его». Суть такова: Господь же посмеётся над грешником, потому что предвидит его будущее.

Валерий Аушев

Валерий Петрович Аушев (1943—2021) — известный писатель, журналист, историк, являлся президентом Межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество творческих сил», членом Союза писателей и Союза журналистов России, руководителем литературно-творческого центра Всероссийского созидательного движения «Русский лад». За 50 лет творческой деятельности стал

автором и составителем более 30 книг прозы и поэзии, сценария телесериала «Звезда Ломоносова»; лауреатом более 10 профессиональных премий, в числе которых Московская областная премия имени Я.В. Смелякова (2008). Его деятельность отмечена государственными и общественными наградами.

Из книг стихов для детей дошкольного возраста

Солдатик

Солдатик
Оловянный жил.
Он пел,
Шутил и не тужил.
Он воевал,
Не уставал.
И падал сам,
И сам вставал.
И помнил он
Всегда в бою
Свою
Солдатскую семью,
Где был за всех
И за него
Стояли
Все до одного!

Живые льдинки

Что там
Подо льдом —
Былинки?
Звёзды?
Или пяточки?..
Это рыбки.
Рыбки-льдинки,
Дымчатые
Плавнички.
Что же
Делают зимой
Эти рыбки
Под водой?
Замерзают
С речкой вместе
Рыбки-льдинки
В тихом месте.
А весной
На быстринке
Оживают снова
Льдинки!

Солнечная рыба

В море Белом,
Словно глыба,
Дремлет Солнечная рыба.
Отмель выбрала она,
Где покой и тишина,
Где песок голубой
И мальки летят гурьбой.
В оранжевых тельняшках

Плывут вперегонки
Отважные бродяжки
Морские окуньки.
Играют рыбки сайки
Между собою в салки.
И носятся подружки —
Колючие колюшки!..
Если столько рыбок вьётся
По соседству в тишине,
Неужели Рыба-Солнце
Вместо солнца здесь, на дне?

Черепаха

Черепаха вслух лопочет:
— Че-пу-ха, а не кино!..
Я на фильм ползла три ночи,
Не попала всё равно...
Видно, нужно за неделю
Приглашать нас, черепах,
Чтобы мы невпопыхах
Серьги модные надели,
В зеркала бы поглядели —
Хороши ли в самом деле?
Чтоб в дороге не вспотели,
Не спешили,
Не летели,
Чтобы за день до сеанса
Мы сидели на местах!

Лез на сосну медвежонок

Капли с веток тяжёлых
Сочной брусникой брызжут.
Лез на сосну медвежонок,
Глупый, весёлый, рыжий.
Думал, что солнце — блюдце,
Мёдом наполнено с верхом.
Лапой хотел дотянуться,
Не удержался и съехал!
Стал он карабкаться снова
К тёмной верхушке сосновой.
Блюдечко с мёдом качалось,
Блюдечко близким казалось...
Но прилетели тучи,
Вздвогнул малыш от грома:
«Я уж полакомлюсь лучше
Сладкой малинкой дома».
Голову с ветки свесив,
Вниз медвежонок глянул.
Вымок до нитки весь он
Прежде, чем стал на поляну.
Мать у сосны, под кустами,
Встретила храброго сына
И приласкала шлепками:
— Вот тебе мёд!
Вот — малина!!!

Сергей Красиков

Сергей Павлович Красиков (1928—2007) — известный русский поэт, автор более 40 книг, в числе которых «Таёжная быль» (1972), «На грани мистики» (1995), «Легенды о цветах и самоцветах» (1996), «Возле вождей» (1997), «Охранный свет» (2002). На его стихи написано около 400 песен. В течение 20 лет руководил литературным объединением «Родник» в городе Дзержинском.

Кони

Сыну Александру

Кони!
Кони!
До свиданья, кони!
Не трепать мне ваших чёрных грив.
Завтра я уеду в эшелоне
В дальний путь, угрюм и молчалив.
Никнут травы, до земли склоняясь,
И запала в грудь седая грусть.
Кони! Кони! С вами расставаясь,
Я навеки с детством расстаюсь.
Отзвенели песни в перелесках.
С каждым днём всё дальше от меня
Скачет, скачет радостное детство
На горячих вороных конях.
Летний вечер в синей дымке тонет,
И следы уходят по росе...
Подождите, не спешите, кони,
Мне вас жаль не меньше, чем друзей!

Уголок России

Дубы и вязы стынут до озноба.
Метель, как пламя, лижет берега.
Подружки-ёлки прячутся в сугробы,
Как будто в горностаевы меха.
Трещит мороз.
А по дороге звонкой
На вахту отправляется дозор.
Да солнце рыжекосою девчонкой
Уходит не спеша за косогор.
Среди ветвей дрожат лучи косые,
И снег горит, горит, как золотой...
Холодный, вьюжный уголок России,
А без него я был бы сиротой.

Под Москвою синь и стынь.
Ветер стонет в рощах.
Вьюга белые холсты
В прорубях полощет.
Под Москвой в седых дымах
Всюду вражьи станы.
Под Москвою шьёт зима
Оккупантам саван.
Взрывом раненный закат
Пал на вечер стылый.
Поднимает в бой солдат
Генерал Панфилов.
У солдат над головой
Белый снег вихрастый.
За Москву
Бой под Москвой...
И стояли насмерть.

Заплескались частушки
На тропинке лесной.
Пьют взахлёб их девчушки,
Как весенний настой.
А частушки — про удаль,
Про уменье любить.
Очень хочется губы
В их огне опалить.
А тропинка лесная
Вдаль зовёт и зовёт,
А девчонки не знают,
Где их счастье живёт.
А девчонкам-невестам
Трудно жить без любви,
А по лесу, по лесу —
Соловьи, соловьи...

Тает ночь лазоревого лета.
За Сенежем стонет козодой.
Лунный свет сливается с рассветом,
Как пыльца цветочная с водой.
В серебристо-радужных каплях
С южной заозёрной стороны
Тишина идёт на мягких лапах,
А на сердце нету тишины...
Трудно жить непонятым на свете
Ни судьбой, ни другом, ни женой...
Лето, лето, в тихий час рассвета
Поделись со мною тишиной.

Ландыш

Проснулся лес, весной разбуженный,
Деревья по ветру парят,
Весёлых ландышей жемчужины
Под каждым кустиком горят.
В рассветный час, сырой и сумрачный,
Когда роса во мгле блестит,
Горят фарфоровые люстрочки,
Да так, что глаз не отвести.
И дуют ветры обзолённые,
И дождик хлещет на цветок,
Но лес широкими ладонями
Прикрыл дрожащий огонёк.

Лилия

На кувшинках росы стылые,
Не шелохнется вода,
Белый цвет бросает лилия
На задумчивость пруда.
Проплывает светлым месяцем
В тёмной заводи одна,
И вода под нею светится
От поверхности до дна.
Пруд от краешка до краешка
В озаренье дивно чист,
Каждый листик, каждый камешек
Светит, словно аметист.
И не знает ночь унылая
В затуманенном чаду,
То ли месяц, то ли лилия
Тихо плещется в пруду.

Ярослав Смеляков

Ярослав Васильевич Смеляков (1913—1972) — выдающийся русский советский поэт, лауреат Государственной премии СССР (1968). Трижды отбывал несправедливое заключение в 1934—1956 годах, в 1937—1939 годах работал ответственным секретарём газеты «Дзержинец», которая выпускалась трудовой коммуной № 2 НКВД, располагавшейся в бывшем Николо-Угрешском монастыре. Наиболее значительными книгами Я.В.

Смелякова являются: «Кремлёвские ели» (1948), «Строгая любовь» (1957), «Милые красавицы России» (1966), «День России» (1967), «Моё поколение» (1973), собрание сочинений в трёх томах (1977—1978).

Разговор о поэзии

Ты мне сказал, небрежен и суров,
что у тебя — отрадное явление! —
есть о любви четыреста стихов,
а у меня два-три стихотворенья.

Что свой талант (а у меня он был,
и, судя по рецензиям, не мелкий)
я чуть не весь, к несчастью, загубил
на разные гражданские поделки.

И выходило — мне резону нет
из этих обличений делать тайну, —
что ты — всепроникающий поэт,
а я — лишь так, ремесленник случайный.

Ну что ж, ты прав. В альбомах у девиц,
среди милой дребедени и мороки,
в сообществе интимнейших страниц
мои навряд ли попадутся строки.

И вряд ли что, открыв красиво рот,
когда замолкнут стопки и пластинки,
мой грубый стих томительно споёт
плешивый гость притихшей вечеринке.

Помилуй бог!— я вовсе не горжусь,
а говорю не без душевной боли,
что, видимо, не очень-то гожусь
для этакой литературной роли.

Я не могу писать по пустякам,
как словно бы мальчишка желторотый, —
иная есть нелёгкая работа,
иное назначение стихам.

Меня к себе единственно влекли —
я только к вам тянулся по наитью —
великие и малые события
чужих земель и собственной земли.

Не так-то много написал я строк,
не все они удачны и заметны,
радиостудий рядовой пророк,
ремесленник журнальный и газетный.

Мне в общей жизни, в общем, повезло,
я знал её и крупно, и подробно.
И рад тому, что это ремесло
созданию истории подобно.

Сердце Байрона

В Миссолунгской низине,
меж каменных плит,
сердце мёртвое Байрона
ночью стучит.
Партизанами Греции
погребено,
от карательных залпов
проснулось оно.

Нету сердцу покоя
в могиле сырой
под балканской землёй,
под британской пятой.

На московском бульваре,
глазаст, невысок,
у газетной витрины
стоит паренёк.
Пулемётными трассами
освещена
на далёких Балканах
чужая страна.

Он не может
в ряды твоей армии стать,
по врагам твоей армии
очередь дать.
Не гранату свою
и не свой пулемёт —
только сердце своё
он тебе отдаёт.

Под большие знамёна
полка своего,
патриоты,
зачислите сердце его.
Пусть оно
на далёких балканских полях
бьётся храбро и яростно
в ваших рядах.

Душной ночью
заморский строчит автомат,
наделяя Европу
валютой свинца,
но, его заглушая,
все громче стучат
сердце Байрона,
наши живые сердца.

Недопёсок

Спеша поспеть на лапах длинных
и всё заваливаясь вбок,
февральским днём у магазина
к нам привязался кобелёк.

У сына жалкого дворняжки,
как в том кругу заведено,
на грязно белой тощей ляжке
светилось жёлтое пятно.

Он вовсе не втирался в гости,
как предприимчивый нахал,
а лишь угла и только кости
у человечества искал.

Не ставлю я себе в заслугу,
что, к удивленью своему,
и эту кость, и этот угол
мы предоставили ему.

Весь день, не покидая места,
малыш дрожал исподтишка
и ждал от голоса и жеста
ругательства или пинка.

Но за какую-то неделю,
пройдя добрейшую из школ,
как мы старались и успели,
он постепенно отошёл.

И начал вдруг, учуяв запах
и глядя в прожитое вспять,
колеблясь весь, на задних лапах
с лакейской выучкой стоять.

Но мы об этом позабудем —
ведь понял он, пускай не вдруг,
что от него не надо людям
ни унижений, ни услуг.

Что стало радостным деяньем
чуть не погибшее сперва
уже одно существованье
восторженного существа.

Он прикасался к нам мгновенно,
от счастья прыгал и визжал,
и этим самым всей вселенной
жить веселее помогал.

Пьеро

Земля российская гудела,
горел и рушился вокзал,
когда Пьеро¹ в одежде белой
от революции бежал.

Она удерживать не стала,
не позвала его назад —
ей и без этого хватало
приобретений и утрат.

Он увозил из улиц дымных,
от площадного торжества
лишь ноты песенок интимных,
их граммофонные слова.

И всё поёживался нервно,
и удивлялся без конца,
что уберёт от буйной черни
богатство жалкое певца.

Скитаясь по чужой планете,
то при аншлаге, то в беде,
полунадменно песни эти
он пел как проклятый везде.

Его безжалостно мотало
по городам и городкам,
по клубам и концертным залам,
по эмигрантским кабакам.

Он пел изысканно и пошло
для предводителей былых,
увядших дам, живущих прошлым,
и офицеров отставных.

У шулеров и у министров
правительств этих или тех
он пожинал легко и быстро
непродолжительный успех.

И снова с музыкой своею
спешил хоть в поезде поспать,
чтоб на полях эстрадных сеять
всё те же плевелы опять.

Но всё же, пусть не так уж скоро,
как лебедь белая шурша,
под хризантемой гастролёра
проснулась русская душа.

Всю ночь в загаженном отеле,
как очищенье и хула,
дубравы русские шумели
и вьюга русская мела.

Все балериночки и гейши
тишком из песенок ушли,
и стала темою главной
земля покинутой земли.

Но святотатственно звучали
на электрической заре
его российские печали
в битком набитом кабаре.

Здесь, посреди цветов и пищи,
шампанского и коньяка,
напоминала руки нищих
его простёртая рука.

А он, оборотясь к востоку,
не замечая никого,
не пел, а только одиноко
просил прощенья одного.

Он у ворот, где часовые,
стоял, не двигая лица,
и подобревшая Россия
к себе впустила беглеца.

Там, в пограничном отдаленье,
земля тревожней и сильней.
И стал скиталец на колени
не на неё, а перед ней.

¹ В стихотворении говорится о русском и советском актёре, певце, поэте и композиторе Александре Николаевиче Вертинском (1889—1957), которого называли русским Пьеро.

Ну а я вот сознаться посмею,
оглянувшись кругом не спеша,
что заметно и грустно старею:
ум и руки, лицо и душа.

За собой замечаю с досадой,
что бываю — так возраст велит —
то добрее, чем это бы надо,
то сердитее, чем надлежит.

Там — устану, а тут — недослышу,
неожиданно дрогнет рука.
Откликается реже и тише
на события жизни строка.

Борис Щербатов

Борис Николаевич Щербатов (1941—2013) — известный поэт, был членом Союза писателей России и литературного объединения «Угреша», кавалер памятной медали «Ярослав Смеляков», автор 5 сборников стихов. Первый сборник «Над Непрядвой-рекой» опубликовал в 1983 году. В книгу «Плач соловьиный» (2006) вошли избранные произведения.

Душа слепа

Когда твердят о молодости духа
поэта бодрого преклонных лет,
моя душа — усталая старуха —
лишь грустно улыбается в ответ.

Больному телу старшая сестрица
уже глядится в сумрак голубой.
Не молодиться надо ей — молиться,
всё повидавшей, будучи слепой!

Души не лечат сроки или строки.
Вольно́ ей было в праздной суете
познать мирские скользкие дороги
и убедиться в полной слепоте.

Летит навстречу бездна голубая,
глядит в окно последняя заря.
Скорбит душа, с рождения слепая,
и по ночам зовёт Поводыря.

За туманом берёз шелестела река.
Ночь ненастную ветром шатало.
Показалось ли мне, или чья-то рука
осторожно в окно постучала.

Длилось тысячу лет ожиданье моё!
Я окно распахнул обречённо и резко.
И омыло лицо
то ли платье твоё,
то ли взмывшая вверх занавеска.

Ночь ударила ветром, задула свечу,
все четыре угла затопила.
Ты дышала в висок, припадая к плечу,
ты любила, любила, любила...

Просыпался в слезах.
Влажный ветер в лесу
уносил на плечах позолоту.
Занавеска кружила, скользя по лицу,
открывая окно в непогоду.

Ирине

Под ночные апрельские всхлипы
Пролетевшую жизнь ворошу...
Я не смог тебя сделать счастливой
И за это прощенья прошу.

Что была ты мне небом обещана,
Я, мальчишка, поверить не мог.
Ах, какую красивую женщину
Мне доверил доверчивый Бог!

Я смирял свои тёмные страсти,
Примерял золочёную клеть.
Но людское уютное счастье
Не даётся рождённому петь.

Жизнь душила —
Скорбями, восторгами,
Злой тоской на весёлом пиру.
Сколько песен из сердца исторгнула,
Безоглядных,
Как смерть на миру!..

Все разлуки не вечны.
Но вечна
Та разлука, что ждёт впереди.
Была в белом ты в первую встречу,
На последнюю в чёрном приди.

И под гул золотого ненастья
У начала небесных дорог
За того, кто украл твоё счастье,
Помолись.
Да простит его Бог.

Подождите меня!

В жаркий полдень, весёлый и звонкий,
убегала к реке ребятня.
Босоногой ватаге вдогонку
я кричал: «Подождите меня!»

В шумных играх, в затеях ребячьих
первым я никогда не бывал.
От друзей заводных и горячих
почему-то всегда отставал.

И когда, возмужав, за удачей
уезжали в чужие края,
я друзей провожал, чуть не плача,
говорил: «Подождите меня!»

Годы смуты, безверья, бесчестья.
Сколько душ отлетело в зенит!
Приходили печальные вести:
этот умер, а этот убит.

И всё меньше друзей в переключке.
И в закат уходящего дня
по привычке уже, по привычке
я кричу: «Подождите меня!»

Проходит мука юной плоти,
трезвеет нежная душа.
Пора смириться — всё проходит.
Так неужель и ты прошла?

Тогда зачем же, почему же,
весь путь мой зная наперёд,
влетает взбалмошная муза
и мне перо передаёт.

— Пиши, поэт,
легко и стройно
про жизнь беспутную свою,
пиши, как кровь была сестрою
Прометееву огню!

Как в ежедневном карнавале
тебя считали за шута,
пиши, как ветры целовали
тебя в бредовые уста!

Забудь утраты и мытарства,
в глаголы гулкие ударь!
Поэзия — такое царство,
где ты и подданный,
и царь!..

А я твержу:
любовь, ты где же
летишь по свету без меня?
Я догоню тебя!
Но прежде
возьмите царство
за коня!

Читая И.А. Ильина

Пока мы ждали вещей знак,
давясь своим насущным хлебом,
нам души выстудил сквозняк
меж преисподнею и небом.

И стать счастливей, стать свободнее,
Им званные, мы не смогли...
Всё ближе к людям преисподняя,
всё дальше небо от земли.

Елена Егорова

Пушкиниана Ярослава Смелякова

В 1966 году выдающийся советский поэт Ярослав Смеляков в беседе с известным критиком, публицистом и писателем Николаем Осетровым признавался: «*Чьи стихи я люблю перечитывать? Пушкина, Лермонтова, Некрасова,*

*Александр Пушкин.
Худ. В.А. Тропинин. 1827 г.*

*Ярослав Смеляков.
Фото конца 1940-х гг.*

Тютчева, Блока, Есенина, Маяковского...»¹ А десятью годами ранее, отвечая на семейную анкету, Ярослав Васильевич назвал своими любимыми тех же самых поэтов, в шутку добавив в конце и себя².

Пушкин стоит первым в этих списках не по старшинству, а по значимости для Смелякова. В его прозе и публицистике

нередко зримо или незримо присутствует наш великий поэт, хотя непосредственными литературными наставниками Смелякова были известные советские литераторы Михаил Кольцов, Ефим Зозуля, Василий Казин. Они руководили молодёжной студией при журнале «Огонёк», которую посещал в юности Ярослав, когда учился в московском ФЗУ имени Ильича на наборщика. Он очень увлекался творчеством Владимира Маяковского, Сергея Есенина, других близких ему по времени поэтов. Но всё же рождение и развитие своей музыки ассоциировалось у Смелякова именно с поэзией Пушкина. В отрывке из стихотворения «Наборный цех» очевидна аллюзия на пушкинские строки I строфы VIII главы «Евгения Онегина»:

*В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья...*

А.С. Пушкин

*В рабочей этой стороне,
на перепутье жизни ранней,
являться муза стала мне
под крик гудка и шум собраний.
Взяв сердце мальчика себе,
она меня не покидала,
хрипела в радиотрубе
и над заставою витала.*

Я.В. Смеляков

Судьба Ярослава Смелякова сложилась нелегко. В декабре 1934 года молодой поэт, издавший свои первые книги и недавно принятый в Союз писателей СССР, попал в застенки НКВД по сфабрикованному обвинению и в апреле 1935-го был осуждён на три года, два из которых провёл в тюрьме, а последний год — в качестве воспитанника трудовой коммуны № 2, располагавшейся на территории подмосковного Николо-Угрешского монастыря и окрестностей. В 1938 году этот населённый пункт стал Дзержинским рабочим посёлком. Смеляков работал в местной газете «Дзержинец», фактически исполняя обязанности ответственного секретаря. Он публиковал собственные материалы, собирал и обрабатывал сообщения рабочих корреспондентов — рабкоров. Сотрудница газеты Анна Илюнина, поддерживавшая тёплые, доверительные отношения с опальным поэтом, вспоминала, как в 1937 году Ярослав с группой рабкоров и сотрудников

редакции ездил в Москву на Пушкинскую выставку, посвящённую 100-летию гибели великого поэта, и какое сильное впечатление она на всех произвела.

В довоенных стихах Смелякова лишь иногда возникает имя Пушкина и его образ, хотя ритмический строй многих его стихов близок к произведениям великого поэта.

Зато одно из таких стихотворений стало, пожалуй, самым известным произведением Смелякова после выхода в прокат в 1965 году комедии режиссёра Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика». Это стихотворение «Хорошая девочка Лида» (1940), в котором воспета любовь простого мальчишки к такой же простой девочке. Фрагмент этого стихотворения читает Шурик студентке Лиде в киноновелле «Наваждение»:

*Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил...*

Популярности этих стихов способствовала и песня Кириллы Молчанова в исполнении известной певицы Гелены Великановой.

В 7-й части «Юношеской поэмы» (1940) Ярослав описывает белыми стихами свою прогулку по Москве с её суетными и шумными бульварами.

*Лежит отцветающий и широкий,
лежит пожелтевший и длинный, как рельсы,
бульвар. Ну Тверской, ну Страстной, ну Никитский.
<...>*

*Бульвар, от которого даже Пушкин
немного невежливо отвернулся.*

Гораздо позднее, в 1950 году, памятник Пушкину был перенесён на противоположную сторону улицы, в результате чего «повернулся лицом» к Тверскому бульвару.

Два упомянутых выше стихотворения написаны Смеляковым после возвращения с советско-финской войны, в светлую пору его жизни. В 1941 году начинается очень тяжёлая полоса в судьбе поэта. В мае его призывают в Красную Армию, в стрелковый полк, с первых дней войны он воюет

на Карельском фронте и в октябре 1941-го попадает в плен к финнам, где в тяжёлых условиях находится три года, а потом ещё год в советском проверочном лагере под Сталиногорском (ныне Новомосковск Тульской области). Ярослав продолжает сочинять стихи, это помогает ему стойко переносить все тяготы. И осенью 1945 года его литературная карьера возобновляется. Он работает в редакции «Сталиногорской правды», сотрудничает в «Московской кочегарке», в 1947 году поэт впервые женится и возвращается в Москву, издаёт книгу стихов «Кремлёвские ели».

В 1949 году, к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина, Ярослав Смеляков пишет стихотворение «Здравствуй, Пушкин!». В нём выражена огромная любовь к великому поэту и восприятие его судьбы и трагической гибели в тот период в советском обществе:

*В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.*

*Мы несли тебя — любовь и горе —
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре —
к новой жизни, к будущей стране.*

Есть в этом стихотворении четверостишие, полное революционной запальчивости:

*Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.*

Скорее всего, речь здесь идёт об убийстве императора Александра II народолюбцами 1 марта 1881 года. Четверостишие содержит явный намёк на участие царя Николая I в дуэльной истории А.С. Пушкина. И тогда, и ранее, и позднее такие версии были распространены в литературоведении, и стихотворение свидетельствует о знакомстве с ними Я.В. Смелякова. Впоследствии эти гипотезы не нашли подтверждения. В любом случае убийство императора Александра II никак не связано с дуэльной историей Пушкина.

Почти всю первую половину 1950-х годов Ярослав Смеляков вновь провёл в заключении, будучи осуждён по печально известной 58-й статье в результате очередного доноса. Несмотря на это, поэт по-прежнему верил в советские идеалы, осуждая лишь конкретных исполнителей репрессий. В лагере он продолжал писать стихи, осмысливать творчество других поэтов и своё собственное. К тому периоду относится стихотворение «Наборный цех», цитированное выше. Вернувшись в Москву в 1955 году, он вскоре указывает в анкете первым среди любимых поэтов А.С. Пушкина.

Наступает новая светлая полоса в жизни Смелякова. Его реабилитировали, восстановили в Союзе писателей СССР, где он вместе с Михаилом Лукониным стал руководить секцией поэзии. Он много пишет, выпускает книги, ездит по СССР и за границу с выступлениями. Налаживается и личная жизнь, разрушенная заключением (поэт был вынужден развестись с первой женой, чтобы не подвергать её опасности репрессий). Ярослав Васильевич женится в 1956 году на поэтессе и переводчице Татьяне Стрешневой, симпатичной, мудрой, доброй женщине, умеющей сглаживать острые углы в общении с ершистым, вспыльчивым мужем. Брак оказался счастливым. Именно жене Татьяне Смеляков посвятил красивое стихотворение «Зимняя ночь» (1959), проникнутое пушкинскими ассоциациями. В нём говорится о возвращении с любимой из гостей по заснеженному Ленинграду:

*Не надо роскошных нарядов,
в каких щеголять на балах, —
пусть зимний снежок Ленинграда
тебя одевает впотьмах.*

<...>

*Когда открываются рынки,
у запертых на ночь дверей
с тебя я снимаю снежинки,
как Пушкин снимал соболей.*

Здесь, конечно, чувствуется и неявное противопоставление: Пушкин с женой возвращался с балов в конном экипаже, а Смеляковы в скромных нарядах идут пешком; Пушкин снимал соболей, а Смеляков — снежинки. Несмотря на это, от стихов Смелякова веет любовью и счастьем.

В 1959 году праздновалось 160-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Смеляков вновь перечитывает произведения великого поэта, литературу о нём. Снова его будоражит дуэльная история, гибель Пушкина, его отношения с женой Натальей Николаевной. И Смеляков пишет о ней стихотворение «Натали», резко её осуждающее, даже обличающее. Жена Пушкина предстаёт в стихах как «дитя балов», как праздная светская красавица, своим кокетством спровоцировавшая роковую дуэль:

*Мы не забыли и сегодня,
что для тебя, дитя балов,
был мелкий шёпот старой сводни
важнее пушкинских стихов.*

Было бы неправильно вменить Смелякову в вину это несправедливое, как мы знаем сейчас, мнение. Оно начало распространяться ещё в XIX веке, едва ли не сразу после гибели Пушкина. Вот что писал в далёком 1887 году поэт, писатель, литературовед П.П. Перцов: «Вопрос здесь в том: как могли сойтись в качестве смертельных противников Пушкин и... Дантес? Мне кажется, что при его решении напрасно забывают третье, и в сущности главное, лицо драмы — жену Пушкина»³.

Смеляков вряд ли читал труды Перцова, но с книгой известного литературоведа П.Е. Щёголева «Дуэль и смерть Пушкина», несколько раз переиздававшейся в советское время, почти наверняка был знаком, как и с письмами Пушкина. Об этом свидетельствуют такие строчки стихотворения «Натали» о балах, которые советские поклонники Пушкина «по пальцам сосчитали»:

*...И не забыли тот, в который,
раба страстишечек своих,
толкалась ты на верхних хорах
среди чиновниц и купчих.*

*И, замирая то и дело,
боясь, чтоб Пушкин не узнал,
с мольбою жадною глядела
в ту бездну, где крутился бал.*

Скорее всего, здесь намёк на письма А.С. Пушкина к жене, отправленные в начале августа 1834 года, где он пожурил Наталью Николаевну за поездку в Калугу и посещение светских мероприятий, бала у губернаторши и визиты в купеческие дома.

Неудивительно, что книга П.Е. Щёголева подогрела негативное отношение Смелякова к жене Пушкина. Вот что писала в 1987 году авторитетный пушкиновед Я.Л. Левкович в предисловии к переизданию этого труда: *«Щёголев нарисовал в своей книге яркий портрет Н.Н. Пушкиной. Жёну поэта он не пощадил. Для него она — виновница гибели национального гения, и через призму негодования он смотрит на документы, которые могут помочь составить представление о жене поэта. Рисуя её облик, он опирается на воспоминания современников и на письма самого Пушкина к ней. Но воспоминания современников писались после смерти Пушкина, когда причастность к гибели мужа невольно влияла и на характеристику, которую они ей давали. Пристрастно читает Щёголев и письма Пушкина к ней. Для него они — свидетельство “скудости её духовной природы” и склонности к “светски-любовному романтизму”. Он проходит мимо пушкинских слов “а душу твою я люблю больше твоего лица” и не замечает, что письма к жене, вытянутые в хронологическую цепочку, можно рассматривать как своеобразный дневник Пушкина»⁴.*

К чести Смелякова, он через семь лет смягчил своё резко отрицательное отношение к Наталье Николаевне Пушкиной, вероятно, под влиянием более глубокого изучения адресованных ей произведений и писем великого поэта, и написал в 1966 году «Извинение перед Натали». Он извинялся за допущенные бестактности из уважения к великому поэту, потому что понял, что Пушкин любил жену и верил ей. Однако в корне отношение к Натали Смеляков не пересмотрел, продолжая в душе осуждать её за развлечения и за то, что вышла замуж за П.П. Ланского:

*Я Вас теперь прошу покорно
ничуть злопамятной не быть*

*и тот стишок, как отблеск чёрный,
среди развлечений позабыть.*

*Ах, Вам совсем нетрудно это:
ведь и при жизни Вы смогли
забыть великого поэта —
любовь и горе всей земли.*

Конечно, Ярослав Васильевич не мог знать тогда, что в жизни Натальи Николаевны после смерти Пушкина развлечения были редки, что великого поэта она не забыла, даже выйдя вторично замуж, что носила траур и поминала его каждую пятницу — в день недели, когда он скончался. Отношение к Н.Н. Пушкиной даже у пушкинистов стало улучшаться лишь спустя четыре-шесть лет после того, как Смеляков написал эти стихи, после публикации в начале 1970-х годов первых работ И.М. Ободовской и М.А. Дементьева⁵, основанных на неизвестных до этого документах и более внимательном изучении стихов и писем великого поэта, воспоминаний и писем его окружения.

Стихотворения «Здравствуй, Пушкин!» и «Извинение перед Натали» роднит образ «любовь и горе» — так называет Смеляков великого поэта в связи с его трагической гибелью. Эти стихотворения можно условно объединить в цикл, связанный со смертью Пушкина, куда входят и стихи «Натали».

В 1960-е — начале 1970-х годов Ярослав Смеляков стал гораздо чаще в своих произведениях обращаться к имени А.С. Пушкина, в его суждениях появилась глубина и мудрость. Ярослав Васильевич переосмысливает биографию и произведения великого поэта, начиная с самых первых, а именно с первого опубликованного стихотворения «К другу стихотворцу» в журнале «Вестник Европы». Юный Пушкин обращается к своему столь же юному коллеге по перу Вильгельму Кюхельбекеру, рассуждая о превратностях судьбы поэтов и предостерегая лицейского однокашника от поэтического пустозвонства: *«Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет, хорошие стихи не так легко писать»*.

В 1960 году Ярослав Смеляков пишет стихотворение с почти таким же названием — «Письмо к другу стихотворцу»,

посвятив его Михаилу Луконину. В ту пору оба они были уже маститыми, признанными поэтами, и стихи Смелякова получились как бы продолжением лицейского стихотворения Пушкина спустя поколения. Смеляков ведёт речь о гражданственности поэзии — своей и Луконина:

*Вдыхая жадно воздух здешний,
с тобою вместе мы вдвоём
без фейерверка, неспешно,
хоть время к вечеру, идём.*

*Мы отвергаем за работой —
не только я, не только ты —
красивости или красоты
для социальной красоты.*

И далее о мастерстве, когда поэты «добывают»
*...то словцо и то словечко,
произнесённое в упор,
что как истопленная печка
и как в зазубринах топор.*

Размышляя о творческом пути Пушкина после его блестящего выступления на лицейском экзамене в 1815 году, которое восхитило Г.Р. Державина, благословившего юного поэта, как бы увенчавшего его своим венком славы, Ярослав Смеляков пишет образное стихотворение «Лавровый венец» о том, как постепенно Пушкин вырос из этого венца поэзии XVIII — начала XIX века и, освободившись от него, пошёл своим путём к новым творческим горизонтам:

*Венок судьбы чужой,
награду дорогую,
он снял своей рукой,
стыдясь и торжествуя.*

*В один и тот же миг
единственным движеньем
и сам себя расстриг,
и принял постриженье.*

Одно из стихотворений Смелякова — «Кто ресторацией Дмитраки» — написано с чувством юмора. Эпиграфом стали

строки, автор которых не установлен и которые в духе Пушкина написал, скорее всего, сам Ярослав:

*...И в ресторации Дмитраки
Шампанским устриц запивать.*

Это поэтическая компиляция разных источников на тему пребывания Пушкина в Одессе, где он посещал греческий ресторан Дмитраки, упоминаний у юного Пушкина шампанского и строк из «Путешествия Онегина»:

*Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых...*

А в стихотворении Смелякова речь идёт вовсе не о том, как друзья наслаждаются деликатесами в ресторане, а об угощении дворянки копчёной колбасой, которая для неё тоже деликатес:

*Кто — ресторацией Дмитраки,
кто — тем, как беспорочно жил,
а я умом своей собаки
давно похвастаться решил.*

<...>

*Как мне ни грустно и ни тяжко,
но я, однако, не совру,
что не дворянка, а дворяжка
мне по душе и ко двору.*

<...>

*И даже день назад впервые
пижону — он не храбрым был —
порвала брюки голубые.
И я за это уплатил.*

*Потом в саду непротивленья,
как мой учитель Лев Толстой,
её за это преступленье
кормил копчёной колбасой.*

Здесь Ярослав словно заражается пушкинской весёлостью, юмором. В стихотворении «Чувство юмора» он создаёт

светлый образ Пушкина, который этим чувством обладал в полной мере:

*Я рад поднять веселья кружку
за то, что сам ханжой не стал,
что заливался смехом Пушкин
и Маяковский хохотал.*

В «Стихах, написанных в псковской гостинице», Смеляков передаёт свои ожидания и впечатления от посещения Пушкинского заповедника:

*С тех самых пор, как был допущен
в ряды словесности самой,
я всё мечтал к тебе, как Пуцин,
приехать утром и зимой.*

<...>

*Всё получилось по-иному:
день щебетал, жужжал и цвёл,
когда я к пушкинскому дому
нетерпеливо подошёл.*

*Но из-под той заветной крыши
на то крылечко без перил
ты сам не выбежал, не вышел
и даже дверь не отворил.*

В воображении Смелякова Пушкин остаётся живым, как и его стихи. И в последнем катрене Ярослав Васильевич делает заключение о том, что не надо и невозможно повторять прошлое,

*А надо лишь с благоговеньем,
чтоб дальше действовать и быть,
те отошедшие виденья
в душе и памяти хранить.*

19 октября 1836 года А.С. Пушкин писал П.Я. Чаадаеву: «...клянусь вам честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как её послал нам Бог». С этой пушкинской мыслью перекликается афористичное стихотворение Я.В. Смелякова «Надпись на “Истории России” Соловьёва» (1966):

*История не терпит славословья,
трудна её народная стезя.
Её страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

«Залитые кровью страницы» — это для Ярослава Васильевича не только трагические события истории, войны, террор, но и безвременная гибель наших великих поэтов — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского. В стихотворении «Три поэта» Смеляков создаёт фантастический образ: московские памятники трёх поэтов, подобно статуе Командора в трагедии Пушкина, сходят со своих пьедесталов и идут по заснеженным бульварам как бы поэтическим дозором:

*Увидавши их издали —
всяко бывает, —
вся ночная милиция
им козыряет.*

Изучая наследие А.С. Пушкина, Ярослав Смеляков принимает активное участие в литературной полемике своего времени, высказывая много глубоких мыслей. Вот, к примеру, его размышления о литературном русском языке, с которыми, на наш взгляд, нельзя не согласиться: «У каждого нашего большого писателя есть — внутри общенационального языка — свой собственный: язык Пушкина, язык Гоголя, язык Тургенева, язык Толстого, язык Некрасова, язык Блока, язык Маяковского, язык Есенина.

У Пушкина он, пожалуй, всего шире и разностороннее. Потому что родоначальник русской литературы не только по-хозяйски собрал опыт своих предшественников, но и закладывал прочные основания для строительства всех будущих литературных направлений, кроме футуристического и декадентского. <...>

Все сколько-нибудь значимые русские поэты вышли оттуда, все прошли эту строгую школу. Ещё и теперь мы с любовью и трепетом нет-нет да и оглянемся на высящийся где-то сзади в весеннем тумане и указывающий вперёд, схожий с Медным всадником, нерукотворный памятник Пушкину.

Интересно, что пушкинский словарь, за крайне редкими исключениями, не устарел, не обветшал, а языковые псевдоновации совсем недавних иллюзионистов пера выглядят уже сейчас жалко и непонятно»⁶.

В 1969 году на страницах «Литературной газеты» развернулась полемика о гражданственности современной поэзии. Ярослав Смеляков успешно оспорил мнение известного поэта Виктора Бокова, который считал всё, написанное Пушкиным, в той или иной мере гражданственным: «Конечно же, всё, созданное Пушкиным, прекрасно. Но даже у гения есть вещи большей или меньшей значимости по отношению друг к другу. Думается, что “Медный всадник” и выше, и важнее “Домика в Коломне”, а “Полтава” — “Графа Нулина”. <...>

Нет, уж лучше не надо, как ни жаждет этого Боков, зачислять «Гусара» с его скребницей и метлой в гражданский строй. Ему самому покажется там одиноко и неловко.

У Пушкина гражданских произведений множество. В ходе дискуссии упоминалась только самая малая часть. Вспомним, как сам Пушкин перед лицом истории, за несколько месяцев до трагической гибели, определил своё назначение и что он считал главным в своей жизни:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Эти строки написаны не мимоходом, не под влиянием минутного настроения. Исправляя и уточняя “Памятник”, он вычеркнул строчку: “Что звуки новые для песен я обрёл”, предпочитая другую, имеющую не узколитературный, а социальный смысл»⁷.

В 1971 году, размышляя о сути классической и современной ему поэзии, Смеляков полемизирует с юными собратьями по перу, слишком буквально воспринимающими слова Пушкина: «Некоторые молодые поэты с радостью подхватили пушкинскую фразу из письма к Вяземскому: “А поэзия, прости Господи, должна быть глуповата” — и сделали её своим лозунгом. Но ведь Пушкин не сказал, что по-

Ярослав Смеляков.
Фото середины 1960-х гг.

Александр Пушкин.
Худ. И.Л. Линёв. 1837 г.

эзия должна быть глупой, а глуповатой, то есть простодушной, эмоциональной. Поэзия не может жить только одним умом, но и без ума она не может обойтись.

Может быть, моё понимание пушкинского замечания покажется самонадеянным и неверным. Тогда обратимся к самому Пушкину. Осмелится ли кто-либо назвать “Бориса Годунова” или “Медного всадника” глуповатыми? А как быть с «Вакхической песней», где Пушкин упоённо восклицает: “Да здравствуют музы, да здравствует разум!” и называет именно ум бессмертным солнцем? Или, может, стоит по этому поводу ещё раз вспомнить его же “Пророка”?

И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.

За плечами каждого подлинного стихотворения стоит жизнь. Стихи возникают только в результате участия автора, столкновения с нею или хотя бы наблюдения.

Стихотворение, ещё невидимое, появляется в ту минуту, когда сама жизнь заставляет твоё сердце дрогнуть или замереть»⁸.

1972 год стал последним в жизни Ярослава Смелякова. Несмотря на болезнь, он многое переосмыслил в своих жизни и творчестве и увенчал сложившуюся у него за много лет пушкиниану яркими и мудрыми стихами.

В стихотворении «Калмык» стареющий поэт выразил свои впечатления от чтения калмыцким пастухом стихов Пушкина. Как известно, «друг степей калмык» упоминается в стихотворении Пушкина «Памятник». И Смеляков пишет в связи с этим:

*Хоть я достаточно привык,
но снова голову теряю,
когда мне Пушкина калмык
благоговейно повторяет.*

Слушая калмыка и оценивая его понимание строк великого поэта, воспринимая само чтение «как исполнение предсказания», Ярослав будто заново переживает свои путешествия по пушкинским местам, где он воображал себя свидетелем и участником жизни великого поэта:

*Как словно мне всё это внове
и я в Тригорском не бывал,
не пил фетяску в Кишинёве,
в Одессе устриц не глотал...*

Несколько стихотворений Ярослав Смеляков посвятил паровозам, поездом, да и собственные жизнь и творчество представлял в виде поэтического образа мчащегося по магистрали поезда:

*Свисток и грохот — нет заглушки!
Свет и движенье — не свернуть!
Его не кто-нибудь, а Пушкин
отправил в этот дальний путь.*

В одном из последних своих стихотворений «Не в парадную дверь музея...» Ярослав Васильевич писал:

*Будто не было жизни трудной,
поражений, побед, обид.
Вот сейчас из-за двери чудный
голос Пушкина прозвучит.*

*И, в своём самомненье каюсь,
не решаясь ни сесть, ни встать,
от волнения заикаясь,
буду я — для него — читать.*

*Как бы ни было — будь что будет,
в этом вихре решаюсь я:
пусть меня он сегодня судит,
мой единственный судия.*

Пушкиниана Ярослава Смелякова обширна и многообразна. Он любил А.С. Пушкина, его творчество, многократно перечитывал его стихи и прозу, письма и труды пушкиноведов. Смеляков посвятил Пушкину целый ряд образных стихотворений, наполненных личными ассоциациями. Сначала стихи были по-юношески запальчивы, эмоциональны, особенно «Здравствуй, Пушкин», «Натали» и «Извинение перед Натали». Важной причиной этого было господствующее в советском обществе мнение о Пушкине и его жене. Много испытав, Смеляков переосмыслил роль Пушкина в своей жизни и творчестве, пришёл к заключению, что великий поэт был для него не только ключевым источником и вдохновителем творчества, но и главным ориентиром, «единственным судьёй». Poleмические высказывания Смелякова о Пушкине, его произведениях в 1960-е — начале 1970-х годов отличались глубиной и мудростью.

Ссылки и комментарии

¹ Смеляков Я.В. Собрание сочинений в 3 т. — М.: Молодая гвардия, 1978. Т. 3. С. 128. В настоящей книге все произведения Я.В. Смелякова публикуются и цитируются по этому изданию.

² Там же. С. 315.

³ Перцов П.П. Смерть Пушкина. 1887. http://az.lib.ru/p/percow_p_p/text_0030.shtml

⁴ Щёголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. — М.: Книга, 1987. С. 13.

⁵ В 1974—1975 гг. впервые вышли в свет в издательстве «Советская Россия» книги М.А. Ободовской и М.А. Дементьева «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина».

⁶ Только заметки (1967) // Смеляков Я.В. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. С. 134—135.

⁷ Чтоб бился пульс времени // Там же. С. 150—151.

⁸ Предисловие к сборнику избранной лирики Ф. Чуева // Там же. С. 304—305.

Стихотворения о Пушкине

Здравствуй, Пушкин!

Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это —
словно дверь в другую жизнь открыть —
мне с тобой, поэтом всех поэтов,
бедными стихами говорить.

Быстрый шаг и взгляд прямой и быстрый —
жжёт мне сердце Пушкин той поры:
визг полозьев, песни декабристов,
ямбы ссыльных, сказки детворы.

В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.

Мы несли тебя — любовь и горе —
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре —
к новой жизни, к будущей стране.

Прямо в очи тихо заглянули,
окружили нежностью своей,
сами, сами вытащили пулю
и стояли сами у дверей.

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льётся вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днём рожденья, дорогой поэт!

Натали

Уйдя с испугу в тишь быта,
живя спокойно и тепло,
ты думала, что всё забыто
и всё травкою поросло.

Детей задумчиво лаская,
старела как жена и мать.
Напрасный труд, мадам Ланская,
тебе от нас не убежать.

То племя, честное и злое,
тот русский нынешний народ,
и под могильною плитою
тебя отыщет и найдёт.

Ещё живя в сыром подвале,
где пахли плесенью углы,
мы их по пальцам сосчитали,
твои дворцовые балы.

И не забыли тот, в который,
раба страстишечек своих,
толкалась ты на верхних хорах
среди чиновниц и купчих.

И, замирая то и дело,
боясь, чтоб Пушкин не узнал,
с мольбою жадною глядела
в ту бездну, где крутился бал.

Мы не забыли и сегодня,
что для тебя, дитя балов,
был мелкий шёпот старой сводни
важнее пушкинских стихов.

Извинение перед Натали

Теперь уже не помню даты —
ослабла память, мозг устал, —
но дело было: я когда-то
про Вас бестактно написал.

Пожалуй, что в какой-то мере
я в пору ту правдивым был.
Но Пушкин Вам нарочно верил
и Вас, как девочку, любил.

Его величие и слава,
уж коль по чести говорить,
мне не давали вовсе права
Вас и намёком оскорбить.

Я не страдаю и не каюсь,
волос своих не рву пока,
а просто тихо извиняюсь
с той стороны, издалика.

Я Вас теперь прошу покорно
ничуть злопамятной не быть
и тот стишок, как отблеск чёрный,
среди развлечений позабыть.

Ах, Вам совсем нетрудно это:
ведь и при жизни Вы смогли
забыть великого поэта —
любовь и горе всей земли.

Калмык

Хоть я достаточно привык,
но снова голову теряю,
когда мне Пушкина калмык
благоговейно повторяет.

Те незабвенные слова,
как духи музыки и света,
не утратили волшебства
от гордой тщательности этой.

Считает, видно, мой джигит
в своей простительной гордыне,
что Пушкин впрямь принадлежит
степному воздуху полыни.

Что житель русских двух столиц
не озарялся их огнями,
а жил, седлая кобылиц
или беседуя с орлами.

И с непокрытой головой,
играя на своей свирели,
шёл за кибиткой кочевой
между тюльпанами апреля.

С каким я слушаю стараньем,
как тихо ахаю в ответ,
как будто полного Собрания
на полке не было и нет.

Как словно мне всё это внове
и я в Тригорском не бывал,
не пил фетяску в Кишинёве,
в Одессе устриц не глотал.

И с осторожностью весёлой
для ожидающих веков,
пока он спал, я утром с полу
не собирал черновиков.

Как будто я из церкви тоже
не выносил на паперть прах
и гроб мучительный рогожей
не я укутывал в санях.

Читай ещё, пастух степной.
Я чтение это не нарушу.
От повседневности такой
мне перехватывает душу.

Как сердце бедное унять?
Скорей бы пушкинская сила
его наполнила опять
или совсем остановила.

Звучит среди сосен и снегов
до потрясения сознания
то исполнение стихов
как исполненье предсказанья.

**Актриса Алевтина Мартыкайнен:
«Понять поэзию самой жизни...»**

Каждый раз я с нетерпением и волнением жду поездки в Санкт-Петербург, чтобы оттуда отправиться на станцию Поповка Тосненского района Ленинградской области, в посёлок Красный Бор. На родину актрисы Алевтины Мартыкайнен, с которой мы не были знакомы, но которая подарила мне целый мир, став частью моей души.

Поповка — место живописное, с интересной историей. В 90-е годы XIX века в имении в Поповке проводил лето и зимние каникулы будущий поэт Николай Гумилёв. Здесь ещё до поступления в гимназию он начал сочинять басни, а позднее и стихи.

В начале XX века близ железнодорожной станции Поповка по почину инженера-электротехника Михаила Подобедова расположились дачные посёлки, были вымощены дороги, проведена конка, открыты школа, библиотека, церковь, почта, пекарня, магазины, аптека, летний театр.

В 1914—1917 годах в Поповке жил и работал Иннокентий Николаевич Жуков, выдающийся скульптор, педагог-новатор, писатель-фантаст, публицист. Скульптуры Жукова имели глаза со зрачками, что придавало их лицам живое выражение.

В Поповке Иннокентий Николаевич руководил отрядом скаутов, штаб которого размещался в его лесной скульптурной мастерской. Жуков стоял у истоков пионерского движения. Именно он предложил ввести для участников новой детской организации название «пионеры», алый треугольный галстук, костёр на пионерском значке, девиз «Будь готов!» и отклик «Всегда готов!».

После революции Поповку и все близлежащие населённые пункты объединили в посёлок Красный Бор, который рос и благоустраивался, а в 1935 году был преобразован из дачного в рабочий. Кстати, именно станция Поповка упоминает-

ся в популярнейшем стихотворении Самуила Маршака «Вот какой рассеянный».

Во время Великой Отечественной войны Красный Бор подвергся оккупации, здесь проходила линия обороны Ленинграда, велись тяжёлые бои с большими потерями. Все дома, сооружения и парки были уничтожены, дороги разбиты. Лишь один куст шиповника уцелел и зацвёл на руинах. Поэт Вадим Шефнер в 1943 году написал об этом стихотворение «Шиповник».

После войны посёлок отстраивали заново, сажали деревья и кустарники. Красный Бор возрождался, ширился, расцветал, дети пошли в новую школу. В начале 1960-х годов в посёлке начал работать радиоцентр, появились многоэтажные дома, магазины, детский сад.

Будущая актриса Алевтина Мартыкайнен родилась в Красном Бору 28 июня 1961 года. Точнее, на свет она появилась в роддоме города Колпино.

В посёлке все звали её Аллой. А в памяти однокурсников она осталась Алей, Алевтинкой. И мне, когда я думаю и пишу о ней, ближе имя Аля.

Её отец Тойво Семёнович, финн по происхождению, был человеком мастеровым, хорошим столяром и плотником. Он сам построил добротный дом с резьбой на фронтоне крыши и наличниках окон, провёл паровое отопление, которое тогда было не у всех, соорудил рядом баню. Односельчане называли Тойво Семёновича Толей. Он работал столяром на плодоовощной базе, а мама Людмила Дмитриевна — в столовой соседнего посёлка Ульяновка.

Весной дом утопал в цвету яблоневого и вишнёвого сада, а осень была наполнена ароматом спелых яблок. Перед крыльцом росла раскидистая берёза, свидетельница детских лет Али.

Её первой подружкой стала соседка Галя Оличева. Играли и ночевали то в одном доме, то в другом. Дружили и их родители.

«Я очень хорошо помню внешность Аллы: небесно-голубые глаза, светлые волосы и немного кокетства, — рассказывает Галина. — Мы все жили небогато и дружно. Родите-

ли допоздна на работе, а нам вдвоём было не страшно и не скучно. Играли в фантики от конфет, закапывали в землю “секретики” — осколки разбитой цветной посуды. Наряжали покупных картонных куколок в бумажные платица и костюмчики и сами рисовали им наряды. Мы никогда не ссорились и ничего не делили. Летом выносили в палисадники кукол, пупсиков, посудку. В огородах для кукольного обеда всё росло на грядках. Кукол “кормили” и себя не забывали. Зимой катались на санках с горок. У Аллы были лёгкие “финки” на металлических полозьях — редкость в то время, и она давала на них всем покататься. В сугробах мы делали пещеры, гуляли дотемна. С мальчишками играли в войну: Алла — врач, я — санитарка, а мальчишки — раненые партизаны. Нам нравились подвижные игры: “Али-Баба”, “Море волнуется раз”, прятки, салки, вышибалы, классики, прыжки со скакалкой.

С Аллой мы завели правило: убирались сначала в одном доме, потом пролезали через дырку в заборе и убирались в другом. У нас часто отключали свет, и мы сидели вечерами при свечке. С неё капал оплывший воск, из которого мы делали новую свечку: клали на стол бечёвку, закатывали её в воск, получалась “колбаска”. Она чадила, трещала, но горела, и это было счастье!

Алечка. 1 сентября 1969 г.

Алла была не по годам самостоятельная, рассудительная, добрая, всех жалела. Я на год старше неё, а мне всегда казалось, что это она старше меня. Росла Аллочка очень трудолюбивой. На форменное школьное платье сама пришивала сменный воротничок, отпаривала платье, передник, ленты, бережно относилась к вещам, была аккуратисткой».

1 сентября 1968 года Аля пошла в 1 «А» класс Красноборской школы. Первую учительницу звали Валентина

Левое фото: Аля (слева) с подругой детства Галей Оличевой. 1976 г.

Правое фото: Аля (справа) с одноклассницей Леной Шуваловой на практике в совхозе имени Тельмана. 1977 г.

Васильевна Дементьева, а классного руководителя в средней школе — Екатерина Григорьевна Чурбанова. В школьные годы девочка дружила с одноклассницами Таней Крупениной, Леной Дмитриевой, Наташей Тихоновой. А ещё с Леной Шуваловой, с которой появилась на свет в один день в одном и том же роддоме.

«В школе мы встречались на переменах, ходили друг к другу в класс, — вспоминает Галина. — Любили читать, брали книги в библиотеке, шли по дороге и читали. Спотыкались о камни, а всё равно читали на ходу. Очень нравились нам сказки, особенно Андерсена. Плакали над “Русалочкой” и смеялись над “Голым королём”. Обожали “Приключения Незнайки” Носова. И, конечно, одной из любимых была книга Гайдара “Тимур и его команда”.

...Я всегда буду вспоминать мою первую подружку Аллочку с грустью и теплотой, как светлый лучик из прошлого».

В июле 1970 года, когда Але было 9 лет, появился на свет её младший братик Серёжа. «Я помню, как мы с нетерпением ждали тётю Люсю с малышом из роддома, пекли блины, убирались, — рассказывает Галина. — Мы так радовались приезду тёти Люси и Серёжки! Он был очень хорошенький: толстенький, розовощёкий и белокурый».

Аля обожала братика, с удовольствием нянчилась с ним, гордилась ролью старшей сестры. Лето пролетело в приятных хлопотах, а в сентябре в дом пришла беда. В результате несчастного случая двухмесячного Серёжи не стало. Все сочувствовали семейному горю. Алечка очень переживала,

плакала. Успокоение находила в школе среди одноклассников. А дома рядом всегда была Галя. Ещё до рождения Серёжи подружка тоже пережила трагедию — смерть отца. И в те тяжёлые дни Аля поддерживала и утешала Галю как могла. Девочки всегда спешили друг к другу на помощь.

Але очень нравилось участвовать в художественной самодетельности. Это были первые шаги к будущей профессии. Девочка говорила, что обязательно станет артисткой. Судьбоносным для неё стал спектакль «Маленький шарманщик» по пьесе Льва Устинова.

Вспоминает Светлана Александровна Циклаури, артистка Санкт-Петербургского камерного театра Малыщичко: «Я заканчивала в 1973 году учёбу на режиссёрском отделении Ленинградского института культуры и должна была представить комиссии свой дипломный спектакль. В то время я руководила небольшим взрослым театральным коллективом, в котором ставились одноактные спектакли с малым количеством участников. Но мне хотелось не только испытать силы в постановке полноценного спектакля, но и поработать над одной из моих любимых пьес — «Маленьким шарманщиком» Льва Устинова. Куда я тогда могла обратиться за помощью?! Конечно, в мою родную Красноборскую школу, в которой за восемь лет был изучен каждый уголок и где работали мои любимые учителя. Мою просьбу с радостью приняли, мне предложили для постановки спектакля «самый творческий класс». Это оказалось сущей правдой: тогдашнее общение с этими пятиклассниками стало настоящим праздником. Мы сплотились в единую команду, и всё получалось словно само собой. Великолепны были все ребята. Роли, доставшиеся им, сыграли яркими красками, стали запоминающимися: Мальчишка-шарманщик (его сыграла Таня Крупенина), Недовольный, Хозяин таверны, Наместник, Парень и Девушка. А вот Уродов — слуг Наместника, носителей зла — ребятам воплотить на сцене было не только интересно, но и невероятно сложно. Ведь никому из детей не хочется играть злодеев, а эти роли не из добрых. Приходилось объяснять, что чем они правдивее смогут это сделать, тем лучше для

*Участники спектакля «Маленький шарманщик». 1973 г.
Алевтина первая слева в верхнем ряду*

спектакля. И они прекрасно справились с поставленной задачей.

Но я хочу написать о девочке, сыгравшей Корреспондента заграничной газеты, — Алевтине Мартыкайнен, навсегда оставшейся для меня Аллочкой. При распределении ролей я сразу выделила её из всех и уже определила для себя: вот кто будет играть Мальчишку-шарманщика. Но по мере чтения и разборки материала вдруг поняла: «короля сыграет свита», как иногда мы говорим. То есть все действующие в спектакле лица создают ситуацию вокруг главного героя, как бы поддерживая Мальчишку-шарманщика, который каким смелым и добрым пришёл в этот город, таким и ушёл, особо не меняясь внутри. А вот роль Корреспондента неоднозначна и, на мой взгляд, глубока. На протяжении спектакля он меняется от светлого, увлечённого своим делом человека до циничного писаки. Познакомившись с Аллой поближе, я поняла, что с ролью Корреспондента может справиться только она — живая, подвижная и глубоко чувствующая девочка. Не всех ребят из того эксперимента помню хорошо, но, выбрав

*Таня Крупенина (слева) и
Аля Мартыкайнен
в школьном спектакле*

её на одну из сложнейших ролей, не ошиблась. Она справилась с ней блестяще, показав все стадии отмирания в человеке всего человеческого. И если (по пьесе) у Наместника и Уродов “вместо сердца внутри бьётся страх”, то в груди Корреспондента образовалась гулкая пустота.

Не думаю, что к выбору Аллой актёрской профессии причастна я, хотя наша постановка, возможно, утвердила её в этом. В ней тогда уже зрел талант и рождалась будущая артистка».

С этого спектакля началось Алино увлечение театром. Ребята ставили сказки, играли их в школе и в клубе. Есть фотография, запечатлевшая сцену одного из сказочных спектаклей: Таня Крупенина в роли девочки, а Аля — в роли мальчика. Дети стоят на фоне декораций сказочного леса, у Тани в руках — мяч в сетке-авоське, а у Али — сачок для ловли бабочек, на него падает свет лампы, и кажется, что сачок светится.

Аля, Таня Крупенина и Лена Дмитриева учились ещё в музыкальной школе, вместе ездили на электричке на станцию Саблино, в посёлок Ульяновка. Аля и Таня занимались по классу аккордеона, а Лена — по классу фортепиано.

Преподаватель по аккордеону Валентина Михайловна Кучина запомнила Алю как ответственную, старательную, способную ученицу, которая, несмотря на жизненные трудности, всегда улыбалась и сохраняла оптимизм. «Аллочка любила читать, я давала ей книгу Гюго “Собор Парижской Богоматери”. Девочка была потрясена романом и его героями, а я рассказывала ей о балете Ролана Пети по этому произведению», — вспоминает Валентина Михайловна.

Алевтина в школьные годы

Сохранилась свадебная фотография Татьяны, двоюродной сестры Али. На этом снимке Аля счастливая, смеющаяся, с букетом садовых ромашек. До страшного несчастья оставалось совсем немного.

1 сентября 1974 года трагически погибла мама Али. Девочка очень страдала. Отец был человеком суровым и немногословным, и близкие понимали, что Але необходимы женское участие, поддержка, сочувствие. Она перешла жить в дом своей тёти и крёстной, маминой сестры. Нина Дмитриевна и её супруг Анатолий Никифорович Зуевы окружили племянницу теплом и заботой. Аля ласково называла крёстную Кокочкой. А Тойво Семёнович навещал дочку, помогал материально.

С 7-го класса вместе с Алевтиной стала учиться Светлана Прохорова, которая переехала с родителями в Красный Бор из Павловска. Девочки подружились.

«Аллу в школе любили, — вспоминает Светлана. — Она всем интересовалась, всех старалась понять, была оптимисткой, хохотушкой. Хорошо играла на аккордеоне, много читала. В классе любили слушать стихи в её исполнении. Все сразу затихали. Она писала интересные сочинения. Их всегда читала классу наша учительница русского языка и литературы Серафима Сергеевна Филиппова. Бывало, одноклассники просили нас: «Спасайте! Никто ничего не выучил!» И тогда одна из нас высказывала на уроке суждение, а другая начинала оспаривать его, к обмену мнениями подключались остальные ребята. Учительнице нравилось, что ученики рас-

суждают. Так урок проходил без опроса, а мы ещё и пятёрки получали, видимо, за рассуждения. В старших классах часто “гршили” этим».

Школа была для всех вторым домом. Сколько счастливых моментов связано с ней! Ребята участвовали в концертах и спектаклях агитбригад, пели в вокальном ансамбле, ездили выступать по районным домам культуры. Сажали деревья на пришкольном участке. Помогали в совхозе имени Тельмана на уборке урожая. Алевтина в старших классах была председателем совета дружины, поэтому до самого окончания школы носила пионерский галстук.

Алевтина в «Артеке». Август 1976 г.

На новогоднем празднике Аля превращалась в Снегурочку, а в спектакле «Золушка» играла роль Короля.

После окончания 8-го класса по районной путёвке Алевтина отдыхала в Крыму, в пионерском лагере «Артек». Она стала там членом совета искусства дружины «Лазурная» и за активную работу в отряде была награждена памятной фотографией. Из «Артека» Аля вернулась загорелая, повзрослевшая, с восторгом делилась с ребятами новыми впечатлениями. На школьном фартуке рядом с комсомольским значком теперь красовался значок «Артека» — пламя пионерского костра на фоне гор.

Евгений Никифоров, учившийся в параллельном с Алей классе, поделился такими воспоминаниями: «Летом 1977 года воспитанники и тренеры секций лёгкой атлетики поселковых школ отправились на автобусе по ленинским местам Карельского перешейка. От нашей секции поехали мальчишки разных возрастов и одна девушка — Наташа Владимирова. Ей предложили взять с собой подругу, и она взяла

Аллу, с которой они с 9-го класса учились вместе. Мы ночевали в палатках, готовили на костре, устраивали соревнования. Посетили “Шалаш Ленина” в Разливе, музей “Ялкала” в посёлке Ильичёво, озеро Красавица, Выборг».

*Алевтина Мартыкайнен, Светлана Прохорова и Ольга Шварц
(слева направо). 1 мая 1977 г.*

Будучи ученицами 10-го класса, Аля со Светой Прохоровой ездили в Эстонию к Хельми и Сальми, тётям Али по отцу. Светлана рассказывает: «Помню, поезд из Ленинграда в Таллин прибыл ранним утром. Мы бродили по пустому старому городу и набрали на собор. Его открыли рано. Мы зашли внутрь, сели на скамьи, и вдруг заиграл орган. Впервые его услышали. Мы обе были в полудрёме, и вдруг — орган! Глаза раскрыли, а перед нами сидит... Пушкин! Мы не понимали, как это, что это? Кудрявый, бакенбарды, характерный нос, но... в куртке. Мы потом решили, что это съёмки и актёр был в гриме, но так рано...

А потом зашли в кафе и заказали кофе и пирожные — песочные полосочки с коричневой помадкой. Но самое удивительное было то, что на каждой полосочке лежала веточка красной смородины. В те времена мы такого не видели. Свежая смородина! А дальше в кафе мы учились этикету. Все вокруг ели пирожные ложечками, а мы сначала взяли их руками. Потом, глядя на других, тоже стали есть ложечками.

А ещё в кафе пришли, как тогда казалось, старушки. Одна из них была в клетчатых брючках. В те годы и девчонки-то не так часто носили брюки, а женщины в возрасте тем более. Мы сидели и любовались ими. Они были спокойны и, не торопясь, пили свой утренний кофе. Помнится, что мы мечтали: когда станем старушками, будем, как и они, сидеть в кафе, есть пирожные и обсуждать новости. В общем, было море впечатлений от этой близости к Западу. Затем мы поехали в Рапла к Хельми, жили у неё. Маленький чистый городок. В доме Хельми всё было сделано её руками: покрывало на диване, подушки — всё вышито, связано. Сальми жила в соседнем населённом пункте, мы ходили к ней в гости. Тётушки были очень рады Алле, подарили ей рыжую шубу, она после в ней долго ходила».

В 1978 году Алевтина окончила Красноборскую среднюю школу на пятёрки и четвёрки. В школьной характеристике говорилось не только о её способностях, общественной активности и любви к литературе и музыке, но и подчёркивалось, что она «по характеру весёлая, энергичная, общительная, отзывчивая, добрая, самокритичная».

Светлана делится воспоминаниями: «Выпускной вечер проходил в школе в спортивном зале. На Алле было светлое платье с мелким рисунком, шёлковое, летящее. После выпускного мы пошли небольшой группой гулять по ночной Поповке. Сидели под железнодорожным мостом, жгли костерок и болтали. Радостные были и вдохновенные. А ещё помню, мы ели апельсин. Один на всех».

От управления культуры Леноблисполкома Алевтина получила направление на учёбу в Ленинградский государственный институт культуры имени Н.К. Крупской (ЛГИК) на дневное отделение факультета культурно-просветительной работы в счёт выделенных для сельской молодёжи целевых мест.

Вступительное сочинение абитуриентка писала на тему «Поэзия есть жизнь, действие, борьба, страсть...» (цитата из Н.Г. Чернышевского). В этой работе она выразила своё отношение к отечественной поэзии и любовь к ней. «Наверное, у каждого человека есть в литературе имена бесконечно доро-

гие и близкие сердцу, — писала Аля. — Так с детства поселились в моей душе сказки Пушкина и стихи Маяковского. С тех пор и само слово “поэт” у меня ассоциируется с пушкинской вдохновенностью и суровой прямоотой Маяковского. <...>

Стихи Пушкина и Маяковского помогают переносить невзгоды и радости, учат доброте и справедливости, а самое главное — помогают понять поэзию самой жизни, открыть для себя мир прекрасного».

Аля поступила на факультет культурно-просветительной работы по специальности «режиссёр драмы» на курс Сергея Александровича Чистякова. Также режиссёрами курса были Александр Сергеевич Никулин, Владимир Петрович Марков. Ранее курс С.А. Чистякова окончила и С.А. Циклаури, ставившая в Красноборской школе «Маленького шарманщика».

В учебную программу института входили теоретические дисциплины, культурно-просветительная работа, художественная специализация. Однокурсники Алевтины вспоминают, что жаль было тратить драгоценное время на подготовку марксистско-ленинских предметов, хотелось больше репетировать, заниматься творчеством, но требовалась успешная сдача всех без исключения дисциплин. А в так называемом третьем трудовом семестре студенты работали на уборке урожая в совхозе имени Тельмана, где Аля уже трудилась во время школьной практики.

Студенческая жизнь в Ленинграде полностью захватила Алю. Она восхищалась всем увиденным и услышанным. Рассказывает однокурсница и подруга Алевтины, актриса театра и кино, режиссёр, педагог по голосо-речевому тренингу Наталья Муравьевская: «Когда я увидела Алю в первый раз, у меня было ощущение, что я встретила наяву с актрисой Еленой Соловей. Это были такие же распахнутые наивно глаза, такой же интерес к миру и какая-то хрустальная беспомощность. Как героиня Соловей говорит в фильме “Раба любви”: “Господа! Господа! Вы звери, господа!” — вот так и Аля всё время таким же почти голосом говорила, всё её удивляло. Они с Ирой Коваленко были самые юные среди нас, прямо со школьной скамьи. Аля меня поражала своей

чистотой и непосредственностью, а потом я наблюдала моменты её взросления...

В институте мы много репетировали, сами изготавливали костюмы и декорации для своих учебных отрывков и спектаклей. Ходили в звукозаписывающую студию на Невском проспекте, чтобы подобрать музыкальное оформление к постановкам. В студии была огромная фонотека, мы указывали в запросе, музыка какого характера нам необходима, получали аудиозаписи и прослушивали их на бобинных магнитофонах в отдельных кабинках. А для души Аля слушала “Адажио” Альбинони.

В моей учебной работе по сценической речи я как режиссёр готовила с Алей отрывок из романа “Война и мир” Л.Н. Толстого. Аля читала такой фрагмент: умер Андрей Болконский, Наташа Ростова потрясена, не реагирует ни на кого, её раздражают домашние звуки. Она решает, что уйдёт вслед за Болконским. И в этот момент приносят известие о гибели её младшего брата Пети. Наташу возвращает к жизни только забота о матери, находящейся при смерти. Аля эмоционально, проникновенно читала, она прожила этот эпизод, у нас получился хороший моноспектакль.

Курсовыми спектаклями, в которых участвовала Алевтина, были “Капля мёда” Ованеса Туманяна и “Лёнушка” Леонида Леонова. По иностранному языку нашей экзаменационной работой был спектакль “Крестьянка из Хетафе” по пьесе Лопе де Вега. Мы ставили его на испанском языке, который преподавала нам Наталья Георгиевна Рудина. Танцы готовили с хореографом Наталией Николаевной Перевязко. Мы сами шили себе “испанские” юбки: ткани необходимого цвета в магазинах не нашли, купили кумач и окрасили его специальной краской.

В дипломном спектакле “Гнездо глухаря” по пьесе Виктора Розова Аля исполнила роль Зои.

Ещё ставили отрывки из пьесы Юджина О’Нила “Анна Кристи”, это была учебная работа нашего однокурсника Юрия Ковалёва.

Однажды я поехала домой в Великие Луки отмечать свой день рождения. И Аля с нашей общей институтской подру-

Алевтина в студенческие годы

гой неожиданно приехали ко мне утренним поездом, чтобы поздравить. Мы целый день ходили по городу. Это была атмосфера молодости, счастья, единения, я была потрясена и рада, что они приехали ко мне, мы всё время хохотали от всякого пустяка, как это свойственно молодости...»

С любовью говорит об Але её подруга Ирина Коваленко, актриса театра и кино, педагог: «Я никогда не называла её Аллой, она всегда была Аля, Алечка. Голос её, смех как звоночек... Сначала она смеётся в зале одна, потом все оглядываются, шикают, в результате понимают, что этот голос, этот звоночек был верным, и уже весь зал начинает хохотать. Если Аля хохочет в зале, значит, спектакль идёт хорошо. Ещё она была щедра на комплименты, всегда одаривала нежностью, лаской.

Аля не завидовала никому, отдавала всё, не задумываясь, с чем останется сама.

Я ставила отрывок из пьесы Герхарта Гауптмана «Потонувший колокол», где Аля играла роль сказочного персонажа — девушки-эльфы Раутенделейн. Была прекрасна в этой роли...

Вспоминаю наши поездки в Поповку. Мы прыгали в электричку, приезжали на станцию, шли по снегу. Входили в дом: тепло, печка. Тётушка встречала нас, выставляла всякие яства на стол. Мы, голодные за целый день, уплетали всё подряд. У них я впервые попробовала салат из солёных огурцов со сметаной».

Ирина рассказывала, как летом 1979 года, окончив первый курс, они с Алей на практике работали вожатыми в пионерском лагере под Выборгом. В школьные годы обе были

Участники спектакля «Крестьянка из Хетафе» (1982) с преподавателем испанского языка Н.Г. Рудиной и хореографом Н.Н. Перевязко.

*Алевтина Мартыкайнен сидит первая слева в среднем ряду,
Наталья Муравьевская сидит вторая слева в нижнем ряду*

активными пионерками, и этот опыт очень пригодился в работе с детьми.

А ещё Ирина вспоминала о том, как они смотрели фильм «Барьер» по повести болгарского писателя Павла Вежинова с Иннокентием Смоктуновским и Ваней Цветковой в главных ролях, а потом читали повесть. История жизни и любви удивительной, искренней и чистой девушки Доротеи, умевшей летать, поразила Алю, а «Адажио» Альбиниони, прозвучавшее в фильме, стало одним из её любимых музыкальных произведений.

После окончания второго курса ЛГИКа Ирина поступила в ЛГИТМиК. Но их дружба с Алей продолжилась, они ходили друг к другу на спектакли, встречались.

В Ленинграде Аля часто виделась и со Светланой Прохоровой, учившейся в педагогическом институте имени А.И. Герцена. Она бывала у Али на учебных показах, знала её однокурсников. Светлана вспоминает: «Алла, будучи студенткой, часто повторяла слова из стихотворения Юрия Левитанского: “Жизнь моя — кинематограф, чёрно-белое кино”. Читала Пастернака “Свеча горела на столе...”. А ещё у неё было задание в институте: она пела песню Майи Кристалинской “Долго будет Карелия сниться”. Это была какая-то зачётная работа. Говорила, что Кристалинская — певица удивительная, слушала её. Когда мы бывали в Поповке и колесили там на велосипедах, Алла цитировала строки из “Бессмертия” Михаила Светлова:

*Как мальчики, мечтая о победах,
Умчались в неизвестные края
Два ангела на двух велосипедах —
Любовь моя и молодость моя.*

Говорят, в нашем народе есть такая черта: гордиться не собой, а своими друзьями. Я горжусь тем, что знала Аллу и общалась с ней. Ей были интересны люди, у неё был дар любить их... Это важная особенность её профессии, актёрского мастерства. Была она очень скромна, добра, внимательна, не жалела себя, всё пропускала через сердце. Она цветок, пробившийся сквозь асфальт и зацветший... Человек жив, пока о нём помнят».

В 1982 году Алевтина окончила институт культуры. Ей была присвоена квалификация «руководитель самодеятельного театрального коллектива». Вот что указано в её характеристике из института: «Мартыкайнен А. — одарённый актёрски человек и предельно любящий эту сторону своей профессии. <...> Очень доброжелательный товарищ, способный поступиться собственными интересами ради интересов общего дела...»

После окончания института Алевтина несколько месяцев работала в Сыктывкаре, затем вернулась в Ленинград. Она посещала репетиции и участвовала в спектаклях драматического ансамбля «Арена» в Ленинградском дворце культуры железнодорожников. Ансамбль был создан педагогами

ЛГИКа Александром Сергеевичем Никулиным, Наталией Николаевной Перевязко и преподавателем по вокалу, хормейстером, композитором Игорем Константиновичем Гороховым. Постановки «Арены» представляли собой сочетание драмы, поэзии, музыки, хореографии, пластики. В ансамбле выступали многие бывшие студенты ЛГИКа, в том числе драматург Тарас Дрозд. В постановке «Капля мёда» по притче Ованеса Туманяна Алевтина играла роль Кота, а в спектаклях «Испанская баллада» по произведениям Федерико Гарсиа Лорки и «Коррида» по поэме Евгения Евтушенко была задействована в массовых сценах.

Алевтина всегда помнила о своём первом творческом наставнике Светлане Александровне Циклаури, приходила к ней в Камерный театр Малыщицкого. Встречались они и в «Арене». Светлана Александровна с теплотой вспоминает талантливую молодую актрису: «Алла была особенной, не похожей ни на кого, обладала определённой мудростью. Она тянулась к людям. Никогда никого ни о чём не просила. Старалась отвести беду от человека, которому симпатизировала, обращая его внимание на возможные неприятности со стороны других людей, вероятно, уже столкнувшись с ними лично. В ней всегда была тяга к справедливости, честности, любви, даже не столько для себя, сколько для тех, с кем находилась рядом».

В 1983 году Алевтина поступила в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии имени Н.К. Черкасова (ЛГИТМиК) на факультет драматического искусства. Мастером курса был Игорь Олегович Горбачёв, профессор, народный артист СССР, художественный руководитель Ленинградского театра драмы имени А.С. Пушкина (в настоящее время Александринский театр). На курсе преподавали Лидия Григорьевна Гаврилова, Станислав Алексеевич Илюхин, Юрий Андреевич Васильев.

Хотя многие учебные дисциплины были уже знакомы Алевтине по институту культуры, она продолжала внимательно изучать их, ведь каждый педагог неповторимо преподавал свой предмет.

Профессор кафедры сценической речи, актриса, режиссёр Елена Игоревна Чёрная вспоминает: «Я преподавала Алевтине сценическую речь. Недолго, поскольку основным педагогом был у неё Юрий Андреевич Васильев. Мы готовили с ней к экзамену “Душечку” Чехова. Работа получилась хорошей, Алевтине был в чём-то близок характер Оленьки — как определённый тип женственности».

К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне студенты готовили отрывки из литературных произведений военной тематики. Алевтина трогательно исполнила роль Настёны в отрывке из повести Валентина Распутина «Живи и помни».

Репетиции проходили в мастерской “горбачёвцев” в театре драмы имени А.С. Пушкина, а спектакли — в Учебном театре «На Моховой».

Дипломными спектаклями были «Учитель танцев» по комедии Лопе де Вега, «Завтра была война» по повести Б.Л. Васильева и «Живой труп» по пьесе Л.Н. Толстого.

Прежде чем приступить к работе над спектаклем «Завтра была война», режиссёр С.А. Илюхин попросил у писателя Б.Л. Васильева разрешение на инсценировку. Студентам было интересно воплотить на сцене сюжет нового произведения, переосмыслить моменты истории. Спектакль стал первой постановкой по повести «Завтра была война» в Ленинграде. Премьерный показ состоялся в 1986 году, ещё до выхода на экраны одноимённого художественного фильма режиссёра Юрия Кары.

Алевтина сыграла в спектакле роль Валендры, очень убедительно представив зрителям образ жестокой бестактной учительницы, калечащей юные души. Але мастерски удалось перевоплотиться в героиню, абсолютно противоположную ей самой по нравственным качествам и характеру. В этой работе в полную силу раскрывался её актёрский талант, настоящий и глубокий. Зрителей потряс зловецкий образ Валендры. Самая яркая, пронзительная роль Алевтины Мартыкайнен.

В спектакле «Живой труп» Алевтина исполнила роль Лизы Протасовой, жены главного героя. Игорь Олегович

*«Завтра была война» (1986).
Зина Коваленко — Ю. Яковлева.
Валендра — А. Мартыкайнен*

*«Живой труп» (1987).
Анна Каренина — О. Фризоргер.
Лиза Протасова — А. Мартыкайнен*

Горбачёв очень хотел поставить этот спектакль, показывал студентам, как нужно играть ту или иную роль. Иногда приходилось создавать заново ранее отрепетированные сцены, потому что мастер находил другое режиссёрское решение. Это была очень трудоёмкая, но, безусловно, сильная и незабываемая работа.

В августе 1986 года, после окончания 3-го курса, студенты плавали на теплоходе по Оби с концертом-обозрением «Мы будем актёрами». Гастроли организовала Л.Г. Гаврилова. Сопровождал группу С.А. Илюхин.

Вот что рассказала однокурсница Алевтины Ольга Фризоргер: «Теплоход подходил к очередному населённому пункту — рыболовецкому совхозу, вечером за нами подавали старенький «рафик» или грузовик и везли в клуб. В первом отделении концерта мы показывали отрывки из произведений о войне, а во втором — пародии на зарубежных музыкальных исполнителей. На теплоход возвращались к полуночи, и там нас с нетерпением ждал кок с рыбным пирогом. Пирог он готовил восхитительно, а рыбу ловил сетями прямо по ходу теплохода.

Один раз нас разбудили рано утром (обычно мы просыпались поздно), построили в красном уголке для приветствия прибывшей на теплоход делегации работников рыбоперера-

батывающего завода во главе с директором. Нам привезли в подарок несколько мешков вяленой рыбы и пригласили на экскурсию на завод. После экскурсии мы гуляли по посёлку и увидели лоток с мороженым. Такой очереди за мороженым в этом посёлке не было никогда...»

Любительские фотографии из личного архива Ольги Фризоргер хранят памятные моменты этого плавания: студенты и их преподаватель на палубе теплохода; все расположились у автобуса со стаканчиками мороженого; Алевтина с преподавателем

С.А. Илюхиным и однокурсницами, загримированными под негритянок — солисток популярной дискогруппы «Boney M». Радостные, беспечные лица...

У студентов была ещё одна запоминающаяся поездка. В мае 1987 года они проходили производственно-ознакомительную практику в Болгарии, в Институте театрального искусства в Софии, выступали со спектаклем «Учитель танцев», в котором Аля играла в массовых сценах.

В свободное от показов и репетиций время студенты посетили памятник «Алёше» — советскому солдату-освободителю в Пловдиве. Выбирали подарки родным и близким. Алевтина привезла Светлане Прохоровой болгарское розовое масло в деревянном футлярчике.

В июне 1987 года Алевтина получила диплом об окончании ЛГИТМиКа. Сохранилась памятная фотография, на кото-

Ольга Фризоргер, Алевтина Мартыкайнен, Светлана Серваль (слева направо) с преподавателем С.А. Илюхиным на теплоходе. Август 1986 г.

Выпускники ЛГИТМиКа после вручения дипломов с мастером курса И.О. Горбачёвым и преподавателями. Алевтина Мартыкайнен четвёртая справа. Июнь 1987 г.

рой запечатлены счастливые, полные надежд выпускники с мастером курса И.О. Горбачевым, преподавателями Л.Г. Гавриловой, В.В. Петровым, Ю.А. Васильевым после вручения дипломов возле Учебного театра «На Моховой».

Окончив институт, Алевтина и некоторые её однокурсники работали в новом Театре-студии «Двенадцать», созданном при Ленинградском производственном объединении «Кировский завод». Режиссёром театра стал С.А. Илюхин, педагог «горбачёвцев» по ЛГИТМиКу. В репертуар входил спектакль «Завтра была война», в котором Алевтина снова исполняла роль учительницы Валендры. Артисты ездили на гастроли, принимали участие в концертах и молодёжных туристических слётах. Их куратором был Андрей Кондрон, директор молодёжного центра «Отава» при комитете ВЛКСМ Кировского завода. С ностальгией вспоминает он театр, актёров, совместную работу с ними. Впоследствии театр «Двенадцать» был реорганизован.

В 1988 году Алевтина снялась в кино, исполнила эпизодические роли в двух картинах. В фильме-спектакле «Натали» по мотивам произведений Ивана Бунина (Ленинградское ТВ, режиссёр В. Латышев) она сыграла

*Алевтина в роли Христи
в фильме-спектакле «Натали»*

*Алевтина в роли женщины
с младенцами в кинофильме
«Собачье сердце»*

Христю — прислугу в барском имении. В художественном фильме «Собачье сердце» по повести Михаила Булгакова («Ленфильм», режиссёр В. Бортко) исполнила роль женщины с младенцами, которым Швондер даёт имена Кла-ра и Роза.

Настало трудное, противоречивое время — распад СССР, «лихие 90-е». Многие творческие люди оставались без работы или сами уходили из профессии. Театры переживали кризис, теряли зрителей: людям зачастую было не до высокого искусства, лишь бы выжить. И устроиться на работу по специальности молодой актрисе было сложно: зарплаты задерживали месяцами, новых актёров брали неохотно. Алевтине приходилось искать разные подработки. Была уборщицей, гардеробщицей, сиделкой у старушки, няней у детей. Не имела своего жилья в городе. Жила на съёмных квартирах, у тёти в Поповке, приезжала к подруге в Москву. Но везде останавливалась ненадолго, не хотела никого стеснять. Пережила ещё одну потерю: 15 ноября 1993 года ушёл из жизни её отец.

Алевтина стойко переносила все невзгоды, искала свой путь в профессии, ездила на различные показы, пробы. Не-долго работала в Санкт-Петербургском театре «Обособляк» под руководством Дмитрия Поднозова. В спектакле «Га-зета “Русский инвалид” за 18 июля...» (1994 год, по пьесе М. Угарова) она исполнила роль Нюты, а в спектакле «Лес» (1995 год, по комедии А.Н. Островского) — роль Улиты.

Алевтина в последние годы жизни

А дальше снова поиски, подработки не по специальности, предательство близких и знакомых, неурядицы в личной жизни... Эти трудности усиливались доверчивостью Алевтины и её непрактичностью в быту.

Только в марте 2000 года актрисе улыбнулась удача: её приняли в труппу Санкт-Петербургского театра «Комедианты» под руководством Михаила Левшина. Коллеги по театру рассказывают: «Алевтина играла роль Мурзавецкой в спектакле «Волки и овцы» по пьесе А.Н. Островского. Воспоминания и отзывы о ней как о человеке и актрисе самые тёплые. Классические роли, безусловно,

играть нелегко, но Алевтина Мартыкайнен преодолела трудности и создала убедительный образ одной из главных героинь пьесы А.Н. Островского».

Казалось бы, жизнь начала налаживаться, Алевтина наконец-то приобрела скромное жильё в Санкт-Петербурге. Но всё внезапно оборвала скоропостижная кончина актрисы 17 июля 2000 года. Сердечная недостаточность...

На похороны пришли и приехали друзья, родные и близкие. Всех потряс ранний уход хорошего человека, так любившего жизнь и не так много успевшего в ней сделать.

Алевтину похоронили на Красноборском кладбище рядом с её мамой, маленьким братиком и другими родными. Красивая девушка лучезарно улыбается с фотографии на памятнике, её взгляд словно говорит: «Я буду жить в ваших сердцах».

Алевтина очень любила поэзию, умела искренне проникнуться ею. Подруги рассказывали, как выразительно она читала наизусть Ахматову, Цветаеву, Пастернака, Евтушенко, Рождественского, Лорку. А в «Монолог Мерлин Монро» Вознесенского видела некоторую схожесть своей судьбы с судьбой американской актрисы:

*Невыносимо, когда насильно,
а добровольно — невыносимей!..*

Актёр театра и кино Виктор Мелихов, однокурсник Али по ЛГИТМиКу, помнит, как она в институте читала книгу с названием «Алевтина» и говорила, что эта книга посвящена ей: «Книжка была небольшого, как детективы, формата, наша “современница”, в мягкой чёрно-белой обложке с изображением обнажённой женской спины. Аля читала нам стихотворение “о родинке в подреберье” и демонстрировала у себя такую родинку в подтверждение своих слов, что стихи автор книги посвятил ей. Это было так убедительно, что мы верили. Её актёрский талант проявлялся даже здесь, вне сцены, в дружеских разговорах на досуге. Потом Алевтина, смеясь, признавалась, что стихи посвящены не ей, что она не знает, кто муза этого поэта».

Мне захотелось найти такую книгу и прочесть то самое стихотворение о родинке. На мой запрос по названию книги в интернете нашёлся только сборник стихов Виктора Бокова, который он посвятил своей жене Алевтине. Книга небольшого формата в мягкой обложке была выпущена издательством «Советский писатель» в 1968 году. Но на обложке нет никакого женского силуэта, просто на чёрном фоне белым шрифтом напечатано имя автора и название, причём первая буква в слове «Алевтина» выделена красным. Показала изображение обложки Виктору Мелихову. Нет, не та книга...

Но потом в полном описании именно этого сборника я обратила внимание на слово «суперобложка». Значит, чёрная с белыми буквами — это суперобложка, а под ней ещё «прячется» и обложка, на которой, возможно, есть искомый рисунок. Приобрела издание, взяла книгу в руки, в волне-

нии сняла суперобложку и увидела заштрихованную фигуру обнажённой женщины. А на 45-й странице нашла ранее мне неизвестное стихотворение, которое Аля декламировала друзьям:

*Сегодня я тайну узнал
О родинке в подреберье.
Кто дал ей здесь место, тот знал,
Что родинка эта при деле!..*

Я испытала невероятные чувства, раскрыв тайну этой книги и получив возможность держать в руках точно такой же экземпляр, какой имелся у Алевтины. Оказывается, у неё была книжка без суперобложки.

А ещё я увидела образ Али в стихотворении «Простые строки» Николая Асеева и в Доротее, героине повести «Барьер» Павла Вежинова.

«Понять поэзию самóй жизни...» — эти слова из сочинения Алевтины характеризуют её как начитанную, талантливую, рассудительную девушку. По крупницам восстанавливая её биографию, я почувствовала, что она поняла «поэзию самóй жизни». Вот только проза этой сáмой жизни оказалась к ней слишком жестокой.

В детстве Аля и Галя делали из огарка свечи новую маленькую свечку, и их сердца наполнялись радостью и восторгом от мерцания её огонька. Не хотели, чтоб погасла свечечка.

Пусть не гаснет свеча твоей памяти, Аленька! Моё стихотворение «Цветочек аленький» посвящено тебе.

Автор выражает благодарность родным, педагогам, подругам, одноклассникам, однокурсникам, знакомым Алевтины Мартыкайнен, сотрудникам Ульяновской ДМШ, руководителям и специалистам архивов СПбГИК и РГИСИ, персоналу Санкт-Петербургских драматических театров «Особняк» и «Комедианты», а также руководителю школьного музея и заведующей библиотекой МКОУ «Красноборская СОШ» Чугуновой О.Э., фотореставратору Кортиковой Л.В., руководителю ЛИТО «Угреша» Егоровой Е.Н. за помощь в работе над очерком.

Цветочек аленький

Алевтине Мартыкайнен

Затерялся в сорняках
Мой цветочек аленький,
В царских не рождён садах,
Беззащитный, маленький.
К чуду руки протяну,
Уберу бурьян.
«Ты отныне не в плену!» —
«Это не обман?» —
Заискрятся в тишине
Первые слова,
Тайну доверяя мне
С робостью сперва.
«Нет, не бойся,
Ведь тебя не покину я.
Мне откройся,
Ты теперь тоже жизнь моя!
Не оставлю, если вдруг
Ветры налетят,
Сберегу от всех разлук,
Заберу в свой сад.
Только ты живи, свети,
Огонёчек аленький,
В забытьё не уходи,
Алла-Аля-Аленька!»

Содержание

Поэтический венок русским литераторам

А.С. Пушкину	
<i>Ярослав Смеляков</i>	4
<i>Елена Егорова</i>	6
<i>Александр Андронов</i>	9
<i>Натали Владо</i>	10
<i>Ольга Суркова</i>	11
Д.В. Давыдову	
<i>Ярослав Смеляков</i>	12
М.Ю. Лермонтову	
<i>Елена Егорова</i>	13
<i>Александр Андронов</i>	15
<i>Владимир Марфин</i>	16
А.Н. Майкову	
<i>Наталья Алимова</i>	17
Ф.М. Достоевскому	
<i>Наталья Алимова</i>	18
Н.А. Некрасову	
<i>Наталья Алимова</i>	18
<i>Владимир Марфин</i>	19
Антонию (Бочкову)	
<i>Елена Егорова</i>	20
Пимену (Благово)	
<i>Елена Егорова</i>	21
О.Э. Мандельштаму	
<i>Станислав Горшков</i>	22
<i>Наталья Алимова</i>	22
С.Т. Аксакову и В.П. Катаеву	
<i>Наталья Алимова</i>	23
К.Г. Паустовскому	
<i>Наталья Алимова</i>	24
Тэффи (Н.А. Лохвицкой)	
<i>Елена Егорова</i>	25
Н.С. Гумилёву	
<i>Галина Рябинина</i>	26
М.А. Светлову	
<i>Ярослав Смеляков</i>	27
<i>Владимир Марфин</i>	28

В.Ю. Драгунскому	
<i>Наталья Алимova</i>	30
Я.В. Смелякову и Н.М. Рубцову	
<i>Ксения Александрова</i>	31
Т.В. Стрешневой и Я.В. Смелякову	
<i>Владимир Марфин</i>	32

Гости «Угрешской лиры»

Лев Котюков	36
Игорь Витюк	40
Сергей Антипов	52

Новые смеляковские лауреаты

Александр Андронов	58
Владимир Бордюгов	63
Борис Катковский	67
Кирилл Кострецов	72
Владимир Кучерь-Чепелёв	76
Татьяна Максименко	81
Оксана Москаленко	86
Галина Рябинина	92
Александр Смирнов	98
Ольга Суркова	106
Татьяна Уварова	112
Любовь Щипанова	129

Угрешский Парнас

Елена Егорова	136
Наталья Алимova	144
Ксения Александрова	147
Татьяна Беличева	151
Любовь Богомолова	154
Натали Владо	156
Станислав Горшков	165
Любовь Карева	170
Анна Картавец	171
Татьяна Прокофьева	174
Любовь Стародубцева	177

Евгений Хазов	179
Людмила Шинкаренко	184
Артур Шлыков	186
Андрей Шульмин	190

Юная муза Угреши

Мария Абросимова	196
Надежда Андрейченко	197
Софья Бахтиярова	198
Егор Бахтурин	202
Тамара Головкина	205
Артемий Зайцев	207
Влада Матвеева	209
Лилия Мхитарян	212
Алексей Селивёрстов	215
Екатерина Сухова	216

Элизиум «Угрешской лиры»

Антоний (Бочков)	222
Пимен (Благово)	228
Валерий Аушев	232
Сергей Красиков	236
Ярослав Смеляков	240
Борис Щербатов	248

Новые исследования

<i>Елена Егорова.</i> Пушкиниана Ярослава Смелякова	253
<i>Ярослав Смеляков.</i> Стихотворения о Пушкине	270
<i>Наталья Алимова.</i> Актриса Алевтина Мартыкайнен: «Понять поэзию самой жизни...»	275

Угрешская дора

Литературный альманах Выпуск 7

Произведения печатаются в авторской редакции

Редактор-составитель и дизайнер

Е.Н. Егорова

Технический редактор

В.Н. Киселева

Корректор

О.Н. Крендясова

*На лицевой стороне обложки воспроизведена акварель
Д.Е. Шабунина «Зима в Николо-Угрешском монастыре». 2016 г.*

*Авторы вишнеток Н.В. Антонова (с. 85, 111, 155, 204, 235),
Е.Н. Егорова (с. 32, 143, 300), Л.А. Кострова (с. 134, 208, 214),
Л.В. Кортикова (с. 202), Е.В. Нистратова (с. 29, 269, 274),
Т.П. Михайловская (с. 206).*

В оформлении использованы фотографии с видами

*Николо-Угрешского монастыря: фото Е.Н. Егоровой — с. 57, 135, 195,
фото конца XIX века — с. 223. Фото на с. 35: Храм святого благоверного князя
Игоря Черниговского в Переделкино, прихожанами которого являются гости
альманаха. Источник: raven-yellow.livejournal.com*

Литературное объединение «Угреша» им. Я.В. Смелякова

Московской областной организации Союза писателей России

Тел. (495) 551-25-97. Сайт: <http://www.lito-ugresha.narod.ru>

E-mail: lito_ugresha@mail.ru

Московская областная благотворительная общественная организация «Общество «Семь Я»»

140093, г. Дзержинский Московской обл., ул. Спортивная, 12.

Тел. (495) 551-17-90. Сайт: <http://www.seveni.ru>.

E-mail: seveni1@mail.ru

Сдано в набор 10.06.2022. Подписано в печать 12.09.2022

Формат 60x90/16. Гарнитура «Pragmatica». Печ. л. 19,0. Тираж 600 экз.

ISBN 978-5-6047169-2-2

9 785604 716922

Отпечатано

в АО «ИПК «Чувашия»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Заказ № К-3800